

18+

# ПЕСНЬ КРОВИ

*Под небом Лондона их страсть была столь же запретна,  
сколь и неизбежна.*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

Виола Эджсон

18+

# Viola Jackson

## Песнь крови

<https://litres.ru/74255399>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Книга Песнь Крови

Лондон. Город, где под шумом дождя скрывается нечто древнее и оно просыпается.

Когда в городе начинают исчезать молодые и одарённые, Эйден — полудемон с глазами цвета стали и огня — вынужден снова заглянуть в бездну, которую прячет под кожей.

А Мэйв, сирена с голосом, способным свести с ума или спасти, боится не только своих чувств, но и тех, кто идёт по её следу.

Он — воплощение разрушения.

Она — живое оружие, созданное петть смерть.

Вместе они могут разорвать границу между мирами или стать причиной новой катастрофы.

«Песнь Крови» — мрачное городское фэнтези о голосе, который пробуждает тьму, и демоне, ищущем в себе человека.

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Плейлист                          | 4   |
| Предисловие                       | 7   |
| Пролог                            | 8   |
| Глава 1. Эйден                    | 14  |
| Глава 2. Мэйв                     | 31  |
| Глава 3. Эйден                    | 51  |
| Глава 4. Мэйв                     | 93  |
| Глава 5. Эйден                    | 126 |
| Глава 6. Мэйв                     | 155 |
| Глава 7. Эйден                    | 184 |
| Глава 8. Мэйв                     | 212 |
| Глава 9. Эйден                    | 236 |
| Глава 10. Мэйв                    | 259 |
| Глава 11. Эйден                   | 290 |
| Глава 12. Мэйв                    | 315 |
| Глава 13. Эйден                   | 350 |
| Глава 14. Мэйв                    | 377 |
| Глава 15. Эйден                   | 404 |
| Глава 15. Мэйв                    | 428 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 453 |

# **Viola Jackson**

## **Песнь крови**

### **Плейлист**

1. Halsey — Control
2. Daughter — Youth
3. London Grammar — Nightcall
4. Woodkid — Run Boy Run
5. AURORA — Runaway
6. Banks — Waiting Game
7. Zola Jesus — Skin
8. Arctic Lake — Limits
9. Klergy & Valerie Broussard — Start a War
10. Ruelle — Madness

11. Sevdaliza — Human
12. KALEO — Way Down We Go
13. Cigarettes After Sex — Apocalypse
14. Nothing But Thieves — Lover, Please Stay
15. Florence + The Machine — No Light, No Light
16. Freya Ridings — Ultraviolet
17. Rag'n'Bone Man — Lay My Body Down
18. AURORA — The Seed
19. Tommee Profitt ft. Fleurie — Let You Down
20. UNSECRET ft. Ruelle — Wake Me Up
21. Florence + The Machine — Heavy In Your Arms
22. Sleeping at Last — Saturn
23. Lana Del Rey — Dark Paradise

## 24. Hozier — Take Me to Church

# Предисловие

Некоторые тайны стоит хранить в темноте. Я нарушил это правило. Теперь тени шепчут мое имя. И я должен рассказать эту историю. Начну с конца: это всё — моя вина.

Счастливых концовок не существует

# Пролог

Лондонский дождь стирал границы. Он не падал, а висел в воздухе ледяной пылью, пропитывая всё: сырую землю, кору вековых деревьев, кожу. Лес на окраине города был не местом для жизни, а промежутком, лоскутом тьмы, зашитым в подкладку реальности.

Его шаги не оставляли следов. Крепкий, с плечами, натянувшими мокрую ткань куртки, он двигался сквозь чашу с нечеловеческой уверенностью. На его плече, безвольно свесившись, лежала девушка. Темные пряди, выбившиеся из-под капюшона, мерцали в темноте тусклой медью. Она была жива. Её грудная клетка сладко и предательски поднималась, прижимаясь к его спине.

Он шёл к Большому Дубу. Не к дереву, а к алтарю. Его кора, покрытая морщинами-шрамами и лишайниками, напоминала кожу древнего исполина. Здесь было тихо. Даже дождь затихал, ударяясь о плотный навес листвы.

Мужчина грузно опустил ношу на ковёр из прошлогодней листвы и мха. Девушка слабо застонала, веки её дрогнули, но сознание ещё цеплялось за спасительную глубину. Он не торопился. Методично, почти заботливо, расстегнул её дождевик, стащил с неё промокший свитер, джинсы, всё до последней нитки. Холодный воздух обжёг её кожу, покрытую мурашками. Она заворчала сквозь сон, пытаясь инстинктив-

НО СЖАТЬСЯ В КОМОК.

Именно тогда её глаза открылись. Широко, в ужасе, который пробился сквозь пелену транквилизатора. Она попыталась вскрикнуть, но из горла вырвался лишь хриплый выдох. Он присел на корточки, его лицо оказалось в сантиметрах от её. Жёсткое, скуластое, с глазами цвета мокрого асфальта. В них не было ни злобы, ни удовольствия. Только холодная, всепоглощающая сосредоточенность.

— Тише, птичка, — его голос был низким, бархатным, чудовищно спокойным.

Он взял из рюкзака бобину крепкого армированного скотча. Отмотал отрезок с резким, рвущим тишину звуком. Прижал ладонью её голову к земле, к холодным корням. Она забилась, её босые ноги скользили по грязи, пальцы впивались в перегной. Скотч лёг на её губы, сначала одна полоса, затем вторая, накрепко, навсегда запирая внутри любой звук. Слезы хлынули из её глаз, смешиваясь с дождём и грязью на щеках. Затем он взял верёвку. Не грубую, а прочную, эластичную, альпинистскую. Петля на правой лодыжке, несколько витков, узел. Левая лодыжка. Запястья. Он связывал её не как трофей, а как материал. Аккуратно, чтобы не повредить раньше времени.

Его прикосновения стали другими, когда он разделся сам.

Уже не методичными, а изучающими. Он водил ладонями по её бёдрам, животу, груди, как будто читая карту неизвестной земли. Она вся дрожала, и эта дрожь, казалось, лишь разжигала в нём холодный, мертвенный огонь. Он вошёл в неё без прелюдии, с одним резким, разрывающим толчком. Её тело вздрогнуло, подавшись навстречу боли. В глазах, полных слёз и немного крика, отражалось небо — низкое, свинцовое, безразличное.

Он занимался ею молча, ритмично, с той же сосредоточенностью, с какой позже будет выполнять основную работу. Его дыхание учащалось, но лицо оставалось каменной маской. Он искал в её страхе, в её унижении, в самой плоти что-то... отклик. Искру. Но находил лишь податливую, сжимающуюся вокруг него плоть и всепоглощающий ужас. В финале он издал короткий, сдавленный звук, больше похожий на стон разочарования, чем на наслаждение.

Откатившись от неё, он снова стал собран. Деловито поднял её на дрожащих ногах, приволок к дубу. Прижал её спину к шершавой коре, обхватывающей ствол, как рёбра. Правое запястье. Он достал длинный гвоздь с широкой шляпкой и молоток. Звук первого удара был тупым и влажным. Гвоздь вошёл между лучевой и локтевой костью. Тело девушки выгнулось в немой агонии, глаза закатились. Левый гвоздь вонзился быстрее. Теперь она висела на дереве, раскинув руки, обнажённая, пригвождённая. Живая икона страдания.

Только теперь он достал нож. Не тесак мясника, а тонкий, острый как бритва скальпель с костяной рукоятью. Он провёл лезвием по её ключице, оставляя тонкую алую нить. Кожа там была нежной, почти прозрачной. Кончик ножа вошёл глубже, поддел, сделал аккуратный надрез. И началась самая долгая часть.

Он снимал кожу. Не всю. Лоскут. С плеча, переходя на грудную клетку. Медленно, с хирургической точностью, отделяя верхний слой от мышц, которые подрагивали и сокращались. Кровь текла не фонтаном, а сочилась, густая и тёплая, окрашивая ребра, стекая по животу, смешиваясь с грязью и семенем у её ног. Боль вытащила её из полуобморочного состояния в чистый, кристальный ад. Её тело билось в конвульсиях, гвозди хрустели в костях. Звук, который она пыталась издать сквозь скотч, был похож на клокотание кипящей воды в заварочном чайнике.

Когда лоскут, размером с мужскую ладонь, отделился и повис, он отложил скальпель. Взял другой нож — с коротким, широким лезвием. Подошёл вплотную. Его дыхание теперь было горячим, в нём наконец-то проступил интерес, почти нежность. Он отклеил скотч с её рта одним резким движением. Она успела сделать один судорожный вдох, наполненный предсмертным хрипом.

— Спой для меня, — шепнул он.

И провёл лезвием по её горлу. Не пилил, а совершил один глубокий, уверенный разрез от уха до уха. Алый рот распахнулся ниже её рта настоящего. Песнь, которую она так и не смогла издать, выплеснулась наружу тихим булькающим всплеском, затем превратилась в ровный, шипящий шепот выходящего воздуха.

Он отступил на шаг. Смотрел.

Смотрел, как жизнь покидает её глаза, стекленея, отражая теперь только лесную темень. Смотрел, как тело окончательно обвисает на гвоздях, превращаясь из существа в вещь, в композицию. Кровь стекала по коре дуба тёмными, почти чёрными ручьями, впитываясь в землю у его корней. Дождь начал смывать алые подтёки с её груди и бёдер, делая картину более чистой, более вечной.

Он долго стоял, любуясь. В его асфальтовых глазах что-то шевельнулось. Не раскаяние. Не торжество. Скорее, эстетическое удовлетворение. И глубокая, ненасытная тоска. Потому что ни её страх, ни её боль, ни сама её смерть не дали ему того, чего он жаждал. Они не разбудили в нём эхо. Не заставили его кровь петь.

Собрав инструменты и тщательно вытерев руки о мох, он в последний раз окинул взглядом своё творение. Потом повернулся и растворился во мгле, идущей на смену дождю.

А в Лондоне, под шум воды, стекающей в канализацию, что-то древнее... пошевелилось. Оно почуяло этот зов. Этот примитивный, кровавый гимн. И оно потянулось к его источнику.

# Глава 1. Эйден

Дождь лил как из ведра, превращая улицы Лондона в чёрные зеркала, отражающие неоновые вывески и редкие фары машин. Я стоял у панорамного окна своего лофта, наблюдая, как вода стекает по стеклу, искажая очертания города. Мой город. Нет, моя тюрьма.

За спиной тихо гудел холодильник, да изредка поскрипывали старые балки перекрытий. Я не включал свет — только тусклое сияние ночного Лондона проникало внутрь, выхватывая из темноты очертания минималистичной мебели и пустых бутылок из-под виски.

Сегодня город казался особенно тревожным. Он что-то шептал. Я слышал это шептание лучше всех — оно говорило о том, что кто-то появился. Кто-то, кто умеет прятаться так же искусно, как я.

Я лениво сжал пальцы в кулак, чувствуя, как под кожей закипает привычная тьма. Полудемон. Наследник Мортвеллей. Сын Николаса, человека, научившего меня одной простой истине: страх — самая надёжная валюта в этом мире.

Я уже собрался уйти с балкона, когда в кармане завибри-

ровал телефон.

«Эйден, мать твою! Ты там опять киснешь в своей берлоге?»

Люк. Конечно. Голос в динамике был полон самодовольства и наглого веселья.

— Я тут нашёл бар, где виски льётся как дождь на твой унылый город. Девчонки горячие, музыка орёт... и знаешь что? Я понял, что твоего мрачного лица катастрофически не хватает в этой идиллии.

Я закатил глаза, прислонившись к стене.

— Люк, сейчас почти полночь. Нормальные люди в это время спят.

— Хорошо, что мы с тобой не нормальные, да? — фыркнул он. — Тащи свою прекрасную задницу сюда, и не заставляй меня тащить её самому. Хотя... если хочешь, я могу.

— Угроза или обещание? — усмехнулся я, уже направляясь к гардеробной за курткой.

— Комплимент, — отрезал он без паузы. — Давай, Эй-

ден, ну не будь ты задницей. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на твоё любимое хобби — сидеть в одиночестве и разговаривать со своими демонами.

Я фыркнул. Вот он — Люк. Ходячая харизма, вечный хаос, демон, которому всё сходит с рук.

— Хрен с тобой, — выдохнул я, застёгивая молнию на кожаной куртке. — Скоро буду.

— Вот это другое дело! — обрадовался он так, будто выиграл войну. — Держись, бар не закроется, пока мы не уйдём.

— Надеюсь, он сгорит, пока я доеду, — буркнул я, сбрасывая вызов.

Мотор Suzuki ожил с низким, звериным рыком, когда я выехал из гаража. Ветер хлестал по лицу, дождь бил по шлему, но я чувствовал себя живым — как никогда. Каждая кочка на дороге, каждый всплеск воды под колёсами — маленькая игра с опасностью.

Лондон под дождём был другим. Он стирал с себя лица, превращая улицы в пустые декорации. Фонари горели тускло, в их свете мельтешили капли, похожие на стеклянных

насекомых. Я любил этот город за то, что он скрывал. За то, что в его тених можно было спрятаться... или потеряться навсегда.

Я не торопился в бар. Сначала я сделал круг по городу, позволив шинам рассекать лужи, а холодному воздуху выдувать из головы лишние мысли. Я был не просто человеком, не просто демоном — я был тенью между этими мирами. И ночь принадлежала мне.

Бар, о котором говорил Люк, находился в районе, где неон и ночь сплетались в ядовитый коктейль. Толпа, музыка, запах дешёвого виски и дорогого парфюма — всё это ударило в лицо, как только я переступил порог.

Люк сидел у стойки, расслабленный и уверенный, как всегда. На его коленях устроилась девица в коротком платье — она что-то шептала ему на ухо, а он лениво усмехался, не прикасаясь к ней. Даже сидящая на нём девица была не более чем фоном. Он крутил в руках стакан, медленно, словно всё происходящее не имело к нему никакого отношения.

Я подошёл, положил ладонь ему на плечо, чуть надавив — скорее чтобы сбить самодовольный вид, чем поприветствовать.

— Опять девушек соблазняешь? — хмыкнул я, скользнув взглядом по его новой «добыче».

— Они сами ко мне липнут, да, малышка? — он лениво повёл бровью и обвил её за талию. Она прыснула смехом, подтверждая его слова.

— Всё, исключи пафос и свою очаровалку, — я покачал головой и жестом подозвал бармена. — Двойной виски.

— Скучно с тобой, — протянул Люк, театрально закатив глаза, но я уловил в них знакомую искру — он был доволен моей реакцией.

Когда бармен поставил передо мной стакан, я прислонился к стойке, делая глоток. Жгучее тепло прокатилось по горлу.

— Знаешь, Люк, иногда мне кажется, что ты приходишь в бар не выпить, а собрать коллекцию вздохов.

— А что плохого в том, чтобы собирать красивые вещи? — он усмехнулся, его пальцы скользнули по бедру девицы, отчего та залилась краской. — Ты просто не умеешь расслабляться.

— Я умею. Просто в моём понимании это не включает вот это шоу, — я кивнул на его даму, которая уже практически сидела у него на руках.

— Тебе бы стоило попробовать, — ухмыльнулся он, наклоняясь к её шее. — Поверь, жизнь стала бы проще.

— Или сложнее, — буркнул я, отодвигая стакан. — Всё зависит от того, кого ты подпускаешь ближе.

Его усмешка стала шире, но в глазах на миг мелькнула тень. Я знал его достаточно хорошо: весь этот балаган с женщинами — ширма. И если он вытащил меня сюда, значит, разговор будет не о лёгких развлечениях.

— Ладно, выкладывай, — я наклонился ближе, понизив голос. — Зачем ты меня сюда притащил?

Люк щёлкнул пальцами, обращаясь к своей спутнице: — Детка, иди припудри носик.

Девушка нехотя соскользнула с его колен, а он, не скрываясь, проводил её взглядом, задержавшись на её заднице. Только потом, вернув внимание ко мне, ухмыльнулся:

— Люцифер.

— Чего Люцифер?

— Дал новое задание. Нам двоим.

— Он типа вызвал тебя в свои обители? — скептически уточнил я.

Люк фыркнул, качнув головой.

— Не меня. Моего отца.

Внутри неприятно кольнуло. Связи Люка с его стариком всегда оборачивались чем-то мутным.

— Ну и что за задание?

Люк повертел в руках стакан, явно нарочно затягивая паузу, потом сказал:

— Есть несколько демонов, которые устроили дебош. Переговоры со смертными, потом — стирание памяти.

— Для чего память стирать? — спросил я, хотя ответ уже был очевиден.

Люк поднял на меня глаза. В них не было ни грамма легкомыслия, только серьёзность, от которой мне стало не по себе.

— Они были в своей ипостаси.

Я хмыкнул, снова хватая стакан. Горечь алкоголя только подчеркнула странное чувство, что всё это — очередная ловушка.

— Красиво живём, — протянул я. — Значит, демоны вышли погулять в истинном облике, устроили хаос, и теперь мы должны за ними подчищать?

Люк усмехнулся:

— Именно, братец. Кто-то должен вернуть всё на круги своя. Смертные слишком любопытны, а память — слишком хрупкая штука. Её проще сломать и переписать, чем дать хранить правду.

Я скривился.

— А если хоть один из них вспомнит?

— Тогда беда будет не только для них, — его голос по-

темнел, — но и для нас.

Он сделал глоток и снова кинул на меня ленивый, почти равнодушный взгляд.

— Так что, готов сыграть в охотника за своими? — в его голосе прозвучала насмешка.

Я молчал, сжимая стакан. Перед глазами вспыхнуло воспоминание: человеческий крик, паника, огонь, когда демоны выходят из тени и перестают притворяться. Ничего не меняется — всё одно и то же. Они рушат, мы затыкаем дыры.

— А если я скажу «нет»? — спросил я спокойно.

Люк ухмыльнулся:

— Тогда это скажет твой отец. А ему ты «нет» ещё ни разу не говорил.

Я допил виски и поставил стакан на стойку. Чёрт. Он был прав.

Мы вышли из бара, и шум музыки вместе с запахом дешёвого виски остался позади. На улице было пустынно, только неоновые вывески оживляли мёртвый квартал. Дождь стих

так же внезапно, как и начался, оставив после себя влажный, тяжёлый воздух.

— И почему, когда молодняк косячит, мы вписываемся?  
— буркнул я, сунув руки в карманы.

— Потому что мы были такими же, — выдохнул Люк дымом, закуривая сигарету.

— Э, нет, — я качнул головой. — Я не превращался в свой облик и не показывался смертным.

Люк ухмыльнулся, прищурившись, и наклонился ближе:

— Просто у тебя хватало мозгов не попадаться.

Я хмыкнул и посмотрел на тёмное небо, в котором не было ни одной звезды. Мир снова требовал, чтобы мы разгребали чужие проблемы.

Когда мы подошли к парковке, ночь была уже прохладной, а асфальт блестел от дождя. Фонари бросали тусклый свет на два мотоцикла — Люкова Yamaha R6, блестящая и ухоженная, и мой Suzuki, чуть менее вызывающий.

— Всё равно, — сказал я, надевая шлем. — Я бы не стал

так подставляться ради сопляка, который едва не спалился перед смертными.

Люк ухмыльнулся, закидывая ногу на байк.

— Ты слишком серьёзный, Эйден. Разве не помнишь, как сам лез в каждую дыру, пока отец не заставил тебя держать себя в руках?

— Разница в том, что я хотя бы понимал последствия, — буркнул я, заводя двигатель.

— Последствия — это то, что делает нас живыми. А то, что мы вписываемся за младших... ну, кто-то же должен.

Я закатил глаза, сжал руль и ответил:

— Знаешь, иногда я думаю, что ты слишком охотно берёшь на себя роль героя.

Люк хлопнул меня по плечу перед тем, как завести свой байк.

— А ты слишком охотно играешь в того, кто лучше всех знает, как надо. Баланс, братец. Вечный баланс.

Мы выехали на трассу. Сначала дорога тянулась лениво: неон вывесок, редкие машины, ночной ветер. Но стоило Люку бросить на меня тот дерзкий взгляд, как я понял — спокойно не будет.

Он рванул вперёд. Я скривился, но улыбка сама полезла на губы.

— Ага, значит, играем, — пробормотал я себе под нос и выкрутил газ.

Моя Suzuki откликнулась мгновенно, гул двигателя перекрыл всё. Мы то обгоняли друг друга, то шли бок о бок, мотоциклы ревели, будто два зверя, меряющихся силой. Люк даже отпустил руль на пару секунд, подняв руку и показав мне средний палец.

Я подался вперёд, чувствуя, как ночная трасса превращается в артерию скорости. И в этот момент я поймал себя на том, что улыбаюсь — по-настоящему.

Ветер выл в ушах, заглушая даже гул моего собственного мотора. Я пригнулся к бензобаку, чувствуя, как каждая кочка, каждая трещина на мокром асфальте передаётся в позвоночник. Люк нёсся впереди, его «Ямаха» сверкала под тусклыми фонарями, как чёрная молния. Он не оборачивался, но я знал — он ухмыляется. Он всегда ухмыляется, когда

делает что-то запретное.

Светофор на перекрёстке моргнул жёлтым. Люк не сбросил скорость — он рванул вперёд, едва не задев бампер такси. Водитель засигналил, но звук тут же растворился в шуме дождя и ветра.

Я последовал за ним, чувствуя, как адреналин закипает в крови. Город проносился мимо размытыми пятнами огней. Витрины, закрытые кафе, редкие прохожие — всё это было просто фоном для нашей гонки. Для нас, двух полуночных охотников, которые давно перестали играть по чужим правилам.

Люк свернул в узкий переулок, и я едва успел среагировать, наклонив байк почти до земли. Борта машин, припаркованных у стен, проносились в опасной близости от моих колен. Я слышал, как он смеётся — громко, нагло, перекрывая рёв моторов.

— Медленно едешь, Мортвель! — донеслось до меня сквозь ветер. Он кричал, не оборачиваясь.

Я выжал газ до упора. Suzuki взревел, и я почувствовал, как заднее колесо чуть срывается в скольжение на мокром асфальте. Но я удержал равновесие, выровнял траекторию и

пошёл на обгон.

Мы вылетели на набережную. Река блестела внизу чёрным зеркалом, отражая редкие огни. Люк пошёл левее, я — правее. Мосты нависали над нами, как гигантские арки, готовые рухнуть. Ветер бил в лицо, выжимая слёзы из глаз, но я не моргал. Я видел только дорогу.

— Догоняй, если сможешь, придурок! — Люк привстал на педалях, его силуэт на мгновение вырвался вперёд.

Я не ответил. Вместо этого я ускорился, сокращая расстояние. Когда наши колёса поравнялись, я повернул голову и встретился с ним взглядом. В его глазах горел тот самый дикий огонь, за который я его ценил. И ненавидел. Одновременно.

— Ты знаешь, что будет, если нас заметят? — крикнул я.

— Заметят? — он расхохотался, и его смех разорвал ночную тишину. — Ты серьёзно, Демон? Мы же тени, брат. Нас не увидят, даже если захотят.

И он снова рванул вперёд, оставляя за собой шлейф воды и грязи. Я последовал за ним, чувствуя, как капли дождя впиваются в кожу.

Мы промчались мимо закрытого рынка, мимо старого кирпичного завода, мимо призрачных фигур бездомных, которые на мгновение поднимали головы, а потом снова исчезали в темноте. Лондон был пустым и живым одновременно. Он дышал нами.

Люк резко затормозил у моста Ватерлоо, и я едва успел вписаться в поворот, остановившись рядом с ним. Гул двигателей стих, оставив лишь шум дождя и тяжёлое дыхание.

Он снял шлем и откинул волосы назад. На его лице сияла довольная, почти детская улыбка.

— Ну что? — спросил он, переводя дыхание. — Я всё ещё быстрее.

— Ты быстрее только в том, чтобы чуть не врезаться в такси, — парировал я, слезая с мотоцикла. — Я не гонюсь за тобой. Я просто слежу, чтобы ты не разбил голову о столб.

Люк рассмеялся, хлопнув меня по плечу.

— Ты просто завидуешь, что у меня больше драйва в кро-ви, чем у тебя.

— Я не завидую. Мне просто жаль твой мотоцикл.

Он фыркнул, прислонился к перилам моста и закурил. Огонь зажигалки на секунду выхватил его лицо — уставшее, но счастливое. Как у человека, который на мгновение забыл о том, что он демон.

— Иногда я думаю, — сказал он, глядя на реку, — что мы слишком много берём на себя. Эти задания, эти приказы... Мы же не рабы, Эйден.

— Нет, — согласился я. — Мы просто пешки в их игре. Но от этого не легче.

Он выдохнул дым и повернулся ко мне.

— Тогда какого хрена мы в это ввязались?

Я пожал плечами.

— Потому что, если не мы, то кто? Эти сопляки, которых мы ищем, просто глупы. Но они — часть нашего мира. Мы не можем позволить им разрушить то равновесие, которое мы годами держали.

Люк не ответил. Он просто смотрел на воду, и я видел,

как его мысли блуждают где-то далеко.

— Ладно, — наконец сказал он, затушив сигарету о перила. — Завтра утром встречаемся. Будет весело.

— Как всегда, — усмехнулся я.

Он закинул ногу на мотоцикл и направился к выходу с набережной. Я остался стоять, слушая, как его двигатель стихает вдали. Ночной Лондон снова стал тихим и чужим. Только шум дождя и холодный ветер напоминали мне, что я ещё жив.

Я стоял на мосту ещё несколько минут, глядя на чёрную воду Темзы. Дождь снова усилился, и струи воды стекали по моему лицу, смешиваясь с холодным потом. Я думал о том, что сказал Люк. О том, что мы — пешки. И о том, что даже в этой тёмной игре, где нет места для слабости, иногда хочется просто остановиться. Хотя бы на мгновение.

Но ночь не ждала. И я знал, что завтра всё начнётся снова. Охота. Молодняк. Отец. Князя. И этот город, который не устаёт напоминать мне, что я — часть его тьмы.

Я сел на мотоцикл, завёл двигатель и, не оглядываясь, растворился в ночи.

## Глава 2. Мэйв

Просыпаться под запах свежесваренного кофе куда приятнее, чем под звонок будильника. Особенно когда этот кофе готовит твоя тётя, а твоя квартира — это скромная комнатка над её кафе. Соседи снизу — шумные кофемолки и разговоры посетителей, но я к этому привыкла. Я зарылась лицом в подушку, пытаюсь оттянуть момент вставания, но снизу уже донёсся знакомый голос:

— Мэйв! Если не спустишься через пять минут, сама заставлю мыть посуду!

Я закатила глаза. Да, жизнь певицы в ночном клубе звучит куда романтичнее, чем есть на самом деле. После концертов я часто перебираюсь за барную стойку или даже подменяю официанток. Тётя любит повторять, что у меня «слишком звонкий голос, чтобы тратить его на объявления заказов», но я знаю — ей просто нужна помощь. Потянувшись, я села на кровати. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь полуприкрытые жалюзи, освещая мой рабочий уголок: зеркало, усыпанное косметикой, блокнот с новыми текстами и микрофон, который я упрямо таскаю за собой, даже если он давно устарел. Я натянула джинсы, футболку с логотипом клуба и спустилась вниз. Тётя уже накладывала слойки на витрину,

улыбаясь первому посетителю — мужчине в костюме, явно спешащему в офис.

— Доброе утро, звезда, — подколола она, заметив меня.  
— Опять до трёх пела?

— До четырёх, — буркнула я и схватила чашку кофе. — Но не переживай, я ещё способна носить подносы.

Она лишь фыркнула. Я люблю это кафе. Оно пахнет ванилью и корицей, шумит ровно настолько, чтобы не давать забыть, что вокруг кипит жизнь. И именно отсюда я каждый день начинаю свой путь — то ли к свету софитов, то ли вглубь своей личной тьмы.

— Возьми эти тарелки, — тётя сунула мне поднос, даже не глядя. — И улыбайся, Мэйв, люди любят улыбки.

Я усмехнулась. Улыбка для меня была опасным оружием, почти таким же, как голос. Всё детство тётя учила меня контролю: «Не пой без причины, не смейся слишком звонко, не повышай голос в ссоре. Никогда». Потому что стоило мне сорваться — и мир вокруг дрожал вместе с людьми, которых я затрагивала. Иногда я ненавидела это. Иногда — любила. Сирена. Звучит красиво, почти поэтично. Но это не сказка про русалку с хвостом и жемчужинами. Это я. Живая

девушка, которая может одним словом заставить тебя влюбиться... или умереть. Я поймала своё отражение в витрине: обычные глаза, серо-зелёные, чуть усталые после вчерашней ночи. Но я знала — стоит злости или страху вырваться наружу, и они становятся почти чёрными, в глубине которых вспыхивает морской холод. Тогда же проступают когти, а зубы предательски заостряются.

— Мэйв! — позвал кто-то из клиентов, и я резко вернулась в реальность. Я поправила поднос, подошла к столику и, как обычно, включила ту часть себя, которую боялась показывать. Силу. Я позволила голосу зазвучать мягче, теплее. Мужчина за столиком тут же расслабился, его улыбка стала глуповатой. Я вздохнула.

Вот так всегда. Я не стараюсь, но всё равно влияю. И всё же — иногда это было удобно. Особенно, когда нужно было держать людей подальше от настоящей себя. Дверь с тихим звоном колокольчика открылась, впуская в помещение утренний холодный воздух. Вошёл Мартин — вечно растрёпанный, но каким-то чудом обаятельный администратор кафе. На его куртке ещё блестели капли дождя.

— Опаздываете, молодой человек, — строго заметила тётя, даже не поднимая глаз от кофейной машины. Её голос всегда был чуть театральным, как будто каждое слово она произносила для публики.

— Прошу прощения, мадам Хадсон, — торопливо ответил он, снимая куртку и отряхивая капюшон. Я, стоявшая за стойкой и протиравшая стаканы, только усмехнулась. У Мартина это была уже, наверное, пятая опозданная смена за последние две недели.

— Клянусь, автобус снова задержался, — добавил он, бросив на меня быстрый взгляд, будто искал поддержки.

— Автобус, — фыркнула я, складывая стакан на полку. — Конечно. В три квартала отсюда. Интересно, почему тогда я всегда прихожу вовремя?

Мартин прищурился и чуть наклонил голову:

— Потому что ты не человек, Мэйв. Ты вообще как будто с другой планеты.

Я замерла на секунду. Он сказал это в шутку, но слова прозвучали слишком близко к правде. В груди что-то болезненно кольнуло.

— Вот именно, — вмешалась тётя, не подозревая, как метко Мартин попал. — Её голос — лучше любого будильника. Поднимает весь дом. Может, тебе, мальчик, стоит пе-

реночевать у нас, чтобы не опаздывать?

Мартин вспыхнул, а я фыркнула, отворачиваясь, чтобы скрыть улыбку. Я знала: он ничего не подозревает. Но иногда его шуточки будто играли с огнём.

— Так, у нас два заказа на выезд, кто поедет? — строго произнесла тётя, поправляя очки на кончике носа и сверяясь с блокнотом.

— Я только пришёл, — Мартин развёл руками, демонстративно вздыхая, будто хотел подчеркнуть: с него взятки гладки.

— Мэйв, — не поднимая глаз, сухо сказала тётя.

— Почему всегда я! — выдохнула я, ударив полотенцем по стойке.

— Потому что у тебя самый быстрый байк и лучший навигатор в телефоне, — с невозмутимым видом отрезала тётя.

Мартин усмехнулся, пряча улыбку в кружке с кофе:

— И потому что клиентов ты очаровываешь быстрее, чем я найду их адрес.

Я прищурилась. Вот бы в этот момент дать ему чуть-чуть «сиренского голоса» — пусть потом сам себе объясняет, почему купил десять лишних маффинов. Но нет. Я пообещала себе, что не стану использовать силу в таких мелочах... хотя искушение было велико.

— Отлично, — процедила я сквозь зубы, схватила сумку с заказами и накинула кожанку. — Если я через час не вернусь, значит, утонула в пробках.

— Или в чьих-то глазах, — подколот Мартин, но тут же притих под взглядом тёти. Тётя тяжело вздохнула и махнула рукой:

— Идите уже. Мартин, помоги ей с дверью.

— Я сама справлюсь! — огрызнулась я и с вызовом распахнула дверь ногой, едва не заехав ею по колену бедолаге Мартина. На улице было свежо и шумно: где-то сигналили машины, пахло выпечкой из соседней булочной и мокрым асфальтом после утреннего дождя. Я шагнула к скутеру, поставила пакеты на сиденье и усмехнулась. «Вот так, сирена на доставке. Ну просто мечта всей жизни». Я вздохнула, забирая пакет с заказом и шлем. Скутер был не самым быстрым транспортом в Лондоне, но зато удобным — осо-

бенно, когда весь город стоит в пробках. Надела шлем, щёлкнула замком под подбородком и вырулила со двора кафе. Ветер бил в лицо, волосы выбивались из-под шлема, щекотали шею. Улицы шумели привычным фоном: автобусы, сигналы такси, куда-то спешащие прохожие. Всё это было частью моего ритма — ритма, который я ненавидела и любила одновременно. Первая доставка — в старых пятиэтажках. Эти дома выглядели так, будто стояли тут ещё с войны: облупившаяся краска, крохотные балконы, на которых сушилось бельё, и запах жареной рыбы, въевшийся в стены. Я припарковала скутер прямо у подъезда, заглушила мотор и сняла шлем.

— Ну, поехали, — пробормотала я себе под нос, сжимая пакет с заказом. Внутри всё было тихо, даже слишком. Подъезд пах старой пылью и чем-то затхлым, а тусклая лампочка моргала, будто на грани выгорания. Я поднялась на третий этаж, постучала в дверь квартиры.

— Доставка, — позвала я.

Ответа не было. Только скрип половиц где-то за дверью. Мурашки пробежали по коже. Я уже готовилась к стандартной процедуре: протянула пакет, взять оплату, пожелать хорошего дня и умчаться дальше. Но дверь открылась — и вот тут я, честно, чуть не уронила сумку. На пороге стоял высокий парень, явно только что из душа — волосы мокрые, в

серых спортивных штанах и... без футболки. Отличный бонус для моего рабочего дня. Не успела я ничего сказать, как из глубины квартиры донёсся голос:

— Ты что там опять заказал?

— Не твоё дело! — раздражённо бросил первый. И тут же к двери прилип второй. Чуть ниже ростом, но улыбка у него была до ушей, и наглости явно не меньше, чем харизмы. Он провёл взглядом по мне сверху вниз и ухмыльнулся:

— Опа! А когда у нас в Лондоне появились такие симпатичные курьеры?

Я уже закатила глаза. Типичный. Каждый раз находятся такие шутники.

— Заткнись, а? — первый резко толкнул приятеля плечом и повернулся ко мне. — Прошу прощения за этого идиота.

Он протянул мне крупную купюру, я только и успела приподнять бровь.

— Сдачи не надо, — сказал он коротко, забрал пакет и закрыл дверь прямо перед носом своего болтливого соседа. Я осталась стоять с купюрой в руке и сумкой через плечо.

"Ну что ж, лондонские пятиэтажки умеют удивлять."

Я спустилась вниз и, наконец, вдохнула полной грудью — воздух пах мокрым асфальтом и пылью, смешанной с дымом от соседнего кафе. Лондон никогда не был чистым, но в этой грязи было что-то успокаивающее. Я шагнула к своему скутеру, проверяя ремень сумки, когда внутри меня будто что-то кольнуло — картинка с парнем у двери не выходила из головы. Серые штаны, татуировка на ключице, будто обожжённый символ, и тонкий шрам, пересекающий кожу рядом. Я видела сотни клиентов за последние месяцы, но таких деталей ещё ни разу не цепляла память. Я даже поймала себя на том, что остановилась у скутера и задержала дыхание.

— И чего ты уставилась? — пробормотала я себе под нос, пытаясь стряхнуть наваждение. — Просто очередной заказ.

Я завела двигатель, и жужжание моторчика быстро заглушило мысли. Но в груди почему-то остался лёгкий холодок, будто я только что столкнулась с чем-то важным, а мозг ещё не догнал, чем именно. Я вырулила со двора пятиэтажек, чувствуя, как ветер холодными ладонями тянет за волосы из-под шлема. Сердце еще колотилось после той двери — не столько из-за заказчика, сколько из-за его наглого друга. Но я быстро отогнала мысли. Работа есть работа. Следующий

заказ оказался в новом жилом комплексе. Высотка, стеклянный подъезд, консьерж, равнодушно поднявший глаза, когда я вошла. Девушка в спортивке открыла почти сразу — забрала еду, буркнула «спасибо» и захлопнула дверь. Всё. Даже чаевых не оставила. Потом был заказ в старом доме с облупившейся штукатуркой. Там меня встретила уставшая женщина лет сорока с ребенком на руках. Она улыбнулась, поблагодарила и сунула мелочь на чай. Я кивнула и пожелала ей хорошего вечера. Дальше — офисное здание. Курьеры вроде меня там мельтешили каждые пять минут. Мужик в костюме, торопливо расписавшийся в телефоне, выхватил пакет так, будто я доставила ему не ужин, а документы с государственной тайной. За ним ещё пара заказов: подросток, которому было неловко брать пакет, будто он впервые что-то заказал сам; и пожилой дедушка, удививший меня вежливостью и аккуратностью, с которой он взял коробку с лапшой. Ничего особенного. Никаких странных взглядов, ни татуировок, ни шрамов, ни наглых реплик. Просто Лондон, каким я его знала — шумный, холодный и равнодушный. Но почему-то, возвращаясь к себе на скутере, я всё время ловила себя на мысли о первом подъезде. О серых штанах, о татуировке, блеснувшей на ключице, и о том, как уверенно он захлопнул дверь. Я вернулась в кафе под вечер, скутер всё ещё пах бензином, а пальцы ныли от пакетов. Задержалась у двери — запах свежесваренного кофе и корицы ударил в нос, мгновенно перекрыв уличный шум.

— Ну что, справилась? — тётя выглянула из-за стойки, вытирая руки о фартук. Я молча кивнула, протянула ей пачку сложенных купюр и монет. Она привычно пересчитала, аккуратно уложила в кассу, а я, вздохнув, стянула с себя куртку и повесила её на крючок.

— Всё спокойно прошло? — спросила она, бросив на меня быстрый взгляд.

— Ага, — отозвалась я. И правда, кроме странного парня с татуировкой и его болтливого соседа, ничего примечательного. Остальные заказы были стандартные: торопливые офисные работники, вечно недовольная старушка с третьего этажа, пара студентов, смеющихся так, что я еле услышала их адрес. Всё как обычно. Я устроилась за маленьким столиком у окна, грея пальцы о чашку чая. Снаружи моросил дождь, стекло затягивало мутными каплями. Город жил своей жизнью, шумел, суетился, но внутри кафе было тихо. Почти уютно. И только где-то глубоко внутри шевельнулась мысль, что сегодняшний день не такой уж обычный. Я закрыла кафе чуть раньше обычного — клиентов сегодня было немного. Сумку с остатками булочек и кофе я закинула на плечо, отчётливо чувствуя усталость в ногах. День оказался длинным. Поднимаясь по лестнице в свою квартиру на третьем этаже, я отмечала каждый скрип ступеней, как будто

они устало жаловались вместе со мной. На площадке первого этажа хлопнула дверь — кто-то из соседей торопливо вышел. На втором я слышала музыку из квартиры напротив, глухой бас отдавал в стены. Всё это было привычным, повседневным, и я даже расслабилась. Моя дверь встретила меня всё тем же облупившимся номером и замком, который иногда заедал. Я покрутила ключ пару раз, пока наконец он не поддался. Внутри пахло кофе — аромат будто въелся в стены и мебель, так что даже дома я словно оставалась в кафе. Я бросила сумку на диван, вытянула руки вверх, хрустнув суставами, и на секунду замерла у окна. Город шумел внизу — огни фар, крики прохожих, лай собаки вдалеке. Всё как всегда. Ничего особенного. И в этом, наверное, было что-то странное: слишком уж спокойно. Я уселась на диван, положив стакан с водой на журнальный столик, и чуть откинулась на спинку. В груди ещё чувствовалась усталость после смены — будто весь день каталась по городу на скутере не ради заказов, а на выживание.

Моя сумка на диване тут же ожила — на неё мягко и важно запрыгнул серый вислоухий британец. Он с любопытством обнюхивал ткань, шуршал носом, словно проверяя:

«Ну-ка, где ты там лазила?».

— Саймон, — протянула я с усталой улыбкой, — ну что,

ревизию устроил?

Кот поднял морду, лениво моргнул жёлтыми глазищами, а потом без лишних раздумий переступил лапами на мои колени. Тяжёлый, тёплый, пушистый. Развалился так, словно весь день тоже пахал вместе со мной. Я вздохнула и, осторожно поглаживая его по спине, взяла стакан с водой. Сделала пару глотков, холодная жидкость приятно освежила пересохшее горло. Саймон вытянулся, уложил морду на мои бёдра и довольно замурчал, будто говоря: «Вот так и сиди. Никуда больше не иди». Хорошо. Хоть сейчас в этом хаосе был кто-то, кому совершенно всё равно на мои заработки, странных клиентов и усталость. Ему нужна была только я — и тёплое место под рукой.

Я взяла стакан обеими руками, чуть поднесла его к губам и сделала маленький глоток. Вода оказалась прохладной, но будто совсем не утолила жажду. Кот удобно устроился у меня на коленях, его тяжёлое тёплое тело приятно согревало, а мягкое урчание постепенно успокаивало мысли. Я задумчиво провела ладонью по его плотной шерсти, но в голове снова всплыло лицо того парня. Татуировка на шее — я всё ещё помнила узор, чёткий, словно нарисованный в памяти углём. И шрам на ключице — грубая линия, как будто сама жизнь оставила на нём свою подпись. Его взгляд... серо-стальной, чуть мрачный, но живой. На секунду я поймала себя на том,

что будто бы снова стою у его двери, и сердце глупо подсказывает, словно от неожиданного толчка.

— Чего ты там задумалась, а? — пробормотала я вслух, больше к себе, чем к коту. Он поднял голову, посмотрел на меня с каким-то кошачьим равнодушием и снова закрыл глаза. Я сделала ещё один глоток воды, откинулась на спинку дивана и поймала себя на мысли: зачем мне так запомнился совершенно случайный клиент? Я ведь видела десятки лиц за смену. Но именно это — с татуировкой и шрамом — никак не уходило из головы.

Я только устроилась на диване, когда телефон пискнул — в нашей общей группе с девчонками высветилось сообщение.

Стеф: «Ты опять пропала? Мы хоть увидимся на этой неделе, или твоя работа окончательно съела тебя?»

Я закатила глаза и невольно усмехнулась. Стеф вечно бурчала на меня за то, что я мало появляюсь. Лена, в отличие от неё, всегда находила оправдание — мол, я трудоголик, а у нас у всех свои заботы.

Я: «Да ладно вам, я не пропадаю. Сегодня просто вымоталась, завтра постараюсь выбраться».

Пальцы сами собой задержались над экраном. Я задумалась — иногда было так трудно врать им. Трудно притворяться обычной. Они ведь не знали, что всё это "вымоталась" и "работа" лишь прикрытие. Что моё настоящее «я» — опаснее и страннее, чем они могли представить.

Лена: «О, давай завтра! Я беру вино, Стеф — закуски, ты — себя. Без вариантов».

Я усмехнулась и кивнула сама себе. Эти двое могли бы растопить любой лёд. С ними я чувствовала себя нормальной, почти забыла бы, что я — сирена, если бы не одно «почти». Я отложила телефон на столик, погладила кота, который всё ещё урчал у меня на коленях, и поймала себя на том, что снова думаю о том парне с татуировкой и шрамом. Что-то в его взгляде зацепило меня сильнее, чем хотелось бы признавать. Я улыбнулась, глядя на экран. Стеф никогда не могла долго молчать — если в её голове появлялась мысль, она тут же оказывалась в чате.

Стеф: «Завтра собираемся у Лены! Я не принимаю никаких отмазок. Девчачья ночь — вина, маски для лица и сплетни!»

Я хмыкнула. Стеф всегда была генератором идей, а Лена — той, кто ворчит, но всё равно соглашается.

Лена: «Стеф, у тебя же завтра экзамен! Какой ещё виниш-ко?»

Стеф: «Тем более повод. А у тебя выходной, так что не придумывай. Мэйв, ты с нами?»

Пальцы зависли над экраном.

Я почувствовала лёгкий укол в груди — странное чувство, будто бы я стояла на границе двух миров. В одном я просто обычная девушка, их подруга. В другом — сирена, существо, чья природа может разрушить всё, что они о себе думают.

Я: «Я с вами. Вино и маски — звучит как раз то, что нужно.»

Отправив сообщение, я откинулась на спинку дивана. Кот, словно почувствовав перемену в моём настроении, тёпло замурлыкал и ткнулся лбом мне в руку. Я провела пальцами по его мягкой шерсти и задумалась. Как долго я смогу прятать правду? Что будет, если однажды они узнают, кто я на самом деле? И почему, чёрт возьми, в моей голове снова всплыл образ того парня с татуировкой и шрамом? Его взгляд всё ещё будто прожигал изнутри. Я осторожно подняла пушистого наглеца с коленей, погладила его по мягким ушам и уложила на диван. Он недовольно дёрнул хвостом, но тут же уютно свернулся клубком прямо на моей сумке,

будто метил её своей территорией. Я сама чувствовала, что устала до дрожи в теле. Горло саднило от пересохшего воздуха, мысли путались, а кожа словно липла от пыли города. Всё, чего я хотела — это горячая вода, чтобы смыть с себя чужие взгляды, слова и то странное чувство, оставшееся от встречи с парнем в баре. Я включила свет в ванной, на секунду посмотрела на своё отражение в зеркале. Волосы чуть растрепаны, глаза блестят усталостью и чем-то ещё... будто глубже обычного. Я отвернулась, не желая копаться в этом взгляде, и сняла одежду. Секунду спустя шум воды заполнил пространство. Я шагнула под горячие струи и закрыла глаза. Капли обжигали кожу, но в этом было что-то успокаивающее. Будто каждая струйка вымывала из меня остатки беспокойства, сомнений, ненужных мыслей. И всё же он всплыл в голове — парень со шрамом и татуировкой. Его взгляд, будто вырезанный из самой тьмы. Я уткнулась лбом в ладонь и попыталась выдохнуть это воспоминание вместе с паром, но оно лишь крепче зацепилось в сознании. Холодок пробежал по спине, хотя вода оставалась горячей. Я вытерла волосы, намотала полотенце на тело и вышла из ванной, оставляя за собой лёгкий след пара. В гостиной кот уже уютно развалился на диване, будто это его личные апартаменты. Телефон завибрировал на столике. Я взяла его и разблокировала — уведомление из нашего общего чата.

Стеф: «Так, у меня дилемма, меня Сэм позвал на свидан-

ние»

Лена: «Куда делся Дэвид?»

Я приподняла бровь. Дэвид? Это что ещё за поворот?

Я: «Дэвид? Стоп, я думала, у тебя был только Арчи?»

Я, вытирая волосы полотенцем, набираю сообщение:

Я: «Стеф, подожди, стоп-стоп. У тебя что, тайный гарем? Арчи, Дэвид, теперь ещё и Сэм. Нам пора составить таблицу, я запуталась».

Через пару секунд всплывает сообщение от Лены:

Лена: «Я вообще-то тоже запуталась! Дэвид куда делся? Ты вроде на полном серьёзе с ним встречалась».

Стеф: «Ох, девочки, ну вы и устроили... Дэвид был скучный! А Арчи... ммм... просто не вышло. Сэм — другое дело».

Я улыбаюсь, швыряю полотенце на кресло и снова печатаю:

Я: «Ну-ну. А потом через неделю ты напишешь нам: “девочки, помогите, я не знаю, кого выбрать”».

Лена сразу подхватывает:

Лена: « Я уже вижу: “Сэм мне подарил цветы, но Дэвид вдруг вспомнил, что я его единственная, а Арчи начал бегать под окнами с гитарой”. Полный сериал».

Я смеюсь вслух и отправляю ещё одно сообщение:

Я: «Стеф, мы с Леной требуем абонемент на билеты в первый ряд, чтобы смотреть этот спектакль».

Стеф: «Вы обе ужасные. А я вообще-то серьёзно! Он пригласил меня завтра вечером, в ресторан».

Лена: «О, пошло дело серьёзное... ресторан — это не шутки».

Я: «Главное, не забудь: если он начнёт говорить, что у него “очень загадочное прошлое”, и покажет коллекцию ножей — беги».

Стеф: « Всё, я больше с вами не делюсь!».

Лена: «Ага, ага, до следующего парня».

Я смеюсь ещё громче, оставляю телефон на столе и иду в комнату — пусть Стеф дуется, но я знаю, что через пару часов она сама снова что-то напишет.

## Глава 3. Эйден

- Эти идиоты даже не знают, что я почти на хвосте, - хмыкнул Люк, откинувшись в кресле и уставившись в монитор. Его ноутбук был увешан стикерами, а на экране мигали десятки окон с картами, метками и кодами, которые я вообще не понимал. Я стоял у окна, глядя на ночной город. Лондон, мокрый, подсвеченный неоном и уставший. Машины ползли по улицам, люди спешили домой, не подозревая, что где-то здесь бродят те самые «недоумки», о которых говорил Люк.

- Ты уверен, что они ещё в городе? - спросил я, скрестив руки на груди.

- Уверен настолько, насколько можно быть уверенным в людях, у которых мозгов, как у дохлой рыбы, - лениво протянул Люк и щёлкнул по клавиатуре. - Смотри.

Он повернул экран ко мне. На карте мигали красные точки - слишком много, чтобы быть случайностью.

- Это они?

- Их следы, - подтвердил он. - Двигаются хаотично, но... - он ткнул пальцем в одну метку, - вот это интересно. Трое собрались на одном месте.

Я подошёл ближе, всматриваясь в карту. Район был знаком. Слишком знаком.

- Ты шутишь? - нахмурился я. - Там же старые доки.

- Ага, - усмехнулся Люк. - Идеальное место для грязных делишек. Никто туда не суётся.

У меня неприятно заныло в груди. Слишком уж это походило на ловушку.

- Они ждут нас.

- Конечно, ждут, - пожал плечами Люк, словно это было очевидно. - Но нам-то это только на руку.

Я прищурился на него:

- На руку? Ты серьёзно?

- Ну а что? - он ухмыльнулся своей хищной ухмылкой. - Пусть думают, что перехитрили нас. А мы перехитрим их.

Снаружи проехала сирена, звук прорезал комнату. Я снова посмотрел в окно. Что-то в этом всё мне категорически

не нравилось.

- Люк, если это действительно ловушка, мы можем влететь серьёзно.

- Эйден, - он наконец оторвался от экрана и посмотрел на меня, - мы всегда влетаем серьёзно. Вопрос в том, кто выйдет живым.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла не о жизни, а о какой-то шахматной партии. И я понял - ночь только начинается.

- Ствол не забудь, - напомнил я, кивая на его куртку, брошенную на спинку дивана.

Люк ухмыльнулся, даже не удосужившись поднять взгляд от карты, разложенной на столе.

- Как будто я не смогу уложить каких-то сопляков, - лениво протянул он.

- Ты, может, и сможешь, - я подошёл ближе, ткнув пальцем в одну из отмеченных точек на карте. - Но лучше не рисковать. Эти «сопляки» уже умудрились обойти двух опытных охотников и скрыться. Значит, либо у них крыша, либо они

не такие уж идиоты.

Люк наконец поднял голову. В его взгляде было что-то опасное, хищное.

- Мне даже интересно стало.

Я закатил глаза и уселся на диван, доставая телефон. На экране мигал список последних сообщений от информаторов. Все указывали примерно на одну и ту же зону - старые склады у доков.

- Тут слишком очевидно, - пробормотал я. - Если бы они были идиотами, да, они бы прятались именно там. Но у меня ощущение, что нас хотят завести в ловушку.

Люк откинулся на спинку кресла, закинув руки за голову.

- Ловушка, говоришь? Ну, тогда будет веселее.

- Ты как ребёнок, которому дали игрушку, - фыркнул я.  
- Знаешь, что будет весело? Когда тебя подстрелят, и я буду тащить твою задницу через весь квартал.

Он усмехнулся.

- Тащи. Всё равно ты со мной до конца.

Я отвёл взгляд, сделав вид, что возвращаюсь к телефону. Он прав, конечно. И это раздражало сильнее всего. Люк на секунду остановился, посмотрел на меня прищуром.

- Вот поэтому мы и идём вместе, да? Ты мозг - я кулак.

- Смешно, - буркнул я, но усмехнулся. - Кулак, который иногда думает, может, и полезнее.

Он кивнул на мой рюкзак:

- Что там?

- Карты, блокнот, пара амулетов. Ну и... кое-что на случай, если всё пойдёт к чёрту.

Люк ухмыльнулся:

- То есть, всё как обычно.

Мы почти одновременно переглянулись и натянули куртки. Он сунул пистолет за пояс, проверил запасной магазин и подбросил ключи от машины. Я взял их на лету.

- Сегодня я за рулём, - сказал я. - Ты в прошлый раз чуть

не влетел в витрину.

- Это был манёвр! - возмутился он.

- Это был позор, - хмыкнул я и направился к двери. - Поехали ловить этих недоумков, пока они не успели спрятаться глубже.

- Готов? - я скосил взгляд на Люка, проверяя, застегнул ли он куртку и не забыл ли снова сунуть в карман нож. - Только без геройства, мы идём их вычислить, а не устраивать перестрелку.

- Ты меня с кем перепутал? - ухмыльнулся он, захлопывая дверь квартиры за спиной. - Я мастер переговоров.

Я скептически оглядел его с головы до ног.

- Да уж, твои переговоры обычно заканчиваются синяками у другой стороны.

- Зато эффективно, - отрезал Люк и первым направился к выходу.

Подъезд встретил нас запахом пыли и холодом, от которого тянуло на улицу быстрее. Люк привычно достал из кармана ключи, и через секунду на парковке мигнули фары его

чёрной Audi R7. Машина, как и хозяин, смотрелась хищно - тёмный кузов поглощал свет фонарей, а отражение ночи скользило по лакированным бокам.

- Садись, - бросил он через плечо, открывая водительскую дверь. - Разведка без комфорта - не разведка.

Я хмыкнул, но всё же устроился на пассажирском. Люк завёл двигатель - низкий рокот прокатился по тишине двора, обещая, что ночь будет долгой.

Некоторое время ехали молча. Я наблюдал за отражениями фонарей, скользящими по капоту, и думал о том, что нас ждёт. Люк, конечно, не особо задумывался - я видел это по его расслабленной позе и привычному полуухмылённому выражению.

- Ну что, - наконец нарушил он тишину, - мы входим, я делаю вид, что мы тут просто на огонёк заглянули. Ты - молчаливый и страшный. Они сами всё расскажут, лишь бы не связываться.

- Ага, - пробормотал я. - Только если что-то пойдёт не так, твой план превратится в перестрелку.

Люк рассмеялся тихо, глухо.

- Да ладно тебе, Эйд, иногда ты слишком всё усложняешь. Мы же просто вычислить идём.

Я посмотрел на него и сжал пальцы на колене.

- Вот именно. Вычислить. Так что повторяюсь, для особо одаренных, без геройства.

Он снова ухмыльнулся и прибавил скорость. Мысли путались с огнями ночного города. Машина неслась плавно, мотор гудел ровно, но внутри меня не отпускало ощущение, что всё это - затишье перед бурей. Я повернул голову на Люка: он сидел за рулём расслабленно, одной рукой держал руль, другой лениво щёлкал пальцами по панели, будто ехал не на встречу с возможными проблемами, а на вечеринку.

- Смотри, - я указал на боковую улицу, где несколько фигур торопливо пересекали дорогу. - Это они.

Люк скользнул по ним взглядом, потом вернул внимание к дороге.

- Ага. Значит, мы на правильном пути.

В салоне повисла тишина, нарушаемая только гулом двигателя и моим слишком быстрым сердцебиением. Я откинулся на сиденье, глядя на пробегающие за окном огни города. Ночной Лондон выглядел чужим, будто хранил в тених боль-

ше тайн, чем можно выдержать за одну жизнь.

Люк держал руль расслабленно, но я слишком хорошо его знал, чтобы поверить в эту маску спокойствия. Челюсть у него была сжата, пальцы постукивали по кожаной обивке, а глаза ловили каждое движение на дороге.

Мы свернули в узкую улицу, где фонари едва освещали тротуары. Тишина была давящей, пока он не включил радио. Из динамиков зазвучала какая-то старая рок-баллада.

- Серьёзно? - я приподнял бровь. - Музыка для свиданий?

Люк бросил на меня короткий взгляд и ухмыльнулся шире.

- Расслабься, Эйден. Сегодня всё будет чисто. Без крови, без шума. Мы просто поговорим.

- Ты это уже говорил. - Я скрестил руки на груди. - Последний раз твои «просто поговорим» закончились тем, что мне пришлось вытаскивать тебя из-под троих амбалов.

Он рассмеялся - низко, легко, будто его это только забавляло. И я понял: он на самом деле ждёт встречи. А я - чувствую, что нас ведут прямо в пасть волку. Колёса Audi мягко шуршали по асфальту, за окном тянулись огни ночного

города, отражаясь в стекле и напоминая мне разбросанные осколки пламени. В салоне стояла густая тишина, нарушаемая только басами двигателя. Люк, как обычно, вёл уверенно, чуть расслабленно откинувшись в кресле, но я видел - его взгляд скользил по зеркалам слишком часто, чтобы это было просто привычкой.

- Нервничаешь? - спросил я, заметив, как его пальцы барабанят по рулю в такт неслышной мелодии. Он усмехнулся краем губ:

- Я? Никогда. Это у тебя, братишка, глаза горят так, будто ты едешь на казнь.

- Не путаешь? - фыркнул я. - Я еду на работу.

Он ухмыльнулся шире, не отрываясь от дороги:

- Проблемы сами меня находят.

Я вздохнул, откинулся на спинку сиденья и посмотрел на мимолётные огни фонарей. В груди жгло знакомое чувство - смесь предвкушения и раздражения. Мы знали, куда едем, и знали, что там ничего хорошего не будет. Но выбора не было.

- Только без самодеятельности, Люк, - сказал я тихо, но твёрдо. - Мы не устраиваем шоу, мы ищем людей.

- Понял, понял, - протянул он, и по интонации я понял: понял он ровно настолько, насколько хотел.

Я сжал зубы, стараясь не выдать раздражения. С ним всегда так - будто держишь за хвост дикого зверя, надеясь, что он не обернётся и не вцепится тебе в горло. Audi вильнула, проскочив на жёлтый, и мы растворились в ночи.

- А теперь тормози за тем поворотом.

- Ты с ума сошёл? Там знак! Если мою машину эвакуируют и выпишут штраф, я потребую с тебя додж.

- Ох ты ж, снег пойдёт, Люк Асмид вспомнил про ПДД.

- Ой, заткнись.

Он всё же сбросил скорость и нырнул за поворот, пряча чёрную Audi R7 в тени между грузовыми воротами и кирпичной стеной. Фары погасли, в салоне разом стало темно и тихо - только двигатель дышал на холостых, как зверь, которому приказали лежать.

- «Додж», - фыркнул я. - Должок, гений.

Люк закатил глаза, но мотор всё-таки заглушил. В тишине проступили звуки ночи: дальний плеск воды, хлопанье

металлических тросов о мачты, где-то дальше - стеклянный смех пьяной компании. Река пахла ржавчиной и тиной. Доки.

- Зачем именно здесь? - шепнул он, уже зная ответ.

- Угол обзора. И камеры вон там слепые, - кивнул я на столб с перебитым проводом и пыльным «глазом». - Подойдём пешком. Две улицы - и мы у них за спиной.

Я приоткрыл дверь, впуская прохладный воздух. Под кожей дрогнуло знакомое тепло - будто огонь повернул голову и прислушался. Где-то впереди, за рядами складов, воздух был... не таким. Слишком плотным, электрическим. Демоническая подпись, сбитая, мятущаяся. Наши «недоумки» были где-то рядом.

- Без самодеятельности, - бросил я, проверяя нож на запястье и оберег в кармане.

- Ты мой лучший праздник, - прошипел Люк, вылезая следом. - Ладно, молчу.

Мы закрыли двери почти синхронно. Ночь на секунду задержала дыхание. Я кивнул вперёд, и мы скользнули в темноту, держась тени и шагая бесшумно, как те, кто привык

приходить раньше беды. Я сунул руки в карманы, глядя на серую улочку, ведущую к нужному дому. Каменные стены, редкие фонари, которые мигали, словно вот-вот перегорят, и тишина, в которой слышался только наш шаг.

- И как мы снова в это вляпались? - спросил Люк, косо посмотрев на меня

- «Мы»? - фыркнул я, засовывая руки в карманы кожанки. - Это ты потащил меня. Я вообще собирался провести вечер с бутылкой и плейлистом. А потом снова позвонил бы мне, чтобы я вытаскивал тебя из драки с кем-нибудь, у кого кулаки быстрее твоего языка, - ответил я сухо.

Люк ухмыльнулся, даже не пытаясь оправдываться.

- Зато тебе скучно не бывает, признай.

- Иногда я мечтаю, чтобы было скучно, - буркнул я, и мы свернули за угол. Улица сужалась, и шаги наши отдавались эхом. Витрины пустых лавок отражали нас, и я на секунду заметил собственный взгляд - слишком усталый для того, кто снова идёт в ночь за чьими-то следами. Люк шёл рядом налегке, будто это прогулка.

- Скажи честно, - начал я, - ты хоть раз задумался, что рано или поздно я не успею вытащить тебя?

- Ха! - он даже засмеялся. - Эйден, ты же демон, и я демон. Мы живучи. Мы, знаешь ли, как тараканы. Только симпатичнее.

Я посмотрел на него исподлобья.

- Ты таракан.

- А ты мой спасатель. Отличная комбинация, - и он подмигнул, явно наслаждаясь тем, что у меня не получается выбить из него хоть каплю серьёзности. Мы подошли к нужному дому. Глухие стены, тёмные окна, запах сырости и чего-то ещё... знакомого. Я почувствовал, как магия скользнула по коже, будто холодный ток.

- Чувствуешь? - спросил я, останавливаясь.

Люк кивнул, но с ухмылкой:

- Да, пахнет неприятностями. Прямо по нашему вкусу.

Я закатил глаза. Иногда я думаю, что однажды просто оставлю его в этом дерьме. Но всякий раз... поворачиваюсь и иду следом.

Улица тянулась узкая, тёмная, фонари мигали, будто вот-вот перегорят, и воздух здесь был тяжелее, чем на проспекте.

Камень под ногами отдавал гулким эхом, и это эхо звучало так, словно сама улица заранее предупреждала: зря вы сюда сунулись.

- Ненавижу такие места, - пробурчал Люк, засовывая руки в карманы и при этом умудряясь коситься на каждую тень, будто ищет там хоть что-то интересное. - Пахнет тухлой водой и неприятностями.

- Ты ходячая катастрофа, - процедил я сквозь зубы.

- Зато харизматичная, - подмигнул он и толкнул меня плечом, так что я едва не влетел в кривую стену. - Признай, без меня твоя жизнь была бы серой и унылой.

Я только вздохнул. Аура впереди становилась гуще, в воздухе тянуло железом и гарью, и, конечно, именно в такую атмосферу Люк шагал с видом туриста, попавшего на экскурсию. Я усмехнулся уголком губ.

- Нет, Люк. Это значит, что ты вляпался, а я за компанию.

- Ха! - он вскинул брови. - Так и знал, что ты рад снова провести вечер в моей заднице.

- Иногда я думаю, что Люцифер держит меня рядом с тобой исключительно как страховку, - буркнул я.

- Ага, и правильно делает, - осклабился Люк. - Иначе я бы уже трижды женился, дважды умер и один раз продал душу за бутылку виски.

Я закатил глаза.

- Спасибо за предупреждение. Теперь понятно, почему я седой раньше времени стану.

Мы добрались до полуразвалившейся лестницы, ведущей на второй этаж. Доски скрипели под нашими шагами так, будто готовы провалиться, а запах сырости становился все тяжелее. Люк, конечно, умудрялся идти так, будто это подиум, а не гнилая лестница.

- Осторожнее, - бросил я, видя, как он слишком резво перескакивает через ступеньку.

- Ты сам осторожнее, - ухмыльнулся он. - А то опять придется вытаскивать тебя из какого-нибудь подвала.

Я только фыркнул. Смешно, конечно. Вечно он влипает, а вытаскиваю его я.

На втором этаже нас встретила тишина... слишком натя-

нутая. И именно в тот момент, когда я подумал, что все чисто, где-то в конце коридора раздался смех. Громкий, тянувшийся, будто кто-то нарочно ждал, когда мы поднимемся. Люк дернулся, напрягшись, и бросил на меня взгляд. Я едва заметно кивнул - мол, слышал. Смех повторился, на этот раз ближе.

- Ненавижу такие фильмы, - пробормотал Люк сквозь зубы. - Знаешь, где герои поднимаются наверх, и...

- Люк, заткнись, - оборвал я, уже ощущая, как по ладоням зашевелилось тепло огня.

Люк, не раздумывая, выхватил из ножен два своих клинка, блеск стали мелькнул в тусклом свете лампы. Я же спокойно, почти лениво, снял предохранитель и вытащил из кобуры ствол. Металл приятно лёг в руку, тяжесть оружия возвращала чувство контроля.

- Как думаешь, сколько их там? - шепнул Люк, ухмылка расплзлась по его лицу, будто он не в засаду шёл, а на танцы.

- Хватит, чтобы тебя снова вытаскивать, - процедил я сквозь зубы и направил ствол к полуоткрытой двери, откуда доносились голоса. Смех оборвался так резко, что воздух сгустился. Тишина звенела. Я обменялся взглядом с Люком - его глаза вспыхнули азартом.

- На счёт три? - предложил он.

Я кивнул, пальцы крепче сжали рукоять пистолета.

- Раз, - я сжал рукоять пистолета крепче.

Люк, даже не дожидаясь «два», шагнул вперёд и со всего размаху врезал сапогом по двери. Деревянное полотно взвизгнуло и распахнулось вглубь, ударившись о стену.

- Три, - процедил я, поднимая ствол на уровень глаз.

Смех оборвался, будто ножом отрезало. В комнате стало тихо так, что я слышал, как сердце у Люка бьётся где-то рядом. Он скользнул внутрь первым, два ножа в его руках сверкнули в тусклом свете лампы. Я прикрыл ему спину, стволом вычерчивая дугу по теням.

- Ну что, веселье закончилось, - тихо бросил я в темноту, чувствуя, как воздух внутри комнаты пахнет порохом и чем-то ещё, железным... кровью.

- И что здесь творится, молодые люди? - насмешливо протянул Люк, покручивая ножи в руках. Один из демонов тут же откинул в сторону старый клинок, словно тот обжёг ему ладонь.

- Ритуал значит, - хмыкнул я, поднимая ствол, - а кровь?

- Курица, - выпалил второй.

- Курица, - повторил я с кривой усмешкой, чувствуя, как раздражение поднимается внутри.

- Вот из-за этих дебилов нас заставили поднять жопу? - фыркнул Люк.

- Напоминаю, - выдавил я, отводя взгляд от мёртвого лица, - они в своей ипостаси напугали смертную.

- А не вот эту смертную? - усмехнулся Люк, указывая на труп. Он указал в угол. Я повернул голову - и будто кто-то со всего размаха ударил в грудь. До этого момента я видел только круг из соли, распаханную книгу, дешёвые свечи и дурацкую браваду подростков. Но в полумраке комнаты, чуть в стороне от ритуального круга, лежала девушка. Совсем неподвижная. Бледная, с искажённым в последнем испуге лицом.

Холод пробежал по позвоночнику. Я сглотнул.

- Чёрт... - выдохнул я. - Они же...

Смех подростков оборвался, будто они тоже только сейчас поняли, что мы видим.

Люк шагнул ближе, ножи в его руках блеснули в тусклом свете.

- Рассказывайте, - его голос звучал спокойно, но в этом спокойствии была сталь. Третий парень затрясся, заглядывая то в пол, то на нас.

- Ну, мы это...

Я прищурился и усмехнулся, наклонив ствол в его сторону:

- «Мы это» что? Четверо дебилов, фанатиков демонов, которые возомнили себя богами?

Четвёртый парень нервно сглотнул, сделал шаг назад и поднял руки.

- Нас только посвятили!

Люк коротко кивнул, будто подтвердив мои слова.

- Это мы уже поняли. А вот вы понимаете, что натворили?

В комнате повисла тишина, и я видел, как пот катился по вискам у каждого из них.

- И что будем с ними делать? - спросил я, глядя на четверку придурков, которые уже успели нагнать проблем.

- Сдадим Люциферу, - спокойно ответил Люк. - Пусть сам с молодняком разбирается.

- Не надо, пожалуйста! - первый почти сполз на колени.

- Только не Люциферу, - подхватил второй, бледнея. - Мы... мы думали, что будет весело. Ну, напугали пару людей.

Я не выдержал, фыркнул:

- Пару? Да вы весь квартал на уши подняли. Там теперь каждому по голове стирать память, чтобы не разболтались. Вы вообще понимаете, что смертные не должны знать о нашем существовании? Или вы чисто по фану решили родиться демонами?

Люк лишь качнул головой. В его взгляде было то спокойствие, которого мне, похоже, не хватало.

- Так, Люк, тащи из багажника чёрный мешок, - сказал я спокойно, словно речь шла о покупках в супермаркете. - За город поедem.

Третий и четвёртый уставились на меня, побелев как стены морга.

- З-зачем? - пробормотал один из них.

Я ухмыльнулся, склонив голову на бок.

- Вас закапывать. Под ёлочкой. Родителям к Рождеству, - лениво бросил я. - Думаю, оценят подарок.

Третий дернулся, пытаясь вывернуть руки из стяжки, и заговорил торопливо, запинаясь:

- Эй, слушай... не надо! Мы всё вернём! Деньги, товар, всё что хочешь, только... только не это!

Четвёртый закивал, уже задыхаясь от паники:

- Да, мужик, пожалуйста... У меня мать больная, я ей нужен!

Я облокотился об косяк облупленной двери, скрестив руки на груди, и выдохнул с показным разочарованием:

- Блин... вот вы умеете праздник испортить. Я уже в голове

придумал - снег, мешок, лопата, гирлянды... романтика же.

Люк приснул со смеху, но тут же прикрыл рот, когда я метнул в него взгляд.

- Ладно, - продолжил я, хищно прищурившись. - Один вариант есть. Можете выбрать: либо я копаю яму, либо вы копаете. В любом случае - с мешком под ёлочкой вы окажетесь.

Они переглянулись, побледнели ещё сильнее и почти хором завопили:

- Нет! Мы сделаем всё, что угодно!

Я ухмыльнулся шире и кивнул Люку:

- Слышал? Они уже готовы на всё. Значит, игрушки к Рождеству будут послушные.

Люк вышел из комнаты, и я отчетливо услышал, как его шаги гулко застучали по лестнице вниз. Тишина повисла, но ненадолго - я не собирался позволять ей стать невыносимой.

- Так, товарищи недосатанисты и недодемоны, - протянул я с самым серьезным видом, хотя уголки губ сами норовили дернуться. - Сейчас дядя принесет мешок. Вот эту девушку

- сами туда уложите. Расчленять умеете или показать?  
Первый парень дернулся, будто я сказал что-то не то.

- В смысле... расчленять?

Я театрально закатил глаза, будто объяснял азы арифметики двоечнику.

- Ну как... голова отдельно, руки отдельно, ноги отдельно... Или вы думаете целиком впихнуть её в пакет?

Второй только открыл рот, но ничего внятного не выдал.

- А...

Я кивнул и тут же добавил:

- Б.

Тишина. Они переглянулись, явно не зная, смеюсь я над ними или сейчас действительно покажу мастер-класс по «пакетированию тел». Люк уже гроыхал чем-то внизу - значит, нашёл мешок. Я перевёл взгляд на двоих, что остались стоять столбами.

- Ну что, мальчики, «А» сказали, а «Б» сказать забыли? -

я развёл руками, как будто объяснял что-то совсем элементарное. - Это труп. Его не оставляют лежать в квартире, если вы вдруг не знали. Его либо прячут, либо... ну, ладно, иногда съедают, но у вас, подозреваю, желудки слабоваты.

Первый парень замотал головой, бледный как простыня.

- Мы... мы не убивали! Это не мы...

- Конечно, - я усмехнулся. - Она сама вскрыла себе горло и прилегла на ковёр, чтобы добавить атмосферы в ваш шабаш?

Второй сглотнул, руки затряслись.

- Мы... не знаем, кто это сделал.

Я подошёл ближе, наклонился так, что они почувствовали жар моего дыхания.

- Либо вы учитесь работать чисто, либо я вас учу. Поверьте, мои уроки редко заканчиваются живыми студентами.

Люк вернулся, таща чёрный мешок через порог, и я щёлкнул пальцами, указывая на труп.

- Ну что, гении, практика началась. Давайте, вперёд.

Я смотрел на них сверху вниз, опершись плечом о стену, и ждал. Парни переглянулись, но никто не двинулся.

- Что, руки не оттуда растут? - я изогнул бровь. - Или думаете, Люк за вас всё сделает?

Люк фыркнул, бросая мешок на пол с таким грохотом, что вся пыль с потолка осыпалась.

- Ага, конечно, - протянул он. - Я ещё их за ручку поведу и колыбельную спою, чтоб не плакали.

Один из мелких дернулся, сделал шаг к телу, но сразу остановился, прикрыв рот ладонью.

- Чёрт... она... она ещё тёплая...

- Bravo, Шерлок, - рыкнул я, уперев руки в бока. - Может, ещё и заметишь, что кровь на ковре не высохла?

- Эйден, - протянул Люк, усмехнувшись. - Ты их сейчас доведёшь до инфаркта.

- Отлично, - ответил я. - Одним геморроем меньше.

Парни снова застыли, словно статуи. Тогда я шагнул впе-

рёд и наступил носком ботинка на край ковра, где лежала девушка. Кровь хлюпнула.

- Ещё раз спрашиваю: сами уложите или мне вам показать, как это делается быстро и... эффективно?

Первый резко замотал головой, но всё же схватил мертвую девушку за плечи, дрожащими руками таща к мешку. Второй подскочил помочь, едва не уронив тело.

Я смотрел на них холодно, хотя внутри едва удерживал ухмылку.

- Вот так-то лучше. Учатся быстро, если правильно мотивировать.

Люк тихо присвистнул.

- Ну ты и псих, брат.

- Зато результативный, - пожал я плечами. Они кое-как уложили девушку в мешок, руки тряслись так, что молнию застегнуть не могли. Я склонился рядом и молча потянул за замок - щёлкнуло, ткань сомкнулась.

- Молодцы, - сказал я. - Первый урок пройден. Дальше будет интереснее.

Люк ухмыльнулся и пнул мешок носком ботинка.

- Ну что, грузим подарочек и едем «навещать» папочку Люцифера?

- Ну же, парни, веселее, - я произнёс с ленивой усмешкой, глядя, как они криво тянут мешок по полу. - Вы же демоны, в конце концов. Немного крови, немного страха... должно бодрить, а не в штаны загонять.

- Они только дети ещё, - фыркнул Люк, опершись на стену и скрестив руки. - Чего ты от них хочешь?

Я развернулся к нему, глядя прямо в глаза.

- Эти «дети» грохнули смертную.

В комнате повисла тишина, такая плотная, что слышно было, как у пацанов скрипят зубы. Один едва не выронил мешок, другой побледнел так, будто хотел раствориться в воздухе. Я шагнул ближе, понизив голос до почти шёпота:

- Видите ли, у нас нет скидок на возраст. Нет поблажек. Нет «ой, мы не знали». Демон - это демон. А если вы не готовы тянуть за собой последствия, лучше обратно в пелёнки и под крыло к нянькам.

Люк хмыкнул, но промолчал. Я видел, как он следил за ними краем глаза, оценивая, кто первый дёрнется. Они, конечно, не дёрнулись. Лишь продолжали тащить мешок к двери, будто это был их собственный приговор. Я кивнул, усмехнувшись, когда услышал, как Люк с порога выдал:

- Не, брат, только не моя тачка.

- Ты предлагаешь нести труп через весь город? - я приподнял бровь, глядя на него так, будто он только что предложил мне поужинать в «Макдаке» с ангелами.

Люк замялся, хлопнул дверью, снова на секунду выглянул и понизил голос:

- Да я не отмою потом сиденья!

- Так, - я потер лицо ладонью, - значит, труп есть, мешок есть, а мозгов нет. Потрясающе.

Парни переглянулись, явно не понимая, в какой момент всё превратилось в комедию абсурда. Один из них робко поднял руку:

- Может... вызвать грузовое такси?

Я посмотрел на него долгим взглядом.

- Гениально, брат. Ты ещё «Яндекс.Доставку» предложи. В описании заказа: «одна штучка, слегка мёртвая, упакована не полностью».

Второй захихикал, но тут же осёкся, когда я скользнул по нему взглядом.

- Ладно, - вздохнул я. - Люк, тачку гони сюда. Или, если хочешь, можем повезти её в метро. Представь, какая атмосфера получится: час пик, все с работы, и мы такие - с тележкой, мешок сверху. И запах... мм, сразу новые знакомства заведём.

Люк выругался сквозь зубы, но ключи всё же достал.

- Вот всегда ты, брат, мне нервы портишь.

- Ага, - усмехнулся я, - а ты думал, ад - это котёл с кипящей смолой? Ад - это когда у тебя мёртвое тело и ни одна сволочь не хочет пачкать обивку в машине.

Я обернулся к парням и щёлкнул пальцами:

- Ну что, коллеги, хватит рты раскрывать. Берём ручки, ножки и аккуратно укладываем клиентку. Или мне вас за

уши подтолкнуть?

Холодок пробежал по комнате.

- Раз-два-три, поехали.

Парни замерли, переглянулись и нерешительно шагнули к телу.

- Ну что, гении, - сказал я, облокотившись на стену, - вперёд, у вас сегодня практическое занятие. Учебная тема: «Как впихнуть невпихуемое».

Люк процедил сквозь зубы что-то нечленораздельное и пнул по косяку.

- Да ладно тебе, - я похлопал его по плечу. - Представь, как твоей Ауди повезло: не каждый день в багажнике катается эксклюзив такого уровня. Это ж почти как VIP-пассажир... ну, с одним маленьким нюансом: он уже никуда не летит.

Четвёрка мучеников, пытаясь, взяли с двух сторон мешок с телом:

- Давайте-давайте, аккуратнее. А то ещё ручку уроните, потом ищи её по кустам.

Они взвились, но молча, а я шёл следом и ржал внутри. Ну чисто театр абсурда, только билет никто не купил. Мы скинули мешок на лестничную клетку, и парни, запыхавшись, начали тащить его вниз. Я шёл, не торопясь, наблюдая за их кривыми минами.

- Быстрее, атлеты, - хлопнул я ладонью по перилам. - Не в спортзал же ходите, а тут один мешочек поднять не можете.

- Мешочек? - выдохнул Третий. - Да он как три мешка картошки!

- Вот и думайте, что это картошка, - хмыкнул я. - Мамке потом похвастаетесь, что помогали закупаться на зиму.

Люк шёл первым и ворчал сквозь зубы:

- Только вот эта «картошка» будет лежать у меня в Ауди... Ауди, Карл, а не в твоём раздолбанном джипе!

Я наклонился ближе и тихо спросил:

- Ты предлагаешь, чтобы мы труп через весь город на руках несли? Под фонарями? Может, ещё табличку повесим «смотрите, у нас акция»?

Люк поморщился, но сдаваться не стал:

- Я просто говорю... потом этот запах от сидений отмывать мне!

Я ухмыльнулся:

- Ну, считай, это будет твой новый «аромат для салона». Эксклюзивная версия: Audi с привкусом безысходности.

Парни нервно засмеялись, и мешок грохнулся на ступеньку.

- Осторожнее! - шикнул Люк. - Мне ещё жить в этой машине!

- Жить? - я подмигнул. - Ну, если совсем плохо пойдёт, можно будет туда и похорониться.

Мы тащили тело вниз по лестнице. Шум стоял такой, будто мы не тело, а шкаф перетаскивали. Люк бурчал, словно старый дед:

- Обязательно в мою машину? У тебя же есть джип, Эйден!

Я хмыкнул, придерживая дверь.

- И ты предлагаешь кататься по центру с трупом, торчащим из багажника? Красота будет. Я даже заголовок в газете вижу: «Стильное убийство века: жертву выгуливали в джипе».

Третий парень задыхаясь спросил:

- А если копы тормознут?

Я пожал плечами.

- Ну, скажем, что это перформанс. Современное искусство, всё дела. Вы же любите быть креативными?

Люк фыркнул, едва не выронив ногу тела.

- Креатив у тебя в башке. Если этот запах въестся в обивку моей Ауди, я тебя самого туда кину.

Я усмехнулся.

- Отлично. Тогда у тебя будет эксклюзивный комплект: труп и демон. Прямо коллекция, Люк.

Асфальт скрипел под шинами, когда мы наконец вырва-

лись за пределы города. Ночные огни остались позади, впереди - пустая дорога и чернильная тьма полей. Люк сидел за рулём, сжав руль так, будто если отпустит - мы все вылетим в кювет.

Я устроился на пассажирском сиденье, наблюдая, как в зеркало заднего вида периодически мелькают лица парней, сидящих сзади. Четверо, и между ними - наше нежеланное «попутное».

- Какого чёрта он должен лежать именно в моей Ауди?  
- снова начал Люк, буркнув так, будто сам разговаривал со своей машиной. - Ты знаешь, сколько стоит чистка салона?

- Да ладно тебе, - ухмыльнулся я, откинувшись на спинку сиденья. - Представь, что это не труп, а... VIP-пассажир. Ему просто не нужны ремни безопасности.

Сзади кто-то нервно хмыкнул. Другой парень процедил сквозь зубы:

- Бро, он мне на ботинки почти завалился...

- Потерпите, - ответил я, повернувшись к ним и нарочито серьёзным тоном добавив: - В конце концов, у каждого из вас будет своя очередь таскать таких красавцев. Учитесь, пока

живы.

- Ты издеваешься, да? - один из них попытался усмехнуться, но вышло как-то слишком криво.

- А ты думал, я буду читать вам мотивационные речи? - прищурился я. - Типа: «Ребята, держитесь! Мы - команда!» Нет, парни, забудьте. У вас труп на заднем сиденье, и единственное, что вас должно мотивировать - это мысль, что если кто-то проболтается, следующим пассажиром будете вы.

Салон погрузился в гробовое молчание. Только Люк раздражённо выдохнул:

- Напугал, блин. Ещё и в моей тачке...

Я хлопнул его по плечу и ухмыльнулся:

- Расслабься, брат. Когда-нибудь ты ещё будешь вспоминать эту поездку, как романтику юности.

- Если моя тачка переживёт эту ночь... - буркнул он.

Мы выехали за пределы города: Люк, как всегда, за рулём своей чёртовой Ауди, я устроился рядом, а четверо недоумков развалились сзади, словно едут на экскурсию, а не тащат

за собой свежий груз. Я повернулся к ним, вытянувшись в кресле, и ухмыльнулся:

- Так, четверо недоумков, - начал я, не собираясь давать им передышку. - Вы умудрились накосячить так, что теперь ещё и возмущаетесь? Серьёзно? Это я должен возмущаться. Потому что по-хорошему, прямо сейчас я мог бы кататься по городу на мотоцикле, вдыхая свободу и бензин. А вместо этого спасаю ваши задницы.

Сзади кто-то хмыкнул, но промолчал. Я продолжал, смакуя каждое слово:

- Знаете, это почти трогательно. Такой уровень тупости редко встречается. Вы умудряетесь быть обузой и при этом вести себя так, будто вам что-то должны. Вот объясните мне, как вам удаётся сочетать несовместимое?

Люк буркнул, не отрывая глаз от дороги:

- Просто молчи, Эйден.

Я скосил на него взгляд и усмехнулся.

- Ага. Потому что если я замолчу, то кто-то должен будет признать очевидное: вы - компания идиотов, а я - единствен-

ный тут, у кого ещё есть мозги.

Сзади зашуршали, но ответ так и не последовал. Я откинулся в кресле, глядя в окно на ускользящий за стеклом тёмный пейзаж, и хмыкнул:

- Ну ничего. Хоть будет чем вечер вспомнить.

Мы выехали дальше, и за окнами машины показались кроны деревьев, елей, будто целый тёмный лес выстроился в почётный караул. Воздух стал плотнее, прохладнее - я чувствовал, как магия земли стягивает пространство, словно мы въезжали в чужую территорию.

- Ну, что, экскурсию провести? - спросил я, скользнув взглядом по четверке идиотов.

- Может, не надо? - первый заныл, дернув руками в наручниках.

- Мы всё поняли, мы больше не будем, - добавил второй, заискивающе косясь на Люка.

- Да, мы осознали! - третий закивал так активно, что чуть головой об стекло не стукнулся.

- Отпустите нас, пожалуйста, - в голосе четвертого просквозила настоящая мольба.

Люк хмыкнул, даже не оборачиваясь:

- Нет, ты посмотри на них, а.

- Согласен, демоны, а ведут себя как... - я сделал паузу.

- Смертные, - закончил за меня Люк, довольно скривив губы.

- Ну правда, парни, пожалуйста! - снова затянул первый, словно на репите.

Я обернулся к ним, прищурился.

- То есть вы не отрицаете, что это вы её грохнули?

- Мы приехали, она уже была там... - выдохнул второй. - Ну, мы и решили использовать её кровь.

- Найс, красавчики, за импровизацию десять из десяти, - Люк медленно хлопнул, растягивая слова, будто издевался.

- За тупость тоже десять из десяти, - подхватил я, усмехнувшись.

Они переглянулись, и в этой тишине я впервые отчётливо услышал - как у них дрожат сердца. Не от вины. От страха.

Люк остановил машину у обочины, театрально откинувшись на сиденье:

- Дамы и господа. Хотя ладно, дамы - это вы, четыре идиота. Мы прибыли к месту назначения. Прошу в приложении поставить пять звёзд: во-первых, вы катались по городу в бизнес-классе, во-вторых - бесплатно, с VIP-клиентом в багажнике. Просьба не оставлять личные вещи в салоне: минимум они будут сожжены, максимум... вам лучше не знать.

Я скривился и хлопнул ладонью по сиденью:

- Чего сидим? Давай, вышли быстро. Открыли багажник, достали лопаты, вытащили труп и вперёд - копать яму на пятерых.

Пауза. Я прищурился.

- Шучу... хотя-а-а...

Я со скрипом распахнул дверцу и вышел на обочину. Ночной воздух ударил в лицо свежестью, но от него почему-то стало только хуже. Вокруг - поле и тёмная стена леса, ни фонаря, ни машины, кроме нашей.

- Ну что, джентльмены, - я обвёл взглядом компанию, - у кого сегодня желание покопать землю сильнее всего?

Люк щёлкнул ключами, и с характерным глухим звуком открылся багажник. Все разом уставились туда. Даже я, хотя прекрасно знал, что увижу. Тело. Безжизненное, скрюченное, замотанное в тёмный брезент. На секунду повисла тишина, будто сам воздух стал плотнее.

- Вот и наш VIP-клиент, - хмыкнул Люк, театрально разводя руками. - Доставлен в лучшем виде.

- Ты бы ещё чек приложил, - пробормотал я и наклонился, хватая ближайшую лопату. Металл был холодный, как сама смерть. Сзади раздался нервный смешок одного из парней.

- Чего встали? - я бросил через плечо. - Земля сама себя копать не будет. А если будет... ну, тогда нам всем капец.

Я сделал шаг к лесу, и за мной нехотя двинулись остальные.

Мы остановились у старого, кривого дерева, его ветви свисали так низко, будто хотели скрыть то, что вот-вот произойдёт. Четверо идиотов, которых я притащил с собой, вытащили тело из багажника. С глухим шорохом оно оказалось на земле. Я скрестил руки на груди и посмотрел на них

сверху вниз - картина была ещё та: бледные лица, дрожащие пальцы, и паника в глазах, будто они впервые видят смерть.

- Ну что, - я нагнулся, взял из машины лопату и с ленивой усмешкой протянул её первому из них. - Ваш труп. Ваш косяк. Ваша яма. Вперёд.

Парень взял лопату так, будто я сунул ему в руки ядовитую змею. Остальные тоже получили по инструменту - и каждый выглядел так, словно уже роет собственную могилу. Я облокотился о капот, достал сигарету и закурил. Пусть копают. Я своё дело сделал - привёз их и дал выбор. Хотя выбора у них не было.

- Давайте, - выдохнул я дым в холодный воздух, - чем быстрее начнёте, тем быстрее закончите. А мне, знаете ли, есть чем заняться. Мотоцикл ждёт.

Они переглянулись, но послушно воткнули лопаты в землю. Земля была твёрдая, промёрзшая, и каждый удар отдавался в руках глухим звоном. Я наблюдал за этим с таким же интересом, с каким смотришь скучное кино: сюжет предсказуемый, актёры никакие, но почему-то не можешь оторваться.

## Глава 4. Мэйв

Утро тянулось липким туманом недосыпа. Я залипала в кружку с кофе, сидя у барной стойки, где обычно никто не мешал мне прятаться от клиентов. Пальцы лениво водили по фарфору, а мысли всё ещё путались где-то между сном и явью. Фоном — как всегда — бубнел телевизор на стене. Его включил Мартин, молодой администратор кафе, который считал, что без вечерних хроник или утренних новостей зал будто пустеет. Я не обратила бы внимания, если бы диктор вдруг не заговорил о пропавшей девушке. Двадцать лет. Последний раз её видели поздно вечером, когда она возвращалась домой. На экране — смазанное фото: светлые волосы, улыбка, слишком живая для того, чтобы уже казаться чужой.

— Слышала про это? — Мартин склонился ко мне через стойку, понижая голос, хотя в кафе и так почти никого не было. — Говорят, это не первая.

Я кивнула рассеянно, хотя внутри что-то болезненно сжалось. Камера показывала улицу у вокзала, полицейские ленты, людей в форме. Репортёр вдохновенно рассказывал о том, что это уже четвёртый случай за последние две недели. Молодые, красивые, талантливые — будто выбирают по

шаблону. Я почувствовала, как у меня по коже пробежал холодок.

— Чёрт, — тихо пробормотал Мартин, откидываясь на стойку. — Ещё одна. Что-то в городе не то, Мэйв. Совсем не то.

Я хотела что-то ответить, но дверь кафе резко скрипнула, пропуская внутрь холодный воздух и запах улицы.

Зашли двое. Я машинально перевела взгляд и на секунду застыла. Первый — русский, со слишком наглой ухмылкой и походкой, будто весь мир у него в кармане. Второй — темноволосый, с тяжёлым взглядом и татуировкой на шее, будто чёрное пятно, цепляющее внимание. Сердце ёкнуло. Я знала его.

Я помнила его руки, когда он принимал у меня заказ пару дней назад. Помнила слишком внимательные глаза и ту странную улыбку, от которой хотелось одновременно отвернуться и вцепиться ногтями в стойку. А этот русский рядом с ним — он выглядел ещё наглее. Словно специально пришёл вывести всех из равновесия. Они уселись за столик у окна, шумно, будто в своём доме. И я почувствовала, как внутри всё похолодело.

Вот только этого мне не хватало. Я как раз протирала

стойку, когда услышала голос тёти:

— Мэйв, обслужи столик, Элиса и Анабель зашиваются.

Я едва заметно скривилась. Обычно тётя старалась меня не гонять по залу, оставляя за стойкой, но в последнее время клиентов стало слишком много. Пришлось снять фартук и взять блокнот. Я поймала себя на том, что уже знаю, к какому столику направляюсь.

"Только не он".

Я подошла ближе, чувствуя, как в голове борются раздражение и странное, непрошеное любопытство.

— Добрый вечер, — выдавила я, заставляя себя улыбнуться так, как положено официантке. — Что будете заказывать?

Русый парень первым подался вперёд, даже не дав своему другу открыть рот.

— Нам два кофе. И что-нибудь сладкое, — он чуть склонил голову, разглядывая меня слишком уж нагло. — Может, ты что-то посоветуешь?

Я почувствовала, как взгляд темноволосого скользнул по мне — быстрый, оценивающий. Не грубый, но почему-то будто пронизывающий до костей.

Я кашлянула, делая вид, что просматриваю меню.

— У нас отличный чизкейк. — Голос вышел ровным, хотя внутри всё чуть дрогнуло.

— Чизкейк звучит прекрасно, — протянул русский, снова ухмыляясь. — Два кусочка.

Я кивнула и уже хотела уйти, когда взгляд снова столкнулся с глазами того, с татуировкой. И мне показалось, будто в этом взгляде мелькнуло узнавание.

Секунда — и я отвернулась, направляясь к стойке, чувствуя, как между лопаток тянется тонкая нить напряжения.

— Ух ты, кое-кто выиграл джекпот, — протянул Мартин с таким видом, будто я только что сорвала миллион.

Я прищурилась.

— Чего?

— Эйден Мортвель и Люк Асмид.

Я моргнула, облокотившись на стол.

— И?..

Мартин посмотрел на меня так, словно я только что при-

зналась, что не знаю, кто такой Гарри Поттер.

— Ты не знаешь, кто это?

— В душе не... чаю, — пожала плечами. Честно говоря, имена звучали эффектно, но мало ли у нас по городу пафосных мальчиков с фамилиями наполовину из древних хроник.

Мартин вскинул брови.

— Сыновья Николаса Мортвель и Александра Асмид. Оба магнаты.

Я замерла на секунду, будто в голове кто-то щёлкнул выключателем. Ага, значит, это не просто богатенькие мальчики, а самые настоящие наследники с золотыми ложками во рту.

— Ахринеть, как мне повезло, — выдохнула я, театрально закатив глаза и откинувшись на спинку стула. — Только погоду это, знаешь ли, не сделало.

Внутри всё равно оставался скепсис. Ну и что, что магнаты? У меня от этого в холодильнике еды больше не станет, а в душе — спокойнее. Деньги не делают людей лучше. Чаше

наоборот. Я взяла поднос, стараясь не выронить ни чашки, ни тарелки. Два кофе, два кусочка чизкейка — ничего особенного. Но почему-то руки дрожали так, будто я несла на ладонях бомбу с таймером.

Я знала их. Точнее, одного из них. Темноволосого с дерзкой ухмылкой и татуировкой, выбивающейся из-под воротника. Именно он не так давно принимал у меня доставку и вел себя так нагло, словно мир принадлежал ему по праву. И теперь он сидит здесь, развалившись в кресле, словно хозяин заведения, хотя это бар моей тети. Его взгляд скользнул по мне — ленивый, наглый, будто оценивающий. Я едва удержалась от того, чтобы закатить глаза.

Рядом с ним сидел его друг — светловолосый, с правильными чертами лица и чуть более мягкой улыбкой. На его фоне темноволосый казался ещё более опасным, ещё более дерзким. Я поставила перед ними чашки и аккуратно придвинула тарелки с чизкейком.

— Два кофе, два чизкейка, — произнесла максимально нейтральным тоном.

— Спасибо, красотка, — протянул темноволосый, чуть склонив голову набок. Его голос был низкий, тянущий, как будто он специально говорил так, чтобы пробраться под кожу.

Я сжала поднос сильнее. Красотка? Ну конечно. Типично.

— Приятного аппетита, — ответила, даже не взглянув на него, и уже собиралась уйти.

Но второй — русский — вдруг усмехнулся и кивнул своему другу:

— Эйден, смотри, она тебя даже не узнала.

Я всё-таки обернулась, нахмурившись.

— С чего бы я вас должна знать? — спросила, глядя то на одного, то на другого.

Русый улыбнулся ещё шире.

— Ну, это только вопрос времени.

А темноволосый, Эйден — теперь я знала его имя, — лишь молча усмехнулся уголком губ и поднял на меня взгляд. Такой прямой, что по спине пробежали мурашки, хотя я тут же мысленно отругала себя за это. Я развернулась и пошла обратно к стойке, уверенная лишь в одном: эти двое не сулили мне ничего хорошего.

Я вернулась к стойке, стараясь держать лицо максимально спокойным, хотя сердце всё ещё колотилось после этого

странного столкновения с их взглядами. Поставила поднос на край, сняла фартук чуть поправив его и вздохнула — работа как работа, ничего особенного.

— Ахринеть... — первой нарушила тишину Элиса, прижимая ладонь к губам и тараща глаза в сторону зала. — Сам Эйден Мортвель, у нас в кафе!

Я поморщилась, открывая кассу.

— И что? — спросила я сухо, будто мне действительно всё равно.

— Повезло тебе, Мэйв, — хихикнула Анабель, наклоняясь ко мне ближе. — Такие, как он, оставляют щедрые чаевые.

Я хмыкнула и захлопнула кассу чуть громче, чем нужно.

— Плевать, — бросила я, пытаюсь не думать о том, как его глаза буквально прожигали меня насквозь.

Элиса закатила глаза и ткнула меня локтем в бок.

— А зря! Ты вообще видела, какие же они?.. — её взгляд снова метнулся к столику.

Я нехотя посмотрела в ту же сторону. Темноволосый парень с татуировками на руках сидел расслабленно, будто всё вокруг принадлежало ему. Его взгляд был спокойным, но опасным, слишком цепким для обычного посетителя. Рядом с ним — русоволосый с открытой улыбкой и дерзкими ямочками на щеках, которые так и кричали о том, что он привык обворожить любую. Контраст между ними был слишком ярким, и всё же оба... притягивали.

— Сексуальные, одним словом, — закончила Анабель с довольным вздохом.

Я отвернулась, чтобы не поймать их взгляды снова, и резко протёрла стойку тряпкой.

— Да хоть трижды, — буркнула я. — Всё равно мне до них дела нет.

Хотя внутри я отчётливо знала: врать себе в этот момент было особенно бессмысленно.

Я как раз протирала стойку, когда почувствовала чьё-то движение рядом. Подняла глаза — и чуть не поперхнулась воздухом. Эйден. Тот самый темноволосый красавчик с татуировками, о которых только что судачили Алиса с Ана-

бель, стоял прямо напротив меня, держа в руках кошелёк. Его пальцы уверенно отсчитывали купюры, а потом он положил на стойку сумму куда больше, чем нужно за заказ.

— Сдачи не надо, — сказал он низким голосом и чуть усмехнулся.

Я машинально кивнула, стараясь не показать, что сердце у меня ускорило шаг. И тут он задержал на мне взгляд — чуть дольше, чем положено. Не наглый, но какой-то слишком внимательный, будто пытался прочесть меня насквозь.

— А мы раньше не встречались? — спросил он, щурясь, словно проверял собственную память. Я замерла, не зная, что ответить, и он вдруг щёлкнул пальцами.

— А, точно, — усмешка стала шире. — Ты же привозила нам заказ. Симпатичный курьер.

Я ощутила, как в щеках предательски загорается жар. Смешно — я же привыкла работать с людьми, слышать десятки фраз вроде «Спасибо, красавица» или «Вы такая милая». Но сейчас это звучало как-то иначе. Слишком просто. Слишком по-настоящему. Я опустила взгляд на стойку, пряча смущение за деловым тоном:

— Курьеров много. Наверное, вы путаете.

Но внутри меня отчаянно предательская мысль шептала: нет, он не путает. Но он словно и не слушал, склонил голову чуть набок, изучая меня с откровенным интересом.

— Нет, я точно помню, — в его тоне не было сомнения, только уверенность. — Это ты. Рыжий цвет волос очень запоминается.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Чёрт. Он запомнил.

Я почувствовала, как Анабель Элиса синхронно переглянулись, как будто из воздуха вырвалось коллективное «ого». Честно говоря, я бы и сама присвистнула на их месте.

— Значит, память у вас правда цепкая, — я заставила себя улыбнуться, но пальцы непроизвольно сжались на полотенце, которое я машинально держала. — Хотя я сомневаюсь, что среди сотни курьеров вы так легко запомнили именно меня.

Он чуть наклонился ближе, скользнув взглядом поверх стойки. Его глаза оказались не просто серыми — в них будто играли тени и огоньки, и от этого по коже пробежал холодок.

— Среди сотни — да. Но ты... не такая, как все.

У меня неприятно кольнуло в груди: то ли от его интонации, то ли от того, что Алиса за моей спиной едва сдержала восторженный смешок. Хотела ответить резко, но в горле пересохло. Вместо этого я отвернулась, делая вид, что протираю стойку.

— У вас заказ оплачен, можете занять столик, — сказала я чуть суховато.

Эйден усмехнулся, не торопясь уходить.

— Видимо, ты не из тех, кого можно очаровать комплиментами.

Я резко подняла взгляд и встретила с его глазами.

— Угадали.

Он засмеялся — тихо, коротко, но так, что сердце почему-то сбилось с ритма.

Эйден наконец отходит от стойки, не сводя с меня глаз до последнего момента. Я выдыхаю, как будто весь этот разговор держала дыхание, и только тогда замечаю, что пальцы сжались в кулак.

— Ох ты ж, ничего себе, — первой подлетает Элиса,правляя фартук и хитро косясь в сторону столика, где уже устроились Эйден и Люк. — Мэйви, я не ослышалась? Он только что тебе глазки строил?

Анабель тоже появляется рядом, держа в руках поднос с пустыми кружками, и с улыбкой, в которой явно больше любопытства, чем поддержки, добавляет:

— Сдачи не надо, комплименты на халяву, а ещё и парень явно не бедный. Ты как магнит для таких клиентов.

— Перестаньте, — я качаю головой, чувствуя, как щеки начинают предательски гореть. — Он просто... перепутал меня с кем-то.

Элиса хмыкает, явно не веря.

— Конечно, перепутал. А я вчера перепутала шоколадный чизкейк с брокколи.

Анабель прыскает от смеха, а я только глубже прячу лицо за прядями волос, мечтая, чтобы они обе нашли себе новое развлечение. Но нет, они явно не собираются меня отпускать. Я только успела перевести дыхание после странно-

го разговора с тем парнем, как дверь кафе снова распахнулась. Вошли две девушки — одна темноволосая, с ледяным взглядом, вторая — блондинка, с лёгкой усмешкой на губах. Они сразу направились к прилавку. Стеф буквально светилась раздражением: пальцы нервно барабанили по стойке, брови сведены, взгляд острый, как нож.

— Вот уж сюрприз, — пробормотала она себе под нос.

А Лена, напротив, выглядела довольной, будто только и ждала момента подлить масла в огонь.

— Ну что, Сэм снова продинамил? — её голос прозвучал сладко-насмешливо. — Сколько раз это уже было? Третий? Четвёртый?

Я видела, как Стеф сжала губы, пытаясь сдержать вспышку.

— Отвали, Лена. Это не твоё дело.

— Ой, ну конечно, — Лена театрально закатила глаза, облачиваясь на стойку. — Просто странно наблюдать, как ты изображаешь счастливую парочку, когда твой "новый парень" даже прийти не удосужился.

Стеф резко повернулась к баристе, будто стараясь не слы-

шать подколов:

— Кофе. Чёрный. Самый крепкий. И побыстрее.

Лена тем временем не унималась, её смех звенел в воздухе.

— Девчат, что случилось? — я приподняла бровь, с интересом оглядывая их обеих.

— Очередной паренёк слился, — с ленцой протянула Лена и театрально закатила глаза. — Хотя, если честно, я всё ещё не понимаю, куда делся Дэвид. И почему она, — она кивнула на Стеф, — послала Арчи.

Я чуть не поперхнулась своим кофе.

— Боже мой, ахринеть можно, — выдохнула я, отставляя стакан, чтобы не разлить на колени. Картина получалась абсурдная: Стеф буквально кипела от злости, будто в ней бурлило целое море несказанных проклятий, а Лена развлекалась её эмоциями, как кошка с клубком ниток. А я — сидела между ними и не знала, то ли смеяться, то ли хвататься за голову. Я кивнула, пряча улыбку за чашкой капучино, хотя внутри всё бурлило от противоречий. Лена говорила легко, словно это просто шутка, а не трагедия — её привычная

броня из иронии. Стеф же сидела с каменным лицом, пальцы нервно барабанили по столу.

— Стеф, — я осторожно наклонилась вперёд, — ты же понимаешь, что это не твоя вина?

Она откинулась на спинку стула и закатила глаза.

— Конечно, Мэйв. Очередной клоун решил, что я слишком «трудная». А я ведь только вчера слышала, что «совсем не такая, как все». Где-то я это уже слышала, — её голос звучал сухо, будто она повторяла заученную роль.

Лена фыркнула, подперев щёку ладонью.

— А может, дело в том, что ты выбираешь себе придурков, которые и пяти минут честного разговора не выдержат?

Стеф резко повернулась к ней:

— Спасибо за моральную лекцию, Лен. Не хватало ещё тебя в роли моего психолога.

Напряжение повисло в воздухе, густое, как дым. Я поймала себя на том, что мне хочется раствориться в этой кофейне, исчезнуть между запахом свежей выпечки и тихим гулом

разговоров. Но нет — я осталась сидеть, чувствуя, что должна вмешаться.

— Эй, — тихо сказала я, осторожно улыбнувшись, — ну правда. Он не стоит ни твоих нервов, ни твоего времени. А если подумать, ты же сама всегда говоришь: «лучше быть одной, чем с кем попало».

Стеф вскинула на меня взгляд. На секунду её глаза смягчились, но тут же снова потускнели.

— Легко говорить, когда у тебя нет вечно разбитого сердца, Мэйв.

Я уже собиралась что-то сказать Стеф и Лене, как вдруг над нашим столиком раздался лёгкий, почти ленивый голос:

— Дамы, у меня с моим товарищем возник небольшой спор. Не могли бы вы нам помочь?

Я вздрогнула и подняла глаза. Перед нами стоял тот самый русский парень, что сидел вместе с Эйденем. На его лице играла наглая полуулыбка, будто он привык получать ответы «да» ещё до того, как вопрос задан.

— Ах, да, забыл представиться, — он чуть склонил голову в сторону, при этом не сводя взгляда с нас. — Люк.

Стеф моментально оживилась, плечи расправились, голос вдруг стал мягче. Лена же откинулась назад, скептически изогнув бровь — видно было, что ей весь этот пафос моментально не понравился.

А я... я почувствовала, как воздух вокруг будто сгустился. Потому что пока Люк говорил, я поймала на себе другой взгляд. Тёмный, пристальный, прожигающий насквозь. Эйден. Он не подошёл к нам вплотную, остался у своего столика, но его глаза — холодные и тёплые одновременно — впились в меня так, что я едва удержалась, чтобы не уронить чашку из рук. Зачем он смотрит так? — пронеслось у меня в голове. Я быстро отвела взгляд, но сердце предательски заколотилось в груди, словно я сама оказалась втянутой в их «спор», даже не понимая, о чём он.

Он представился — Люк, а Стеф рядом со мной улыбнулась, поправив волосы:

— С удовольствием поможем, Люк. Я, кстати, Стеф. Стефани полностью.

Я скользнула взглядом по ним обоим. Стеф явно наслаждалась вниманием, которое получала, а Люк, похоже, умел это внимание направлять куда захочет.

— Приятно познакомиться, Стеф, — ответил он и тут

же, будто между делом, выдал: — В общем, в чём проблема. У нас возник спор по поводу того, стоит ли проявлять внимание девушке наглее, ну знаете, такой брутальный тип мужчин, или же вы предпочитаете, чтобы девушка шла на встречу первой.

Я едва заметно усмехнулась. Отличный способ завязать разговор — подбросить тему, от которой любая компания начнёт спорить.

— Я считаю, — сказала я, — что лучше оставить попытки, если девушка не хочет. Она и сама не подойдёт.

Лена тут же подхватила:

— Добиваться и наглеть — это две разные вещи.

Я заметила, как Люк кивнул, будто отмечая каждое слово, а Стеф — наоборот, хищно улыбнулась.

— А я люблю брутальных мужчин, — призналась она, как будто бросая вызов нам всем. Я почувствовала, как уголки моих губ сами по себе дрогнули. Внутри меня боролось два чувства: желание съязвить и любопытство, что же скажет Люк дальше. Он не выглядел человеком, который пришёл сюда просто поболтать. Скорее — тем, кто всегда ведёт игру.

Я наблюдала, как Люк уверенно подсел к Лене, опершись локтем на стол. Его взгляд блестел озорным огоньком, а улыбка обещала неприятности.

— Ну, девчат, ну правда, — произнёс он, будто вещал важнейшую истину, — вопрос жизни и смерти. Иначе я тому господину... — он кивнул в сторону Эйдена — буду должен двадцатку.

Я чуть приподняла бровь:

— 20 долларов?

Люк хмыкнул, словно это была самая забавная шутка на свете:

— Тысяч. Евро.

Внутри меня что-то ёкнуло. Ужасная смесь удивления и... странного любопытства. Он явно не шутил, а Эйден там, за столиком, выглядел абсолютно равнодушным к этому цирку. Но я знала — в любой момент он мог вмешаться, и всё резко изменится.

Я перевела взгляд на Эйдена, когда он подошёл к нам, почти как бы с мирной интонацией:

— Ну что, убедился, клоун? — произнёс он, и в его голосе слышался ледяной юмор, который Люк явно почувствовал.

— Ой да ладно тебе... — пробурчал Люк, но выглядел уже не таким уверенным.

— Ты мне должен двадцатку, — продолжил Эйден, спокойно и почти скучно, словно говорил о деловой мелочи. Люк сразу подпрыгнул:

— Эй, спор ещё не окончен!

— Хорошо, — сказал Эйден, не отводя взгляда. — Давай, устраивай цирк дальше.

Стеф фыркнула:

— Мальчики, ну вы чего...

Лена только закатила глаза:

— Господи, цирк с конями...

Я едва сдержала улыбку и махнула рукой:

— Я пожалуй пойду, у меня ещё столики.

Но Эйден снова обратился ко мне, слегка наклонив голову:

— А как вы считаете?

Я хмыкнула, отставляя поднос и прямо глядя на него:

— Я уже ответила вашему другу, — сказала я, — можете не стараться, для меня этот трюк не прокатит.

Люк нахмурился:

— В смысле?

Я расправила плечи, спокойно раскладывая всё по полочкам:

— Раскладываю на пальцах. Вы оба поспорили, за сколько времени сможете охмурить одну из нас. — Я кивнула на Люка: — Вы, молодой человек, явно не умеете проигрывать, поэтому подошли первым. А вы... — указала на Эйдена — судя по всему, за любой кипишь кроме голодовки, поэтому согласились на это клоунское представление от скуки.

Сделав паузу, я улыбнулась, едва заметно:

— Все? Я могу вернуться к работе?

И, не дожидаясь ответа, повернулась к стойке, ощущая, как они оба на меня смотрят, но уже без всякой спешки или напора. Я вернулась к стойке, снова схватила поднос с заказами, стараясь не показывать, что мне всё ещё любопытно наблюдать за ними. Стеф и Лена уже уселись за ближайший столик, тихо шепчась и подбрасывая комментарии, которые я почти не слышала. Эйден и Люк сели за свой столик чуть поодаль, Эйден снова принялся считать купюры, а Люк нервно теребил салфетку, будто готовился к новому спору. Я сделала глоток кофе, чувствуя, как странное напряжение в воздухе не отпускает.

— И что теперь будет? — промелькнула мысль в голове, и я удивилась, как сильно зацепил меня этот короткий «спектакль».

За спиной послышался смех Стеф, Лена фыркнула. Я снова отвела взгляд к клиентам, но Эйден вдруг поднял глаза, и на долю секунды их взгляд встретился с моими. От этого мгновения внутри что-то зашевелилось, что-то такое, чего я никак не могла назвать. Я стряхнула странное ощущение и вздохнула: пора возвращаться к работе.

— Следующий столик, — сказала я себе, стараясь гово-

ритель спокойно, но мысли всё равно возвращались к двум странным парням в кафе. Я подошла к следующему столику, расставляя чашки и тарелки так, чтобы не уронить ничего и не спугнуть клиентов. В голове всё ещё крутились мысли о вчерашнем заказе и этих двоих парнях — о том, что в них было одновременно раздражающее и странно притягательное. Стеф тихо шепталась с Леной, периодически бросая на меня взгляды, полные любопытства и насмешки. Я улыбнулась им в ответ, но это была лишь маска — внутри я снова ловила себя на том, что мысленно возвращаюсь к тому моменту, когда Эйден задержал на мне взгляд. Клиенты благодарили за обслуживание, но я почти не слышала их слов. Каждое движение, каждый жест Эйдена и Люка продолжали преследовать меня, как будто кто-то невидимо оставил яркий отпечаток. Я вздохнула и сконцентрировалась на работе: пусть всё вокруг шумит, но здесь и сейчас я — Мэйв, официантка, которая знает, как держать всё под контролем. Даже если внутри что-то тихо шевелилось и не хотело подчиняться. Я расставляла тарелки и убирала пустые чашки, стараясь не думать о том, что Эйден сидел буквально в двух метрах от меня. Каждый раз, когда его взгляд случайно цеплял меня, внутри щёлкало что-то непонятное, как будто маленький сигнал тревоги. Стеф и Лена всё ещё переглядывались, тихо обсуждая что-то за моей спиной, но я не стала вмешиваться — мне было любопытно наблюдать, как они реагируют на эту игру парней. В какой-то момент я поймала себя на

том, что даже голос Эйдена, который тихо общался с Люком, заставил меня моргнуть чаще. Чувство, что за ним кроется нечто большее, чем просто красивое лицо и наглое обаяние, сжимало грудь и одновременно притягивало.

— Мэйв! — позвала тётя Хадсон, — столик три ждёт, торопись!

Я кивнула, глубоко вдохнула и двинулась к следующему столу, заставляя мысли о вчерашнем дне и Эйдене временно отступить. Но внутри знала: этот день будет непростым. И не из-за работы. Когда последние посетители покинули кафе, я отставила поднос, вытерла руки о фартук и взглянула на часы. День, наконец, подошёл к концу.

— Мэйв, — Стеф подскочила к прилавку, едва не сшибая меня с ног, — пойдём, нам нужно где-то оторваться!

Лена уже стояла рядом, с ухмылкой наблюдая за энергичной подругой.

— Вы, кажется, немного опаздывали с забегом за мной, — пробормотала я, усмехнувшись, хотя ноги ещё ныли от смены.

— Да ладно, — ответила Лена, — сегодня мы устраиваем

тебе паузу. Достаточно было работать как сумасшедшая.

Я с облегчением вздохнула, оставив позади шумное кафе и вечерние отчёты. В голове всё ещё мелькали образы Эйде-на и Люка, но сейчас это можно было отложить. На улице нас ждала тёплая, почти летняя сумеречная ночь и обещание весёлого вечера с друзьями.

— Ладно, — сказала я, поправляя сумку через плечо, — ведите, посмотрим, что у вас за планы на этот вечер.

И мы вышли из кафе, оставив за спиной рабочий день и всё его суетное напряжение. Я наблюдала за их мини-спором, одновременно пытаясь не рассмеяться.

— Предлагаю клуб, — настаивала Стеф, руки в боки, взгляд полон решимости.

— Ой нет, давайте ко мне, вино, маски... — перебила её Лена, при этом ухмыляясь, будто уже предвкушала вечер.

— Мальчики! — с упрёком воскликнула Стеф.

— Стеф! — хором откликнулись я и Лена, не удержавшись от подколки.

— Что? — вскинув бровь, с вызовом ответила Стеф.

— Буквально четыре часа назад жаловалась, какой Сэм козлина, — пояснила я, не скрывая улыбки.

— И? — фыркнула Стеф. — Это не повод падать в депрессию.

Я качнула головой, внутренне радуясь, что хоть сейчас мы можем отвлечься от всех этих странностей и просто выдохнуть. Вечер только начинался, и предстоящая компания обещала быть весёлой.

— Кстати, этот парень, Люк, я ведь его сразу узнала, — бросила Стеф с хитрой улыбкой.

— И что? — лениво отозвалась Лена, подмигивая. — Он и его дружок — сыновья богатых папочек, которые за всё платят. Ты слышала, сколько он сказал? Двадцать тысяч евро! Для него это будто мелочь.

Я усмехнулась, слушая их разговор, и подумала, что с этими девчонками вечер точно не будет скучным.

— А вот Мэйв, красотка, — вмешалась Лена, подмигивая, — сразу поставила на место этих индюков.

Стеф рассмеялась:

— Да уж, я думала, они хоть капельку голову включают, а она... Бах! И всё встало на свои места.

Я лишь слегка улыбнулась, ощущая приятное тепло от их слов, и подумала, что иногда действительно стоит дать людям почувствовать свои границы. Мы забрались в квартиру Лены, и я сразу почувствовала уют — мягкий свет, запах вина и сладкие нотки свечей. Лена растянулась на диване, размахивая бокалом, а Стеф уже таскала меня к кухне, чтобы открыть бутылку.

— Вот так мне нравится проводить вечер, — Лена хмыкнула, — маски, вино и минимум драмы.

Я устроилась рядом с ней, делая глоток вина, и тут же заметила, как легко и непринуждённо мы с подругами смеёмся. Но в голове всё равно крутилась мысль о том, что вчера произошло в кафе. Эйден, его взгляд, татуировка на шее... И этот лёгкий вызов, который он бросил мне одним словом. Стеф уже заигрывала с масками, подшучивая над нами:

— Ладно, девчонки, кто будет первой? Показываем свои истинные лица!

Я улыбнулась, снимая маску, и вдруг ощутила странное возбуждение — не из-за вина, а от самого момента. Казалось, что этот вечер только начинает открывать свои секреты. Мы устроились на диване, Лена с бокалом вина, Стеф с маской в руках, а я пыталась отвлечься от мыслей о вчерашнем дне. Но, как ни старалась, в каждом нашем разговоре проскальзывал он — Эйден.

— Ну, Мэйв, — Стеф усмехнулась, — а ты про своего таинственного красавца вчера что-нибудь хочешь рассказать?

Я покачала головой, делая вид, что не слышу, но взгляд невольно скользнул к Лене.

— Да брось, — вмешалась Лена, — видела же, как он смотрел на тебя. Тот самый с татуировкой.

— Он? — я сделала глоток вина, стараясь не выдать эмоций, — да ладно вам, вы тоже хотите его разбирать на части своими догадками.

— Ага, — Стеф вздохнула, закатывая глаза, — но, признайся, что он тебе запомнился.

Я усмехнулась, потому что знала, что не могу отрицать.

— Может быть, — ответила я, — но пусть это останется нашей маленькой тайной.

Лена хмыкнула:

— Тайны — это хорошо, но разве ты не чувствуешь, что он ещё не закончил с тобой играть?

Я промолчала, понимая, что именно так и есть. Даже здесь, среди смеха, вина и масок, Эйден всё равно как будто наблюдает за мной, даже если физически его нет рядом. Мы начали перебрасываться масками, надевали их друг другу, пытались изобразить монстров, смешных зверей. Смеялись, пытались перехитрить друг друга. Стеф пыталась напугать Лену, Лена отвечала тем же, а я... я ловила себя на том, что каждое движение, каждый смех в комнате напоминают мне его — Эйдена.

Даже когда Стеф корчила рожи, я невольно мысленно возвращалась к его темным глазам, к татуировке на шее, к тому моменту, как он задержал взгляд на мне в кафе. И это не давало расслабиться.

— Мэйв, — Лена подмигнула, — ты что-то задумалась? Или это Эйден опять в твоих мыслях?

Я фыркнула, пытаясь скрыть улыбку:

— Какая же ты проницательная.

Стеф засмеялась:

— Видишь! Я же говорила, что он тебе не даёт покоя.

Я качнула головой, но не смогла отрицать.

— Ну... он просто оставил впечатление.

Лена с Стеф переглянулись, явно довольные, что мне есть о чём думать. А я тихо смеялась про себя, потому что понимала: это только начало, и скоро наши пути с ним снова пересекутся, а пока — маски, смех и вино скрывают эту лёгкую тревогу и возбуждение.

— И? — подцепила Лена

— Что и? — переспросила я, слегка нахмурившись.

Стеф, едва сдерживая улыбку, подмигнула:

— Подруга, не тупи.

Я фыркнула и сдалась:

— Ладно, соглашусь... он красивый.

— Чертовски красивый, — подхватила Стеф, глаза у неё заблестели.

Я пожала плечами:

— Да, он сексуальный.

— Чертовски сексуальный! — подтвердила Стеф с очевидным восторгом.

Лена подняла бровь, будто хотела остановить нашу перепалку:

— Стеф...

— Да что! — парировала она, не желая уступать.

Я покачала головой и, наконец, добавила:

— Но он слишком самоуверенный.

Стеф прищурилась, насмешливо:

— Это у тебя гордость говорит?

Я рассмеялась, качнув головой:

— Нет, это честность, сто процентов. Они устроили этот цирк со спором, только чтобы кого-нибудь из нас уложить в постель.

В голове мелькнула мысль, что с этим Эйденom всё всегда так... слишком напряжённо, слишком ярко, слишком настояще.

## Глава 5. Эйден

Мы шли по дороге к старому ангару, а за нами тащились четыре недоумка, которые устроили весь тот цирк с трупом. Труп-то они уже закопали - с этим проблем больше нет. Теперь их страх был главным - страх перед тем, кто разберётся с ними по-настоящему.

Люк шагал рядом, ухмыляясь:

- Ну что, VIP-гость был. Не роняйте ни одной капли пота, - пробормотал он.

- VIP или нет, - фыркнул я, - это всё равно их косяк. Мы просто доведём их до того, кто сделает с ними то, чего они заслуживают.

Четверо парней шли за нами, каждый шаг давался им с трудом. Они тащили свои собственные страхи, перебирая в голове то, что сделали, и каждый раз ловили на себе мои взгляды - холодные, бескомпромиссные.

- Seriously, - пробормотал один, - это реально Люцифер?

- Тише, - резко сказал я, - иначе поймёте, что значит настоящее наказание.

Люк фыркнул и кивнул. Он обожал такие сцены: страх, паника, бессилие.

- Давай ускоримся, - сказал он, - пока никто не заметил нас.

Я следил, чтобы они не споткнулись и не начали придумывать отговорки. Их страх почти осязаем, и это доставляло мне удовольствие - видеть, как они понимают цену своих ошибок. Мы подошли к воротам старого ангара. Четверо стояли, словно приговорённые, не в силах выговорить ни слова. И я знал, что через минуту всё закончится, и никто из смертных даже не узнает, что эти ребята вообще были здесь. Мы переступили через порог ангара, и тишина сразу окутала пространство, словно сама темнота ждала, что мы сюда пришли. Снег за пределами города остался только в воспоминаниях, а здесь, внутри, воздух был сухой и тяжелый, пахло железом и старым деревом. Люк кивнул четырём недоумкам, которые всё ещё шли за нами, словно тени своих собственных страхов. Они стояли, не смея выговорить ни слова, и я знал, что любая попытка оправдаться провалится ещё до конца фразы. Я вытащил из сумки кусок мелка и начал чертить на бетонном полу символ - звезду, портал в Ад. Линии четко ложились на бетон, будто сами подчинялись моей воле. Мелькнула тёмная искра, когда закончил центральный

круг.

- Смотрите внимательно, - сказал я, поднимая глаза на этих четверых, - здесь заканчивается ваша свобода.

Люк фыркнул, подбирая ножи, но я уже чувствовал, как магия в воздухе сжимается, готовая подчиниться символу. Четверо парней дрожали, их страх был почти физическим. Я наклонился ближе к символу, прошептал пару слов, и линии вспыхнули тусклым красным светом.

Сердца всех присутствующих ускорили ритм, включая моё собственное, но это был не страх, а возбуждение от того, что мы делаем именно то, что должно быть сделано. Линии на полу начинали мерцать сильнее, портал постепенно открывался, и мы готовились провести их через границу. Люк первым переступил границу портала. Его силуэт на мгновение колебался в свете магического символа, и я почувствовал, как пространство вокруг слегка дернуло. Он исчез, и я сразу двинулся за ним. Четверо парней последовали по одному, нервно переглядываясь, каждый шаг отдавался в тёмной тишине, как эхо их собственной совести. Они молча исчезли в мерцающем свете, оставив позади всё привычное. Последним я шагнул в портал. Мир растворился, и перед глазами возник Ад - но не тот, какой рисуют в сказках. Здесь не было огня и лавы. Лишь густая, почти осязаемая тьма, хо-

лодная и давящая. Дымка скрывала очертания странных руин, искривлённых деревьев и колонн, уходящих в самую землю. Всё вокруг казалось одновременно древним и живым. Я оглянулся - четверо парней стояли рядом, бледные и напуганные. Их дыхание было прерывистым, глаза - широко раскрыты. Люк шагнул вперед, его фигура почти растворялась в мраке, но он кивнул мне, давая понять, что контролирует ситуацию.

- Добро пожаловать в настоящий Ад, - сказал я тихо, - здесь нет огня и фейерверков. Только тьма... и последствия ваших поступков.

Мы пошли дальше, коридор из колонн и руин тянулся бесконечно, и каждый шаг отдавался в этой пустоте. Я чувствовал, как сила этого места проверяет нас, словно сама тьма хочет понять, кто пришёл. Мы шагали дальше, и мрак вокруг сгущался, словно сама тьма стала плотнее. В дымке начали появляться фигуры - демоны и демоницы, которые сразу заявили о себе своей истинной ипостасью. Их силуэты были ясными, глаза светились холодным светом, рога и когти вырисовывались в полумраке. Люк и я знали их хорошо, понимали каждый взгляд, каждое движение. А четверо парней - ещё молодые демоны, впервые сталкивающиеся с таким уровнем силы. Они заметно застыли, глаза расширились, дыхание сбилось. Я видел, как каждый из них борется с пани-

кой, пытаюсь не потерять контроль.

- Не двигайтесь, - сказал я тихо, чтобы до них донеслось, но с такой твёрдостью, что парни сразу замерли. - Вы здесь впервые. Это не просто тьма. Это власть. Чувствуете её? Каждое движение этих существ режет насквозь.

Демоны обернулись, словно чувствуя наше присутствие. Их взгляды пронзали нас, в них была древняя сила и холодная безжалостность. Люк стоял рядом со мной, плечо к плечу, ровно и уверенно, а ребята за нами едва сдерживали дрожь.

- Добро пожаловать в мой дом, - произнёс один из старших демонов, голос разнёсся эхом по мрачному пространству. - И вы привели своих гостей.

Я сделал шаг вперёд, внимательно наблюдая за реакцией новичков. Теперь начиналась настоящая проверка, и их первая встреча с настоящей демонической силой могла стать решающей.

Я наблюдал, как напряжение висело в воздухе, пока фигура, выглядевшая почти как человек, подходила к нам. Моя рука сама сжала рукоять ножа, хотя знала, что пока не требуется.

- Люк?! - прозвучал голос, мягкий, но с явным оттенком раздражения.

Люк едва улыбнулся, словно приветствуя старого знакомого.

- И тебе привет, пап.

Один из парней из нашей «четвёрки» выглядел так, будто готов был провалиться сквозь пол.

- Пап?!

- И что ты уже натворил? - сказал демон, пристально глядя на Люка.

- Что сразу я! - Люк отмахнулся, делая вид, что это всё какая-то ерунда.

Я слегка нахмурился и вмешался:

- Мистер Асмид, мы из-за этих четверых.

Демон перевёл взгляд на нас, и я увидел смесь раздражения и усталости в его глазах.

- Так вот оно что, снова вы.

Люк моргнул, словно пытался выяснить, что за тон в словах.

- В смысле «снова»?

Я сделал шаг вперёд, держа руки свободными, готовый к любому повороту, и сжался, наблюдая, как старший демон оценивает нас, а особенно наших молодых «подопечных». Я держался чуть в стороне, наблюдая за диалогом Люка с демоном. В голосе старшего была лёгкая усмешка, но в глазах - строгая оценка.

- Да в самом прямом смысле, - сказал демон, переводя взгляд на нас, - снова, только что прошли инициацию, а уже трижды были на аудиенции у Люцифера.

Люк издал короткое «Ух ты», словно это было похвально.

- Не обольщайся, - продолжил демон, переводя взгляд на нас обоих, - до тебя и Эйдена им всё равно далеко. Вы в первый же день чуть не разгромили бар в центре Лондона.

- Паап... - пробормотал Люк, словно оправдываясь.

- Ой, вот не надо, - ответил демон с ноткой раздражения,

- ты всегда находил приключения на задницу, а мне потом отвечать.

Я усмехнулся, внутренне соглашаясь: да, порой мы оба с Люком умудряемся попасть в неприятности.

- Как я вас понимаю, Мистер Асмид, - тихо произнёс я, не скрывая лёгкой иронии в голосе.

- Ты не лучше, Эйден, - сказал демон, сжатые губы выдали лёгкую усмешку. - Ладно, давайте этих четверых сюда. Люцифер уже в курсе о вашем прибытии.

Я сделал шаг вперед, наблюдая, как четверо молодых демонов сжались и выглядели одновременно напуганными и смущёнными. Внутри меня зреет спокойная уверенность: теперь им придётся отвечать за свои первые косяки по-настоящему. Мы шли мимо старых каменных построек, из окон и щелей которых время от времени выглядывали другие демоны - наблюдали, переговаривались, хихикали. Чувствовалась их энергия, тяжёлая, концентрированная, словно сама тьма дышала в унисон с нашими шагами. Впереди шёл отец Люка, уверенный и размеренный, словно вся эта тьма была для него обычной прогулкой по парку.

Молодые демоны позади нас шли с явным страхом, их гла-

за метались по сторонам, они ещё не привыкли к этой иерархии и к тому, насколько суров здесь порядок. Я наблюдал за ними тихо, оценивая, кто из них будет последним, кто первым сорвётся или обидится. И вот на горизонте показался замок - мрачный, массивный, с башнями, уходящими в тёмные облака. Это был замок Люцифера, одного из семи князей Ада. В воздухе чувствовалось ожидание, тяжесть власти и запрета. Я пробежал глазами список семи, кто здесь держит власть: Люцифер, Маммон, Сатана, Асмодей, Вельзевул, Левиафан и Бельфегор. Каждый из них - своя стихия, своя опасность, и все их имена звучали как приговор. Люк шёл впереди меня, уверенно, но я видел в его движениях привычную лёгкую дерзость - он знал, что здесь нельзя ошибаться, но привычка находить приключения на задницу не оставляла его. Я же шёл рядом, контролируя молодняк, который тащили сюда - они ещё не знали, что значит попадать в руки тех, кто держит власть над всей их реальностью. Каждый шаг приближал нас к тем, кто решает, кто достоин жизни, а кто - урока на всю вечность. Мы подошли к массивным дверям замка. Они казались неподвижными, тяжёлыми, словно сама каменная стена дышала нашей тревогой. Люк шагнул вперед, отец его шёл чуть позади, а я внимательно следил за молодыми демонами - каждый их вздох выдавал смесь страха и любопытства.

И вдруг двери начали медленно открываться, без звука,

как будто сама тьма сместила камень по нашей воле. Щели позволяли увидеть внутренний двор, залитый приглушённым красноватым светом, и силуэты демонов, которые остановились, чтобы нас рассмотреть. Я ощущал, как напряжение молодых демонов усиливается, как их сердца стучат быстрее, а мои пальцы непроизвольно сжали рукоять. Люк же, как всегда, оставался спокойным, почти развеивая дерзкую уверенность, будто двери открывались именно для него.

- Ну что, готовы? - пробормотал я себе под нос, и молодой вздрогнул, услышав мой голос. Они ещё не знали, что впереди - не просто зал, а настоящая проверка силы и выносливости, где каждый шаг может стать уроком, который они запомнят навсегда. Двери окончательно разошлись, открывая путь внутрь, и мы ступили в тёмный, но странно живой замок. Отец Люка уверенно шел вперед, будто каждый камень под ногами знали его по имени. Мы шли за ним, а я оглядывал молодых демонов. Их страх был осязаемым - я мог почувствовать, как каждый мускул напрягся, как глаза бегали по темным коридорам, будто они искали выход, которого не было. Я не сказал ни слова, просто наблюдал. Они пытались казаться смелыми, но даже в их попытках угадывалась дрожь. Иногда один из них невольно прикусил губу, другой сжал руки в кулаки, а третий чуть отпрыгнул назад, когда тень от колонны казалась слишком большой. Люк, как обычно, шел рядом со мной, не замечая их паники. А я ед-

ва сдерживал ухмылку - урок начался ещё до того, как мы подошли к тронному залу. В воздухе стояла тяжесть, словно сама каменная кладка замка давила на плечи. И чем ближе мы подходили к главной двери, тем сильнее страх молодых демонов отдавался внутри меня. Коридор заканчивался массивными дверями, которые тихо скрипнули, открываясь перед нами. Я почувствовал, как напряжение четырёх молодых демонов усилилось до предела - каждый шаг теперь давался им с трудом. Внутри зала стоял огромный стол, а за ним - семь фигур на тронах. Люди, казалось бы обычные, но сразу было видно: это не просто люди. В строгих костюмах они излучали ауру власти и опасности, такую, что даже я ощутил лёгкий холодок по спине. На центральном троне сидел Люцифер. Его взгляд, направленный на нас, был спокойным, почти невозмутимым, но в нём скрывалось что-то древнее и страшное. Остальные князи - Маммон, Сатана, Асмодей, Вельзевул, Левиафан и Бельфегор - располагались по обе стороны, каждый с присущей ему харизмой, которая не оставляла сомнений: это существа, перед которыми меркнет всё остальное. Молодые демоны сжались, словно каждый их вдох отдавался эхом страха. Люк же, как всегда, стоял немного расслабленно, а я следил за реакциями остальных, не сводя глаз с их осторожных движений. И даже без их истинных ипостасей, их присутствие давило сильнее, чем жара Ада, напоминая, что мы оказались в самом сердце власти, где решения принимаются одним взглядом.

Тишину зала нарушил резкий, отчётливый стук каблуков. Я чуть вздрогнул, когда в дверях появилась Лилит - супруга Люцифера. Она шла с такой грацией, будто сама комната подстраивалась под каждый её шаг. Её взгляд скользнул по нам, задержавшись на четверых молодых демонах. Я видел, как их лица побледнели ещё больше. Даже Люк слегка напряг плечи, хотя попытался скрыть это улыбкой, а я понял: Лилит - не просто кто-то рядом с Люцифером, она сама по себе сила, с которой лучше не шутить.

Она остановилась чуть поодаль, улыбка играла на губах, но глаза были холодными, пронизательными. Казалось, она видит не только то, что мы делаем, но и то, что у нас на уме. И даже для меня, привыкшего к магии и опасности, её присутствие давило особым образом - власть и харизма переплетались в каждом её движении, заставляя всех, кроме Люка и меня, чувствовать себя маленькими и уязвимыми. Лилит сделала шаг вперёд и её голос раздался по залу, мягкий, но уверенный:

- Люцифер, дорогой, гости прибыли.

Люцифер кивнул, не сводя взгляда с нас. Я видел, как четверо молодых демонов напряглись ещё сильнее, словно пытались спрятаться за спинами Люка и меня.

Лилит окинула их взглядом - я понял, что она сразу оценила каждого. Их страх был почти осязаем. Она не сказала ни слова им в лицо, но её присутствие словно шептало: «Вы ещё слишком молоды, чтобы понимать, где находитесь». Люк слегка кивнул своей рукой, а я стоял рядом, чувствуя, как взгляд Лилит скользит по мне, словно читая мысли. Даже я ощутил лёгкий холодок - это была не угроза в привычном смысле, а скорее проверка, экзамен на стойкость и самоконтроль.

Люцифер наконец заговорил, его голос разнёсся по залу:

- Принесли нам гостей, Эйден, Люк, и этих четверых. Я ожидаю, что всё объяснено будет ясно и быстро.

Четверо молодых демонов выглядели так, будто хотели провалиться сквозь землю. Я чуть улыбнулся про себя, зная, что их уроки только начались.

- Несомненно, - вмешался Люк, слегка нервно, но с привычной дерзостью,

Лилит вновь посмотрела на нас, и я заметил, как её взгляд мягко скользнул по четверым: оценка и ожидание, смешанные с лёгким презрением.

- Пусть они говорят, - сказала она, и я понял, что разговор с ними будет интересным.

Люк слегка кивнул мне, и мы отошли в сторону, оставив четырёх новичков под внимательным взглядом Лилит и остальных князей. Я ощущал, как их страх рос с каждой секундой. Они шептались между собой, пытаясь найти оправдание, но понимали - здесь слова мало что решают.

- Смотри на них, - сказал Люк тихо, едва слышно, - как мышата, впервые вышедшие на свет.

Я кивнул. Мышата - это мягко сказано. Если бы я был на их месте, мне бы самому не поздоровилось.

- Они вообще понимают, куда попали? - спросил я, больше для себя, чем для него.

- Понимают, - усмехнулся Люк. - Просто надеются, что если будут вести себя тихо, их съедят помедленнее.

Я посмотрел на них ещё раз и едва заметно улыбнулся. Эти четверо ещё слишком зелёные, чтобы оценить масштабы происходящего. А мы с Люком... мы уже привыкли к этой игре. А они - всего лишь ученики, даже не подозревая, насколько глубоко они зашли.

Мы стояли с Люком немного поодаль, наблюдая за четырьмя молодыми демонами, которые дрожали, словно имели не больше шансов, чем мыши перед кошкой. Моя внутренняя улыбка не мешала мне ощущать тяжесть момента - это была первая настоящая проверка для этих новичков. Маммон, суровый и властный, уже начал отчитывать их. Его голос был ровный, но острый, каждый звук резал воздух, словно кинжал:

- Вы, своим безрассудством и тупостью, причинили смерть человека. Не просто ошиблись - именно ваши действия или бездействие привели к этому.

Вельзевул, сидящий рядом, поддержал Маммона легким кивком:

- Абсолютно верно. Уроки жизни стоят дорого, особенно для тех, кто слишком юн, чтобы понимать последствия.

Асмодей, словно желая подчеркнуть правовую сторону вопроса, вставил:

- Напоминаю: закон гласит, что демоны, существующие на Земле, не имеют права показывать свою сущность смертным. Каждое ваше проявление - уже нарушение, и оно может быть опасным.

Сатана и Левиафан солидарно кивнули, добавляя вес его словам. Было видно, что для них этот кодекс - не просто формальность, а священное правило.

Бельфегор, сохраняя нейтральность, произнёс:

- Объективно говоря, молодые демоны будут наказаны за содеянное. Независимо от того, хотели вы этого или нет, последствия есть.

Четверо парней снова замотали головами, глаза их метались между нами и тронем Люцифера:

- Мы... мы не убивали... - начал первый, голос дрожал. - Когда мы пришли, она уже была... уже была убита.

- Да, это правда, мы... мы не прикасались к ней, не... - добавил второй, словно надеясь, что слова сами защитят их.

- Мы просто... не знали, что так получится, - третий выглядел так, словно хотел раствориться в воздухе.

- Мы не хотели... - последний не мог закончить фразу, но все трое кивнули в подтверждение.

Маммон резко взглянул на них, глаза сияли холодным гневом:

- Не хотели? Это слабое оправдание. Вы должны были понимать последствия хотя бы на минимальном уровне!

Я видел, как Люк сжал кулаки, и внутри меня слегка забурлило чувство предостережения: это не игра, и сейчас эти ребята получают урок, который они запомнят навсегда. Молодые демоны молчали, их лица побледнели, дыхание участилось. Я чувствовал напряжение, исходящее от них, и сам понимал, что этот зал был полон не огня и дыма, а холодно-го, неминуемого суда. И хотя я был с ними на стороне власти, наблюдать за этим было одновременно и пугающе, и... странно захватывающе. Я видел, как они сжались, глаза расширены, дыхание прерывистое. Люцифер и Лилит не спешили, позволяли им ощутить весь вес ситуации, а остальные князья лишь тихо наблюдали, словно судьи, готовые зафиксировать каждую эмоцию.

- Вы слышали, - сказал Люцифер ровно, без всплеска эмоций. - Теперь каждый из вас должен понять, что демоническая сила - это не игрушка.

Маммон наклонился к одному из парней, его взгляд был почти изучающий, как будто рассматривал хрупкий предмет:

- Ваш страх - это нормально. Но помните, что следующий

раз цена будет выше.

Я стоял рядом с Люком, ощущая холод этого зала. Эти ребята совсем ещё зелёные, и каждый их неверный шаг здесь ощущается как разрыв. Мне стало ясно, что моё терпение и контроль будут ключевыми, если они хотят остаться в этом мире демонов живыми и целыми.

Лилит прошла вдоль них, каблуки тихо цокали по каменному полу, и каждый шаг был ударом по их самоуверенности:

- Каждый ваш выбор на Земле теперь будет иметь последствия. Не повторяйте глупостей, которые привели вас сюда.

Я повернулся к Люку и тихо сказал:

- Видишь их страх? Так они учатся. Так они становятся демонами, а не детьми с игрушками.

Люк только усмехнулся, слегка пожал плечами:

- Эти малыши еще долго будут помнить сегодняшний день.

Я кивнул, внутренне соглашаясь. Это было необходимо. И пусть их наказание будет строгим, но справедливым - имен-

но это делает их сильнее.

Я наблюдал, как Лилит, точно дирижёр, отводит взгляд от четверых парней к нам с Люком. Её голос был ровный, но в нём ощущалась властность:

- Люк, Эйден, вы можете идти, дальше мы сами.

Люк слегка кивнул, уже привычно уверенный в себе, будто это решение его не касалось, но я чувствовал, как внутренне он напрягся - понимал, что за нами оставили совсем юных демонов.

Я сделал шаг назад, оставляя их с Лилит и остальными князьями, глаза мои не отрывались от реакции парней. Они стояли, словно застигнутые в ловушку: страх и смтение перемешались с попыткой выглядеть невозмутимо, но я видел каждую дрожь пальцев, каждую нерешительную дыхательную паузу.

Массивные двери уже начали за собой тихо закрываться, когда я услышал голос Маммона, который донёсся вслед нам с Люком:

- С этого момента, Люк и Эйден следят за этими четырьмя.

Я обернулся на Люка, и мы одновременно выдали:

- Чего? За что?

Асмодей, стоя чуть в стороне, спокойно добавил:

- Вы же нашли этих четверых детей.

Я почувствовал, как внутри меня полезла привычная смесь раздражения и ответственности. Люк сжал челюсть, а я тихо усмехнулся - нас снова втягивали в игру взрослых демонов, а эти четверо, судя по их поведению, едва понимали, что за ними теперь следят двое, кто далеко не терпит ошибок. Мы медленно двинулись дальше по коридору, ощущая, как на плечи ложится новая обязанность - наблюдать, контролировать и, при необходимости, исправлять.

Я шёл рядом, чувствуя знакомое раздражение, но попытался держать лицо спокойно:

- Расслабься, - сказал я, чуть улыбнувшись уголком рта. - Это всего лишь наблюдение. Без твоего привычного драматизма они даже не заметят, что за ними кто-то следит.

Люк фыркнул, качая головой:

- Какого хрена! Мало того, что нам пришлось их искать, прятать с ними труп, так мы ещё и няньки!

Я хмыкнул, подталкивая его плечом:

- Ну что ж, придётся добавить к твоему резюме "спасатель мира и смотритель за недодемонами". Привыкай, брат.

Он только пробормотал что-то непечатное в ответ, и мы продолжили идти по коридору, ощущая тяжесть ответственности, которая висела над этими четырьмя, не умеющими ещё правильно пользоваться своей силой.

Мы шли молча, каждый погружён в свои мысли. Я наблюдал за Люком - его раздражение почти физически ощущалось, будто оно могло разлиться по коридору и осесть на стенах.

- Знаешь, - начал я, чуть ускоряя шаг, - им всё равно нужна рука помощи. Они молодые, горячие, а последствия их действий уже доказали, что самостоятельность иногда смертельна.

Люк фыркнул, но молчал. Я продолжал:

- И если мы не будем рядом, кто-то другой придёт и разберётся с ними более... радикально. А нам этого не нужно.

Он только ухмыльнулся, будто соглашаясь, но всё равно

пробормотал:

- Отлично. Так мы теперь и спасатели, и надсмотрщики. Чудесно.

Я кивнул, чуть ускорив шаг:

- Зато это делает нашу работу интереснее. В конце концов, мы видим, как они учатся на своих ошибках... и сколько ещё безумия нам предстоит пережить с ними.

Мы шли дальше по коридору, и я чувствовал, как напряжение молодых демонов позади нас растёт с каждой секундой, хотя они ещё не подозревали, что мы всегда рядом. Мы дошли до лестницы, ведущей вниз в ещё более тёмные коридоры замка. Люк вздохнул и провёл рукой по волосам, явно раздражённый.

- Ладно, - пробормотал он, - будем держать их под контролем. Но я не обещаю, что останусь вежливым, если они опять устроят дичь.

Я кивнул, оценивая ситуацию: четверо молодых демонов шли за нами, с каждым шагом становясь всё более настороженными. Они явно понимали, что оказались в чуждом мире правил и власти, где любое неверное движение могло дорого

им обойтись.

- Слушай, - тихо сказал я Люку, - нужно дать им шанс исправиться, иначе... нам придётся действовать жестко.

Он фыркнул:

- Да, да, «шанс исправиться». Смотрю, ты уже нашёл себе девиз на день.

Я ухмыльнулся:

- Иногда лучше предупреждать, чем потом разбирать последствия.

Мы шагали дальше, и я уже чётко чувствовал, как внимание каждого из четырёх молодых демонов сосредоточено на нас - как на своих наставниках и, одновременно, на источнике возможной кары. Это было странное чувство - видеть страх, смешанный с любопытством и желанием доказать, что они способны.

- Ну что, - пробормотал Люк, - начнём наш «урок выживания» в аду?

Я кивнул. Нас ждала длинная дорога, но теперь мы точно знали, что будем держать этих молодых демонов под при-

смотром - и при этом не дать им угробить себя раньше времени. Через час несколько демонов вывели четырёх парней к нам. Их глаза были широко раскрыты, спина прямая, а руки сжаты в кулаки - явно пытались держаться мужественно, но напряжение исходило от каждого их движения.

Люк вздохнул и не удержался:

- Ой блять...

Я тяжело опёрся на поручень лестницы, оглядывая их с хладнокровием.

- Значит, так, - сказал я, шагнув к ним вперёд, - мы возвращаемся обратно на Землю. И я более чем уверен, что про ваш косяк уже знают ваши родители.

Четверо молодых демонов синхронно приподняли брови, будто только что поняли масштаб своей ошибки. Их взгляды метались между нами, стараясь найти хоть малейшую лазейку для оправдания, но я уже видел: здесь ни слова оправдания не прокатит.

- Так что, - добавил я, - вам лучше вспомнить, как ходят по миру живые, и как вести себя с смертными. Иначе... - я сделал паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе, - последствия будут куда более неприятными, чем этот разговор.

Люк ухмыльнулся, встряхивая плечами:

- А я ещё думал, что день будет скучным.

Я скрестил руки на груди и посмотрел на Люка с ледяной серьёзностью.

- Теперь понимаешь, что происходит со мной, когда ты вляпываешься в какую-нибудь жопу? - спросил я, чуть наклонившись к нему.

Он фыркнул и махнул рукой:

- Ты хоть раз находил меня с трупом смертной?!

Я чуть улыбнулся, но без тёплоты:

- Ладно, тут плюс в твою пользу.

Мы шагнули в портал, и холодная тишина Ада осталась позади. Свет Лондона постепенно оживал над горизонтом, первые лучи рассвета пробивались сквозь редкие облака. Я шёл рядом с Люком, чувствуя, как воздух города впитывает нашу магическую сущность. Четверо парней шли позади, явно понурые, и я замечал их тревогу в каждом движении.

Они понимали, что их только что поставили на первый серьёзный экзамен в мире демонов, и теперь ответственность висела на них как тяжёлая тень.

- Смотри, - сказал я, едва слышно, - снова Лондон. Всё как обычно, пока никто не знает, что мы были здесь.

Люк лишь ухмыльнулся, поглаживая руль нашей машины, словно бы говоря: «Ещё одно утро в офисе». А я в уме уже составлял план, как объяснить четырём новичкам, что их жизнь после этого точно не станет прежней.

Люк хмыкнул, оглядываясь на четверых парней позади:

- Значит так, детвора, нас поставили вам в надзиратели.

Я усмехнулся:

- Сказал так, будто они в тюрьме.

Он усмехнулся в ответ, пожимая плечами:

- Зная твои методы обучения, Эйден, да, они в тюрьме.

Я сделал вид невинного ангела:

- Я лапочка и ангелочек.

Люк с хитрой ухмылкой повернул ко мне голову:

- Да? А кто недавно предлагал им расчленить труп?

Я лишь пожал плечами, но в глазах у меня играл насмешливый огонёк.

Я оглянулся на этих четверых, улавливая их робость и растерянность, и позволил себе легкую усмешку.

- А почему именно вас? - спросил первый парень, видимо пытаюсь понять, зачем именно на нас свалили ответственность.

Я ответил прямо:

- Потому что нам пришлось вас, недоумков, спасать. Напомнить, как мы вас нашли?

Второй парень сразу встрепенулся:

- Не надо, мы помним.

Люк фыркнул с притворной насмешкой:

- Шикарно, хоть с памятью у вас всё нормально.

Третий парень, всё ещё теряясь, спросил:

- И куда мы?

Я посмотрел на него с холодной иронией:

- На первый урок, называется «анатомия человека».

Четвёртый парень замотал головой:

- В смысле?

Люк, с улыбкой, добавил:

- В смысле - в морг. Покажем, как бы вы выглядели, если бы мы вас ещё в той старой квартире порешали.

Первый парень съёжился:

- Может, не надо...

Я чуть приподнял бровь, насмешливо глядя на них:

- Блять, вы демоны или кто? Шучу я. Домой вас отвезем, а завтра отчитаетесь, как день прошёл.

Второй парень нервно поинтересовался:

- А как?

Люк фыркнул, доставая телефон:

- Чат в Телеграмм создадим. Вы что, такие тупые?

Я только покачал головой, не скрывая улыбки - с такими придурками работать придётся ещё учиться терпению.

## Глава 6. Мэйв

Я сидела на краешке дивана Лены, держа в руках чашку горячего кофе, и наблюдала, как солнечные лучи осторожно пробиваются сквозь полупрозрачные занавески. Утро пахло вином и остатками вчерашнего смеха; в квартире было тихо, почти подозрительно. Лена уже устроилась на кухне с бокалом чего-то лёгкого, а Стеф лениво разваливалась на кресле, скролля ленту в телефоне. Они что-то обсуждали между собой, но я лишь кивала, притворяясь вовлечённой, в голове же крутились мысли о вчерашнем дне. Даже здесь, в безопасном уголке города, ощущение чего-то чужого, непостижимого, не отпускало. Каждый раз, когда я закрывала глаза, перед внутренним взором всплывал образ Эйдена — его тёмные волосы, резкий взгляд и та уверенность, с которой он держал всё под контролем. Он был как вихрь, который врывается в спокойную жизнь и оставляет за собой хаос, но при этом невозможно отвести взгляд. Я делала глоток кофе, стараясь сосредоточиться на настоящем. Но мысли о нём и вчерашней встрече в кафе не отпускали. И, кажется, Стеф с Леной это почувствовали — их шёпот у кухонного стола постепенно стал похож на разговор о нём, о том самом Эйдене, которого я ещё толком не знала, но который уже успел вызвать в моём сердце странное, непривычное напряжение. Я только что откинулась на спинку дивана, расслабившись с

чашкой кофе в руках, когда вдруг раздался визг Стеф.

— Ептвою мать! — вскрикнула Лена, подпрыгнув от неожиданности.

Я моргнула, переведя взгляд на подруг:

— Ты чего? — спросила спокойно, стараясь не выдавать собственное раздражение из-за этого раннего утра.

— Мне Сэм написал! — Стеф размахивала телефоном, как будто его письмо было самым важным событием в истории человечества.

— Орать обязательно? — лениво поинтересовалась Лена, скрестив руки на груди и поджимая губы.

— Иди в задницу! — выпалила Стеф, почти подпрыгивая на месте, явно не желая слушать ни Лены, ни меня. Я тихо вздохнула, опираясь локтем на подлокотник. С утра столько драмы — и всё это было связано с Сэмом. В голове мелькнула мысль, что мне пока не до этих перепалок, но взгляд на Стеф невольно зацепился за телефон: её пальцы дрожали, экран сиял уведомлением, а сердце, видимо, билось в том же ритме, что и её визг. Я с трудом сдержала улыбку — да, утро начиналось шумно, но в какой-то странной гармонии с

обычной жизнью.

Я опустила взгляд на свои руки, все еще держа чашку, и старалась не вмешиваться в скандал, который разворачивался прямо передо мной. Стеф сжимала телефон, глаза горели возбуждением и злостью одновременно, а Лена уже успела откинуться на спинку дивана и закатить глаза.

— Серьезно, — пробормотала я себе под нос, — это утро явно началось с хаоса.

Стеф продолжала возиться с телефоном, перебивая Лены попытки дать какие-то дельные советы. Я попыталась представить, что это все просто шум фона, но сердце невольно забилось быстрее, когда заметила, что Стеф держит телефон так, будто от него зависит вся ее жизнь.

Я слегка наклонилась вперед и сказала спокойно:

— Ладно, девчонки, давайте дышать. Может, кофе еще кто-то хочет, пока мы решаем, кто кого сейчас будет бомбить в сообщениях?

Стеф на мгновение замерла, как будто я вытащила ее из водоворота эмоций. Лена посмотрела на меня с легкой усмешкой. И хотя конфликт не исчез полностью, в комнате

воцарилась маленькая пауза, и я поняла, что иногда достаточно одного спокойного взгляда, чтобы немного остудить пламя. Я откинулась на спинку дивана, слегка приподняв бровь и пытаюсь оценить, насколько реальна эта затея. Лена сияла, как будто раскрывала секрет мирового масштаба, а Стеф просто прыгала от нетерпения, словно речь шла о самой важной новости в их жизнях.

— Мэйв, у тебя сегодня выходной, — протянула Лена, наклоняясь вперед, чтобы подчеркнуть серьёзность момента, — предлагаю в одно местечко.

Я прищурилась:

— В какое?

Лена сделала таинственное лицо и понизила голос до шепота:

— Мне знакомый по секрету сказал, что за городом проводят гонки на тачках и мотоциклах.

Стеф выдала восторженное:

— Ух ты!

— Серьезно? — переспросила я, всё ещё пытаюсь понять, не шутят ли они.

Лена кивнула, чуть прищурившись от удовольствия:

— Дааааа.

Я не могла сдержать лёгкую улыбку. Энергия Лены и Стеф была заразной, и даже несмотря на утреннюю усталость, в голове мгновенно проскочила мысль: «Почему бы и нет? День обещает быть интересным». Я прищурилась, пытаюсь понять, насколько Лена вообще серьёзна.

— Ты шутишь? — переспросила я, хотя по её хитрой улыбке уже знала ответ.

Лена покачала головой, скрестив руки на груди.

— Абсолютно нет. Это не какие-то любительские заезды, а настоящие подпольные гонки. Там собирается половина города.

Стеф аж подпрыгнула на месте, хлопая в ладоши.

— О боже, это же как в кино! Быстрая тачка, рев мотора, дым из-под колёс... я хочу!

Я закатила глаза. Стеф всегда ведётся на всё, что связано с драйвом и адреналином.

— А если нас там накроет полиция? — спросила я, не особо веря, что всё это законно.

Лена махнула рукой.

— Не накроет. У них всё схвачено. Поверь, будет весело.

Я задумалась. С одной стороны, идея вляпаться в какие-то подпольные тусовки звучала... мягко говоря, сомнительно. Но с другой — я знала Лену. Если она что-то предлагала, значит, это обещало минимум скуки. А мне как раз хотелось встряхнуться после всей этой рутины. Стеф уставилась на меня, буквально умоляя глазами.

— Ну, Мэйв, давай! Это же приключение. Ты только представь — ночь, трасса, машины, мотоциклы, огни... и мы.

Я усмехнулась, чувствуя, как внутри меня медленно просыпается азарт.

— Ладно, уговорили. Но если что-то пойдёт не так, я первая свалю, ясно?

Лена и Стеф переглянулись, а потом синхронно кивнули.

— Договорились, — ответила Лена, и её глаза блеснули так, словно она только этого и ждала.

Я сидела на краю кровати, наблюдая, как Лена с азартом роется в своём шкафу. У неё вообще была привычка — если что-то затевается, то непременно с размахом. Стеф тем временем устроилась в кресле у окна, болтая ногами и попивая кофе из кружки с котиками.

— Так, — протянула Лена, выуживая с вешалки очередное платье и прижимая его к себе, — нет, это слишком офисно.

— Я вообще-то не собираюсь устраиваться секретаршей, — хмыкнула я.

— Вот именно! — бодро подхватила она, уже засовывая платье обратно. — Тебе нужно что-то яркое. Но не вульгарное, — Лена прищурилась, повернувшись ко мне. — Хотя, если честно, вульгарность тебе идёт.

Я закатила глаза.

— Спасибо, очень польщена.

Стеф прыснула со смеху, чуть не расплескав кофе.

— Лена, перестань её мучить. Ей и так всё идёт, — встала она. — Даже если Мэйв выйдет хоть в пижаме, всё равно будут смотреть только на неё.

— Ага, конечно, — пробормотала я, но уголки губ всё равно дрогнули.

Лена вытащила джинсы, топ и косуху, бросив всё это прямо на кровать.

— Вот! — с победным видом заявила она. — Это идеальный вариант для гонок. Дерзко, удобно и... ммм... ну, сами понимаете.

Стеф откинулась назад и театрально закатила глаза:

— То есть, Лена просто хочет, чтобы мы выглядели так, будто снимаемся в фильме про байкеров.

— И что? — с вызовом ответила Лена. — Зато атмосферно.

Я вздохнула и подняла топ, разглядывая его. Черный, обтягивающий, с сетчатой вставкой сверху.

— Лена... — протянула я. — Ты уверена, что мы едем на гонки, а не на свидание с рок-звездой?

Она ухмыльнулась.

— Ну, если повезёт, может, и на то и другое.

Стеф прыснула ещё громче.

— Господи, да вы обе сумасшедшие.

Я только усмехнулась и покачала головой.

— Ну ладно, допустим, — сдалась я. — Но только при условии, что ты, Лена, наденешь не меньше блеска, чем я.

Лена широко улыбнулась.

— Договорились.

Лена рыскала в шкафу с таким азартом, будто собиралась нарядить меня не на утреннюю прогулку, а на подиум. Я сидела на краю её кровати, наблюдая, как она вытаскивает из недр гардероба топы, платья, джинсы и кидает всё это на стул. Стеф устроилась рядом со мной, поджав под себя ноги, и хихикала каждый раз, когда Лена прикладывала что-

нибудь к себе или ко мне, словно мы обе её куклы.

— Так, Мэйв, — наконец произнесла Лена, держа в руках чёрную кожаную куртку, — гонки это не бал, но выглядеть нужно так, чтобы челюсти у парней на асфальт падали.

— Ага, особенно у гонщиков, которые на скорости две-сти не увидят даже собственные руки, — усмехнулась я, но куртку взяла. Она была тяжёлая, мягкая, и сидела на мне так, будто её сшили специально под мои плечи.

— Ну вот! — Лена щёлкнула пальцами. — Ещё чёрные джинсы, футболка по фигуре... и каблуки.

— Каблуки? — я чуть не поперхнулась. — Ты издеваешься? Мы на гонки едем, а не на красную дорожку.

— Вот именно. А каблуки — это оружие, запомни, — важно заявила она. — И никакой кеды-растяпы на мне рядом не будет.

Стеф прыснула со смехом, ткнув меня в бок:

— Ну всё, сдавайся. С Леной спорить бесполезно, у неё на всё аргументы железные.

Я закатила глаза, но всё равно натянула предложенные джинсы. Чёрные, обтягивающие, подчёркивали фигуру, но при этом сидели удобно. Куртка дополнила образ, и даже я сама себе в зеркале понравилась.

— Ну что? — я развернулась к девчонкам.

— Вот это уровень! — Стеф хлопнула ладонями. — Ещё тёмные очки, и ты будешь выглядеть, как королева трассы.

Лена довольно улыбнулась, уперев руки в бока:

— Я же говорила. Мужики будут смотреть только на нас.

Я фыркнула, но где-то глубоко внутри мне стало любопытно: что же за место нас ждёт вечером и какую атмосферу принесут эти нелегальные гонки.

Лена рылась в своём шкафу, вытаскивая на свет то одно платье, то другое, и всё это сопровождалось её ворчанием о том, что «нечего надеть». Я сидела на краю кровати, наблюдая за этим хаосом тканей и фыркая в кулак. Стеф, как всегда, развалилась на подушках, будто королева бала, и с самым серьёзным видом спросила:

— Так, развратницы, мне что надеть?

Я едва не поперхнулась воздухом, а Лена, вынырнув из глубины шкафа с каким-то блестящим топом, округлила глаза:

— Мы развратницы? Ты меняешь парней как перчатки!

Стеф подняла бровь, не теряя невозмутимости, и с таким достоинством протянула:

— Они ведутся на внешний вид. И заметь, ни с одним из них я не спала.

Я не выдержала и хмыкнула, скрестив руки на груди.

— Что удивительно.

Она метнула в меня подушку, и я вовремя пригнулась, чтобы та угодила прямиком Лене в спину. Лена оглянулась и начала возмущаться, а Стеф сияла победной улыбкой, будто только что выиграла войну.

Я качнула головой. Вот они — мои подруги. Лена с её драмой, Стеф с бесконечными историями про парней, и я, которая вечно оказываюсь посредине их перепалок. Но, если честно, без этого хаоса утро было бы слишком скучным. Я усмехнулась, глядя, как Стеф драматично закатывает глаза, будто я только что сказала что-то возмутительное.

— Да ну тебя, — она отмахнулась, откидывая волосы за плечо и демонстративно поправляя тонкую майку. — Просто умею пользоваться тем, что дала природа.

Лена приснула от смеха и, держа в руках чёрную кожаную куртку, обернулась ко мне:

— Ну, у кого ещё язык острее, чем у тебя, Мэйв?

— Я? — я сделала вид, что невинно хлопаю глазами. — Я всего лишь констатирую факты.

Стеф ткнула в меня пальцем, потом в Лену:

— Вы вдвоём — самый страшный кошмар для любого мужика. И знаете что? Вы этим явно гордитесь.

— А чего стесняться? — парировала Лена, слегка показывая бедром. — Вон, Мэйв вообще как фатальная женщина, только взгляд бросит — и всё, парень уже забыл, как его зовут.

Я хмыкнула:

— Ага, а потом ты появляешься и добиваешь остатки его

самоуважения.

Мы втроём засмеялись так, что чуть не разбудили соседей, а Стеф, наконец, подняла с кровати короткое платье и приложила к себе.

— Ладно, я тоже определилась. Только предупреждаю: если на гонках нас заметят и начнут клеиться, то вся ответственность за отшив — на вас.

— Без проблем куколка, — синхронно ответили мы с Леной. И я поймала себя на мысли: как же классно начинать утро вот так — со смеха и подколов.

Когда смех улёгся, в комнате повисла лёгкая, уютная тишина, нарушаемая только шуршанием ткани и щелчками вешалок. Лена снова погрузилась в свой шкаф, что-то тихо напевая себе под нос, а Стеф крутилась перед зеркалом, то приподнимая платье, то закусывая губу и придирчиво оглядывая себя сбоку. Я села на край кровати, поджав ноги, и, честно говоря, впервые за долгое время почувствовала, что просто наслаждаюсь моментом. Без мыслей о работе, без воспоминаний о ночных кошмарах, без привычного чувства, что за спиной кто-то стоит и наблюдает. Только мы трое — подруги, шум, смех и хаос из разбросанных вещей.

— Ну что, красотки, — сказала я, потянувшись и оглядев нас троих, — если мы сейчас куда-то выйдем, гонки точно станут вторым событием вечера. Первым будут наши появления.

Стеф вскинула подбородок, будто ей именно это и было нужно для самоутверждения:

— Вот это правильно сказано, Мэйв. Я знала, что у тебя в душе всё-таки сидит маленькая тщеславная стерва.

— Маленькая? — фыркнула Лена, оборачиваясь с курткой в руках. — Да она иногда стерва посерьёзнее, чем ты.

Я театрально приложила ладонь к груди:

— Спасибо, девочки, вы такие лестные сегодня.

Я как раз застёгивала ремень на джинсах — они сидели на мне идеально, подчёркивали бёдра и задницу так, что я сама поймала себя на мысли: да, чёрт возьми, я выгляжу слишком хорошо, чтобы сидеть дома. Топ с кружевами и сеткой чуть просвечивал, оставляя ровно столько загадки, сколько нужно.

— Вот будь я парнем, я бы тебя, эхх... — протянула Стеф,

оглядывая меня сверху вниз, прикусив губу так демонстративно, что я едва удержалась от смеха.

Я прищурилась.

— Ты бы меня что?

Лена даже не дала ей шанса выкрутиться:

— Говори прямо, трахнула.

— Лена! — Стеф возмущённо округлила глаза, будто не она сама только что подвела к этому.

— Что?! — Лена развела руками, совершенно невозмутимая. — Ты же это и хотела сказать.

Я закатила глаза и прыснула в ладонь от смеха. Атмосфера была настолько лёгкой, что я даже не успела смутиться. Да уж, вот это у нас утро — вместо кофе заряд бодрости обеспечен. Я закатила глаза и, усмехнувшись, поправила волосы. Стеф всё ещё смотрела на меня слишком уж откровенно, а Лена, как всегда, не могла удержаться от прямоты.

— Вы серьёзно? — я фыркнула, проходя мимо них к зеркалу, чтобы взглянуть на себя ещё раз. — Если бы я начинала считать, сколько раз вы обсуждали мою задницу, то уже

давно сбилась бы со счёта.

Стеф драматично приложила ладонь к груди:

— Так это комплимент! Мы заботимся о твоём эго.

— Моё эго и без вас справляется, — усмехнулась я, поправляя джинсы так, будто это имело значение.

Лена хмыкнула и, не отрываясь от своего платья, бросила:

— Ага, эго справляется, а сама потом сидит и думает, нравлюсь ли я ему.

Я прищурилась и тут же ткнула её в бок:

— Лена!

Она взвизгнула и отмахнулась.

Стеф рассмеялась, подхватывая её:

— Ну да, ну да... У кого-то слишком много вопросов к себе.

Лена прыснула со смеху:

— Стеф, ты невозможна.

Стеф первой не выдержала:

— Ну всё, я решила. Тебе официально нужна охрана.

— В смысле? — я подняла бровь.

— В прямом. С твоей мордашкой и характером тебя точно кто-нибудь утащит. Даже глазом моргнуть не успеешь.

Лена фыркнула:

— Да кто там утащит? Скорее она сама кого захочет — и утащит.

Я закатила глаза, но улыбка всё равно проскользнула.

— Спасибо за «комплименты», девочки. Вы прям меня поддержали.

— А что, мы врём? — Стеф хитро прищурилась. — Ты сама в зеркало себя видела?

— Видела, — я скрестила руки на груди. — И, знаешь, ничего особенного.

Лена приснула:

— Вот именно! «Ничего особенного»... Это говорит человек, из-за которого на прошлой вечеринке чуть драка не началась.

Я замолчала, прикусив губу. И ведь не поспоришь. Лена возмущённо всплеснула руками:

— Это всё из-за её голоса, клянусь! Стоит ей что-то сказать, и у парней крышу сносит.

— Оно... само, — пробормотала я, чувствуя, как щёки начинают предательски теплеть.

Стеф фыркнула и ткнула меня пальцем в плечо:

— Не прибедняйся! «Само оно»... ага, конечно. Ты вообще слышала себя со стороны?

Я закатила глаза и попыталась отмахнуться, но в глубине души понимала — спорить бесполезно. Лена подалась вперёд, заговорщицки понизив голос:

— Да даже этот Эйден! Ты видела, как он смотрел, когда Мэйв прошла мимо после того, как поставила его на место?

Стеф прыснула от смеха и энергично закивала:

— Да-да! Глаз не сводил, будто заколдованный.

Я вспыхнула ещё сильнее и возмущённо замахала руками:

— Перестаньте! Это просто совпадение.

Но по выражениям их лиц я понимала — они меня не отпустят. День пролетел незаметно — в спорах, подколах и смехе. Мы то и дело цепляли друг друга словами, но в этом было что-то домашнее, тёплое, словно мы давно знали друг друга и привыкли к этому шумному хаосу. Лена с Стеф умудрялись спорить буквально обо всём: от того, чья очередь мыть чашки, до того, кто из нас больше «цепляет взгляды» в коридорах. Я только отмахивалась, но внутри ловила себя на том, что всё это ощущается... правильно. К вечеру в комнате повис совсем другой настрой. Лена вывалила на стол косметичку, Стеф принесла какие-то блестящие тени, и, прежде чем я успела возразить, меня уже усадили к зеркалу.

— Сиди, не дергайся, — командовала Лена, щёлкая кисточкой, словно у неё был целый диплом по визажу. Стеф, смеясь, взялась за мои волосы, и пальцы её ловко скользили по прядям, собирая их, то распуская, то снова закручивая.

Я смотрела на своё отражение и едва верила, что это я. Как будто вся дневная суэта сменилась на тихий ритуал — макияж, смех, пересуды. Я чувствовала, как в груди расправляется какое-то новое, хрупкое чувство: будто я впервые становлюсь частью чего-то большего, чем сама. Мы уже почти закончили с укладкой, когда Стеф, закатив глаза, выдала:

— Надеюсь, там будет симпатичный мотоциклист, а то я знаю эту любовь до снятия шлема.

Я усмехнулась, бросив на неё взгляд в зеркало.

— Так же бывает и любовь до снятия штанов, — парировала я, поднимая бровь.

— Ой, не начинай, — простонала она, будто я только что испортила ей настроение.

Лена, поправляя локоны, вставила со своим фирменным задором:

— Согласна, мне надо, чтобы и там, и там было прекрасно, красиво и вкусно.

— Фу! — тут же скорчила гримасу Стеф.

Я с Леной переглянулась, и мы одновременно, почти хором, выдали:

— У кого, что болит, тот о том и думает.

Мы расхохотались. Смех застрял где-то между искренностью и девичьей легкостью, и на миг я поймала себя на том, что не помню, когда в последний раз чувствовала такое. Словно комната была отдельным миром — пахнущим лаком для волос, с разбросанными кисточками и тенями, с отражением трёх разных характеров в одном зеркале. И в этом мире не было ни тайн, ни демонов прошлого, только мы — спорящие, подкалывающие друг друга и готовящиеся к вечеру, будто он мог подарить нам всё, что мы захотим. Мы вышли из квартиры уже в полной боевой готовности — волосы блестят, макияж сияет, платья сидят идеально. Стеф поправляла ремешок сумки, Лена шла впереди уверенным шагом, будто это её личный подиум. И тут у подъезда нас уже ждал гул мотора. Чёрная машина — не новенькая, но ухоженная, с таким блеском, что отражала вечерние огни города. За рулём сидел парень, которого Лена явно узнала, потому что её лицо засияло.

— Девочки, знакомьтесь, это Макс, — протянула она, склоняясь к окну.

Парень снял очки, ухмыльнулся, и у меня сразу сложилось

впечатление, что он слишком привык к вниманию. Такой типаж, у которого всегда есть пара-тройка историй о том, как он «почти выиграл гонку».

— Привет, — он кивнул нам, и голос у него оказался низкий, хрипловатый. — Ну что, поехали?

Я скользнула взглядом на Стеф. Она уже собиралась что-то язвительное выдать, но я мягко толкнула её локтем — мол, потом, не сейчас. Мы сели в машину, и салон сразу наполнился смесью запаха бензина, дешёвого освежителя и чего-то едва уловимо мужского — кожи и табака. Колёса сорвались с места, и город мигом поплыл за окнами. Вечер обещал быть громким. Мы ехали по вечернему городу, и я чувствовала, как лёгкое волнение в груди сменялось предвкушением. Огоньки витрин, неоновые вывески и гул машин создавали ощущение, будто мы направляемся не просто на гонки, а в самую гущу какой-то тайной жизни города, скрытой от глаз случайных прохожих. Лена впереди щебетала с парнем, который вёл машину. Они явно были давно знакомы: она то и дело слегка касалась его плеча, смеялась его шуткам и как будто совсем забыла, что в салоне сидим мы со Стеф.

— Вот так всегда, — фыркнула Стеф, склонившись ко мне. — Только мы куда-то собираемся, а Лена уже нашла повод забыть обо всех вокруг.

Я хмыкнула.

— Ну, зато у нас будет шанс развлечься самим.

Машина свернула на более тёмную улицу, и впереди уже слышался рокот двигателей, визг шин и крики толпы. Мы обменялись быстрыми взглядами — то самое чувство, когда вот-вот попадёшь в совершенно другой мир, полный риска и адреналина. И действительно, за поворотом нас встретило море огней: фары машин, импровизированные прожекторы и толпа людей, собравшихся вокруг широкой полосы асфальта. В воздухе пахло бензином, дымом и азартом.

— Добро пожаловать, девчонки, — сказал знакомый Лены, заглушая мотор. — Сегодня будет жарко.

Лена расплылась в довольной улыбке, а я почувствовала, как сердце ускорило ритм. Это было именно то, чего не хватало — ощущение свободы, опасности и игры.

— Ну что, — я поправила волосы и посмотрела на Стеф. — Готова?

Она вскинула подбородок, но я заметила, как её глаза блеснули.

— Всегда.

Мы вышли из машины, и толпа моментально ожила — свист, возгласы, любопытные взгляды. На этих улицах мы были чужими, но именно это придавало остроты. Мы шли за Максом, и я всё больше погружалась в этот особенный мир. Атмосфера была настолько густой и насыщенной, что казалось — воздух дрожал от басов. Огромные софиты и прожекторы заливали всё пространство разноцветными вспышками света, в такт тяжёлой музыке, которая гремела так, что от неё вибрела грудная клетка. Несмотря на прохладный вечер, девушки были одеты так, будто жара стояла под сорок градусов: короткие юбки, топы, кожа, сетка, блестки. Они совершенно не обращали внимания на холод, потому что внимание публики грело их куда сильнее. Часть девушек танцевала прямо на капотах и крышах машин, размахивая руками, двигаясь пластично, вызываясь. И толпа ревели одобрительно, когда одна из них садилась на шпагат или обводила бёдрами капот так, будто это сцена. Мужчины толпились у машин, обсуждали технику, ставки и предстоящие гонки. Кто-то дымил сигаретой, кто-то держал в руках бутылку пива. Повсюду слышались смех, громкие голоса, перебранки. На асфальте отражался свет софитов, и казалось, что весь этот мир — отдельная вселенная, созданная для скорости, риска и адреналина. Я поймала себя на том, что вды-

хаю этот запах — бензина, табака, дешёвых духов и горячего металла. Всё это смешивалось в странный, но почему-то притягательный аромат. Лена сияла глазами, Стеф выглядела немного сдержаннее, но тоже не могла скрыть любопытства. А я... я словно оказалась внутри фильма, где каждая деталь доведена до предела: свет ярче, музыка громче, люди — смелее и свободнее.

Холод уже не чувствовался. Только ритм, скорость и ожидание чего-то большего. Я уже начинала осматриваться, когда заметила группу парней, стоящих чуть в стороне, но явно не теряющих популярности — вокруг них постоянно кто-то крутился, то девушки, то парни, явно ища их одобрения.

— Это кто? — спросила я, кивнув в их сторону.

Макс скривился так, будто во рту появился неприятный привкус.

— Это? Уроды на дорогах, — буркнул он. — Демон и его компашка.

— Демон? — переспросила Стеф, прищурившись.

Макс махнул рукой в сторону высокого парня с коротко стриженными тёмными волосами. Его было сложно не заметить — он держался расслабленно, но при этом так, что вни-

мание приковывалось само собой. На шее у него тянулась татуировка — чёрные языки пламени, уводящие вверх под ворот свитера.

— Тот, что с тату на шее, — пояснил Макс. — Это Демон. Рядом с ним его дружок — Бес.

Я перевела взгляд. Бес был пониже, с ухмылкой во весь рот и взглядом, будто он готов в любую секунду сорваться на дурь.

— Двое других, — продолжил Макс, кивая на парней чуть позади, — это Чёрт и Валак.

Лена фыркнула и скрестила руки на груди:

— Это что, типа прозвища?

— Кличка, прозвище, ярлык, называй как хочешь, — пожал плечами Макс. — У каждого в их тусовке оно есть.

Я задержала взгляд на парне с тату. Он разговаривал с кем-то из своей компании, но было ощущение, что он всё равно замечает происходящее вокруг. Словно сам контролировал этот хаос.

— Демон, значит, — тихо повторила я, будто пробуя это имя на вкус. Оно странно легко ложилось на слух. Опасное, чужое, но притягательное. Я замерла, едва увидев знакомое лицо в компании этих парней. Сердце на секунду будто выскочило из груди, и я машинально спряталась за спину Стеф.

— Ты чего? — удивлённо повернулась она ко мне.

— Твою мать... — только и смогла выдохнуть я, ощущая, как ладони мгновенно вспотели. Я прижалась к Стеф, словно её худое плечо могло стать непробиваемой стеной.

— Где? — нахмурилась подруга, явно не понимая, о чём я.

Я сглотнула и почти беззвучно прошептала:

— Это он... Это Эйден!

Мой взгляд невольно скользнул на парня с татуировкой на шее — теперь я узнала его точно. Тот самый, что недавно принял у меня доставку, тот, чьи глаза я пыталась забыть после той неловкой сцены в кафе. Чёрт. Конечно же, именно он.

— Демон! — добавила я чуть громче, чем хотела. — Это и есть Эйден.

Сердце стучало где-то в горле. Всё происходящее было похоже на глупую шутку судьбы: сначала случайная встреча, потом его наглые реплики в кафе... а теперь — вот он, в компании, от которой веяло опасностью. Всё внутри меня будто сжалось в комок. Перед глазами вспыхнула картина: он в дверях, принимающий доставку, смотрит на меня своими странными глазами, слишком пристально, будто насквозь. А потом — тот вечер в кафе, когда я отшила его, стараясь держать дистанцию, и сделала вид, что он для меня никто. А теперь — вот он. Стоит рядом со своими друзьями, ухмылка на губах, тату на шее, и эта его уверенность, будто мир принадлежит ему. Я почти физически почувствовала, как его взгляд скользит по толпе. И мне стало жарко, будто он вот-вот заметит меня и вспомнит каждое наше столкновение. Я вцепилась пальцами в руку Стеф. Хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе. Но от осознания, что Демон — это Эйден, сердце колотилось так, что я уже не понимала, от страха это или от чего-то другого.

## Глава 7. Эйден

Толпа шумела, музыка била в виски, а смех друзей вплетался в этот хаос так естественно, будто мы были частью этого города всегда. Люк — мы называли его Бес, и не зря — орал громче всех, подзуживая остальных. Его бесконечная энергия раздражала и спасала одновременно. Я стоял в стороне, наблюдая, как всё это бурлит вокруг. Моя компания — такая же безбашенная, как я сам. Или, может, даже больше. И всё бы шло по привычному сценарию: бар, шум, сигареты, чужие взгляды... если бы не одно «но». Она. Я заметил её раньше, чем она меня. Моя рыбка. Маленькая, дерзкая и упрямая до безумия. Та, что недавно отшила меня так, словно я был никем. Рыбка решила, что сможет ускользнуть. Но я терпелив. Очень терпелив. Я видел, как она спряталась за подругу, будто та могла укрыть её от моего взгляда. Глупая. Нельзя спрятаться от хищника, когда уже оказалась в его сети. Я усмехнулся и сделал шаг вперёд.

— Ну что, рыбка, снова плывёшь мимо? — произнёс я почти тихо, но достаточно, чтобы её взгляд метнулся в мою сторону.

Сейчас рядом с ней снова нарисовался тип — шаткий, пьяный, с бутылкой в руке. Он наклонялся слишком близко, говорил что-то, а она отворачивалась, качала головой:

— Нет. Я сказала нет.

Но до него не доходило. Он тянулся рукой к её запястью, словно собирался ухватить.

— Ух ты, — заметил Люк, поймав мой взгляд. — Это ж тот самый курьер и официант, да? Я, между прочим, из-за неё тебе двадцатку отдал.

Я не ответил. Сжал челюсть. Всё остальное — шум гонок, смех Люка, даже огни трассы — стало фоном. Перед глазами была только она. И этот придурок, который не слышал её "нет". Меня кольнуло.

— Эйден, — Люк хлопнул меня по плечу. — Ты чего замер?

Я уже делал шаг.

Пьяный потянулся к её запястью, и в тот миг во мне вспыхнуло что-то древнее и горячее. Я оказался рядом, перехватил его руку прежде, чем он коснётся её.

— Она сказала «нет», — произнёс я ровно, но в голосе проскользнул металл.

Парень моргнул, уставился на меня мутными глазами.

— Ты кто такой вообще?..

Я чуть улыбнулся уголком губ.

— Тот, кто умеет слушать.

Её взгляд метнулся ко мне — удивлённый, настороженный. Всё так же голубой, как тогда, в кафе. И в этот момент я понял: втянулся. Парень отшатнулся, будто только сейчас понял, что происходит. Его дыхание пахло дешевым алкоголем, и от этого хотелось только сильнее врезать. Я не прикасался к девушке, даже не обернулся на неё. Просто встал, как стена, давая ей пространство.

— Проваливай, — добавил я тихо, но так, что спорить расхотелось.

Толпа вокруг шумела, ставки на гонку принимались громкими голосами, кто-то смеялся, кто-то ругался, но в этом маленьком круге тишина стала густой, натянутой, как струна. Парень выругался, пробурчал что-то невнятное и, пошатываясь, ушёл в сторону. Только тогда я позволил себе повернуть голову — встретиться глазами с ней.

— Серьёзно? — повернулся я к ней. — Даже спасибо не скажешь?

Она вскинула на меня взгляд. Прямой, дерзкий. Не девчонка, которую легко напугать.

— Я бы и сама справилась, — бросила холодно.

Я ухмыльнулся, сдвинув брови.

— Ну-ну.

Прежде чем успел добавить что-то ещё, рядом возник Люк.

— Эй, Демон, через пару минут заезд!

— Уже иду, — кивнул я, а потом всё-таки задержал взгляд на ней.

— Кстати, Эйден.

Она едва заметно дернулась уголком губ.

— Кстати, я в курсе.

И тут же к нам подлетела её подруга:

— Мэйв, ну ты идёшь!? Мы уже потеряли тебя!

Я даже не сразу уловил имя, которое прозвучало. Мэйв. Впервые услышал его, и чертовски странно было ощущение, будто оно уже где-то отложилось у меня внутри.

Я развернулся к своим, но краем глаза ещё раз отметил, как она уходит, даже не оборачиваясь. Я посмотрел ей вслед и фыркнул, натягивая перчатки. Упрямая. Чёрт знает почему, но это зацепило.

— Демон, пошевеливайся, — снова крикнул Люк.

Я направился к своей красавице — чёрной Yamaha R6, которая уже ждала меня у старта. Каждое движение, каждый шаг в сторону байка успокаивал — это была та единственная «девушка», которая никогда не подводила. Мотор подо мной рычал, будто голодный зверь, а я — словно сливался с ним в одно целое. Соревнование начиналось. Но в голове, помимо привычного адреналина, засела одна мысль:

Мэйв. Вот уж кого я точно так просто не забуду.

Люк хлопнул меня по плечу, вытягивая из мыслей:

— Эй, демон, ну ты что в облаках? Гони давай, через пару минут старт.

Я кивнул и бросил последний взгляд в ту сторону, где Мэйв растворилась в толпе. Имя зазвенело в голове слишком звонко, слишком прочно. Мэйв. Девушка с упрямым взглядом и голосом, который звучал так, будто ей чуждо слово "страх".

Сел на свой Suzuki Hayabusa — знакомый холод металла и запах бензина будто пробили сквозь пелену. Шлем защёлкнулся, мотор ожил под пальцами, и я снова стал собой — не парнем, встрявшим в чужую ссору, а гонщиком, которого ждёт трасса. В груди, правда, неприятно царапало. Она сказала, что справилась бы сама. Может быть. Но почему-то мне не понравилась сама мысль, что на неё кто-то поднимал голос.

Люк махнул издалека, показывая, что всё готово. Я рывком газом, выведя байк к линии старта. Толпа гудела, музыка давила басами, в воздухе висел запах пива и азарта. Но сквозь всё это я ловил себя на том, что ищу её взгляд в толпе. Мэйв.

И, чёрт возьми, нашёл. Она стояла вместе с подругами, но глаза снова встретились с моими. И я, не знаю зачем, приподнял шлем, чтобы улыбнуться. Просто уголком губ. А потом двигатель взревел, и всё вокруг исчезло. Был только асфальт, рев моторов и кровь, кипящая в жилах. Толпа редела, моторы гудели, как стая зверей, готовых сорваться с цепи. Я проверил перчатки, пригладил шлем на баке, почувствовал,

как вибрация «Сузуки» проходит сквозь всё тело — сердце билось в такт с двигателем. Адреналин был сладким, горячим, как крепкий алкоголь.

И тут на стартовую полосу вышла она. Нет, не Мэйв — другая. Девушка в откровенном, даже вульгарном наряде, с красными флажками в руках. Каблуки, которые точно не предназначены для асфальта, мини-шорты, едва прикрывающие что-то, и топ, который больше смахивал на полоску ткани. Толпа, разумеется, завизжала от восторга. Мужики в первых рядах орали так, будто их только что воскресили из мёртвых. Я фыркнул.

Каждому своё шоу. Кто-то приходит ради скорости, а кто-то ради того, чтобы пожрать глазами.

Девушка прошла вдоль мотоциклов, обводя гонщиков оценивающим взглядом. Улыбка — натянутая, дешёвая. Она явно получала кайф от внимания, хотя в её глазах светилась пустота. Я краем глаза заметил Мэйв. Она стояла в толпе вместе с подругами, и — чёрт возьми — её взгляд был холоднее, чем встречный ветер на трассе. Не знаю, заметила ли она мою ухмылку, но я точно уловил её лёгкое презрение к этой фальшивой кукле с флажками. А потом — щёлк. Девушка подняла руки, флаги вытянулись в воздух. Всё вокруг стало вдруг тихим — или мне так показалось. Только рёв

двигателя под пальцами и сердце, готовое взорваться.

Я наклонился вперёд, обхватив руль крепче.

— Ну что ж, малышка, — пробормотал я себе под нос, глядя на трассу, — покажем этим придуркам, как летает огонь.

Флаги взлетели вниз. И мир сорвался с цепи. Я вдавил газ. Мотоцикл взорвался рыком, и меня прижало к сиденью. Асфальт под колёсами превратился в размытые полосы. В ушах гул, сердце билось в такт движку. Всё остальное исчезло. Только дорога, скорость и я.

Я чувствовал, как заднее колесо чуть сорвалось в скольжение, но я выровнял, надавил сильнее. Поток ветра ударил в лицо, срывая с меня остатки мыслей. Это был мой мир. Здесь я был свободен. Я сжал руль, пальцы легли на сцепление, и в ту же секунду, как флажок опустился вниз, я выжал газ до упора. Ямаха взревела, будто сама рвалась с цепи, и мир вокруг смазался. В груди — удар адреналина, в ушах только рев двигателя, а перед глазами — пустая полоса, обещающая свободу и риск одновременно. Колёса заскользили по асфальту, выхватывая скорость, и ветер ударил в лицо, хлестнул по волосам, будто проверяя, выдержу ли я. Вся толпа, шум, выкрики — всё исчезло. Осталась только дорога и я. Каждый рывок ручки газа отзывался в теле вибрацией,

каждая секунда давала мне ощущение, что я живу на пределе. В зеркало бокового взгляда мелькнул кто-то позади, но я даже не стал фиксироваться. Пусть попробуют догнать. Я был создан для этого — для скорости, риска, огня в крови. Холодный ночной воздух обжигал, но внутри горело. Я чувствовал, как шины вгрызаются в асфальт, как мотоцикл становится частью меня, а я — частью его. И в этот момент я понял: если есть место, где я настоящий, без масок и лжи, то это именно здесь — на дороге, под рев Ямахи и свет фар, рассекающих тьму. Соперники метнулись по бокам, но я уже прорезал воздух, обгоняя одного за другим. Глаза цепляли только дорогу впереди — каждую линию, каждый поворот. Всё остальное — шум толпы, чужие крики, даже хрип моторов вокруг — тонуло в красном тумане адреналина.

Внутри рвалась наружу та часть меня, которую я привык прятать. Демон. Он любил скорость, любил риск и грохот металла. И я не собирался его сдерживать.

Колени почти касались асфальта, когда я закладывал первый поворот. «Ямаха» рычала, словно хищник, которому распахнули клетку. Я лишь держал руль и позволял ей вести меня вперёд. Я знал: сейчас это только начало. Настоящий заезд только разворачивался, и впереди ждало самое интересное. Я наклоняюсь к повороту, чувствуя, как колёса цепляются за асфальт, тело идеально сливается с Ямахой. Движение одно — всё решает мгновение, и я уже мысленно вы-

резал траекторию линии, по которой должен пройти. Вдруг справа что-то мелькнуло, и меня резко подрезают. Руль дергается в руках, мотоцикл будто ожил и пытается вырваться из-под контроля. Сердце в груди подпрыгнуло, адреналин взорвался ещё сильнее. Каждая мышца напряглась, глаза ищут, где та глупая тень, что решила встать на моём пути. Я корчу корпус ещё сильнее, смещаю вес, чуть увеличиваю газ, и в сантиметрах от земли вывожу байк из опасной траектории. Ветер рвёт лицо, асфальт мчится под колесами, и я понимаю, что промедление могло стоить слишком дорого. Сердце колотилось, руки горели от напряжения, а мышцы словно кипели — но я держался, не позволяя панике взять верх. Мотоцикл шёл точно по линии, которую я вычертил в голове, чуть увеличивая газ, чуть сильнее наклоняясь в поворотах. И когда я вырвался из последнего виража, увидел линию финиша. Всё вокруг замедлилось на доли секунды, а потом... впереди никого. Я пересёк финиш первым. Ветер бил в лицо, адреналин рвал вены, а в груди вспыхнула та чертовски сладкая гордость — я выиграл. Не успев полностью расслабиться, я уже видел, как остальные пытаются догнать, но момент был мой. Мотоцикл выдохся вместе со мной, и я слегка улыбнулся — это ощущение победы, когда сердце ещё стучит в такт с мотором, невозможно забыть. Я только что пересёк финиш первым, а внутри всё ещё бурлила энергия — и тут взгляд упал на Валака. Он, чёрт побери, именно тот, кто подрезал меня в повороте. Сжав зубы, я резко тор-

мознул рядом с ним, чтобы остановиться.

— Ты что творишь, придурок? — прорычал я, руки всё ещё сжимая рукоятки мотоцикла. Он ухмыльнулся, будто это было забавно, и только пожимал плечами:

— Расслабься, Демон. Немного драйва ещё никому не повредило.

Я глубоко вдохнул, пытаюсь заглушить вспышку раздражения. Валак думал, что это игра, но я уже знал — с такими как он шутки плохи.

— Игра закончена, — сказал я холодно, — помни: на трассе нет места для таких фокусов.

И только после этого отпустил сцепление и позволил мотору немного остыть, готовясь к следующему заезду. Не успел я перевести дух, как к нам подошли Бес и Чёрт. Люк как всегда ухмылялся, а Чёрт выглядел так, будто вот-вот предложит вписаться в ещё какую-нибудь авантюру. Мы обменялись парой фраз, и к компании подошли девушки — трое или четверо, я даже сразу не сосчитал. Парни, конечно, оживились. Валак моментально включил весь свой фирменный шарм, да и остальные подтянулись, стараясь перетянуть внимание на себя. Я невольно усмехнулся, наблюдая за этим

балаганом.

И всё же, не стану врать самому себе — женское внимание я тоже люблю. Когда одна из девушек задержала взгляд на мне чуть дольше, чем на остальных, я поймал её глаза и ответил лёгкой полуулыбкой. Просто так, играючи. Мне не нужно было даже открывать рот — я видел, как это сработало. Но, в отличие от остальных, я не бросился наперебой болтать и строить из себя клоуна. Мне хватало пары жестов, пары слов, чтобы внимание прочно застряло на мне. И если честно, меня это забавляло. Она подошла почти неслышно, и я заметил её только тогда, когда тень упала на мои кроссовки. Высокая, с дерзкой улыбкой и глазами, в которых скользила знакомая уверенность — такая точно знает, чего хочет.

— Ты ездил, как безумец, — её голос прозвучал почти с вызовом, но улыбка смягчала слова.

— Безумцы редко финишируют первыми, — парировал я, скользнув взглядом по ней.

Она хмыкнула и слегка наклонилась, будто проверяя мою реакцию. Я не отводил взгляда, наоборот, позволил ему задержаться чуть дольше, чем стоило бы.

— Думаешь, ты самый быстрый здесь? — её бровь изогнулась в дуге.

— Думаю, что могу это доказать, — ответил я, чуть усмехнувшись. Она рассмеялась, и этот звук был лёгким, почти музыкальным. Девчонка знала толк в игре — не перегибала, но держала ритм. Я позволил себе шаг ближе, не нарушая её личного пространства, но ясно давая понять, что интерес есть.

— Осторожнее, — сказал я, наклоняясь ближе, так чтобы услышала только она.

Её глаза вспыхнули азартом, и она будто нарочно провела пальцами по ремешку своей сумки, как бы невзначай демонстрируя уверенность.

— А я люблю риск, — шепнула она в ответ.

Я усмехнулся. Да, игра началась.

— Ты не похож на того, кто скучает, — сказала она, обводя меня взглядом слишком откровенно. Я приподнял бровь, позволяя уголку губ изогнуться в ленивой полуулыбке.

— А ты на ту, кто умеет развлекать. — Я сделал паузу и позволил себе короткий взгляд вниз, на её руки, что будто случайно скользнули по моему плечу. — Или я ошибаюсь?

Она чуть наклонилась ближе, и я уловил запах её духов — сладкий, но с резкой пряной ноткой.

— Только если собеседник стоит усилий. — Её глаза блеснули вызовом. Я усмехнулся, позволив себе чуть наклониться к её уху.

— Тогда тебе повезло. Я умею быть интересным.

Она хмыкнула, но не отстранилась, наоборот — чуть ближе прижалась, будто проверяя, насколько я позволю ей нарушить моё пространство.

— Самоуверенность — не то же самое, что интерес.

Я наклонил голову, глядя прямо ей в глаза.

— Уверенность — это только приглашение. Вопрос в том, рискнёшь ли ты его принять?

Она замолчала, но улыбка её стала шире. А в её взгляде появилась та самая искра, которую я ждал.

Она наклонилась чуть ближе, запах её духов ударил в нос, сладковато-терпкий.

— Ты ведь не из наших мест, верно? — её голос скользнул мягко, почти мурлыкающе.

— А что выдало? — я усмехнулся, скосив взгляд.

— Глаза. Они слишком... внимательные. — Она улыбнулась, будто пробуя меня на прочность. — Такие редко встречаются у парней, которые просто хотят развлечься.

— А если я хочу и то, и другое? — ответил я, облокотившись на стойку.

Она хмыкнула, проводя пальцем по краю бокала:

— Слишком самоуверенно.

— Или честно, — я пожал плечами.

— Выбор за тобой.

Она потянулась ко мне слишком уверенно, и я не стал отстраняться — наоборот, резко перехватил инициативу и впился в её губы.

Поцелуй вышел хищным, жёстким, без намёка на нежность. Всё это было больше игрой, чем чем-то настоящим.

Я отстранился первым, лениво скользнув взглядом по её лицу.

— Довольна? — в голосе прозвучала усмешка, в которой больше было холода, чем интереса. Она провела языком по губам, как будто пробуя вкус, и хищно улыбнулась:

— Опасный ты. Нравится.

Я только фыркнул, закуривая сигарету.

— Тебе, видимо, всё нравится, что плохо заканчивается.

Она склонила голову набок, игриво проводя пальцем по моему плечу:

— А с тобой оно закончится плохо?

Я выпустил дым ей в сторону, чуть прищурившись:

— Узнаешь, если хватит наглости остаться рядом.

Она засмеялась, звонко, но слишком натянуто, и ещё сильнее прижалась ко мне.

— Ну что, проверим? — её губы почти коснулись моего уха.

Я собирался что-то ответить, когда краем глаза заметил

движение у толпы.

И вот — знакомый силуэт.  
Мэйв.

Стояла чуть в стороне, рядом со своими подругами. Рыжие волосы ловили отблески фонарей, и от этого она казалась ещё ярче. И, чёрт возьми, смотрела прямо на меня. Я ощутил, как внутри что-то переклинило. Девушка рядом продолжала нашёптывать что-то про то, как ей «нравятся такие парни», а я ловил себя на том, что перестал её слышать. Всё внимание было приковано только к этой рыжей, которая, судя по выражению лица, явно не в восторге от увиденного. Я нехотя убрал руки с талии настырной брюнетки и отступил на шаг. Та удивлённо прищурилась:

— Ты серьёзно?

— Серьёзней некуда, — буркнул я, докуривая сигарету. И снова — взгляд. Только в её сторону. Она не отвела глаза.

Наоборот — встретила мой взгляд. Прямо, дерзко, так, будто это я виноват, что она застала меня с другой.

Подруги что-то говорили ей на ухо, но она даже не поворачивалась к ним — вся была сосредоточена на мне. Я выдохнул дым и ухмыльнулся краем губ, словно между нами

был какой-то невидимый спор, и я только что поставил жирную точку.

Но она... черт, эта рыжая даже ухмыльнулась в ответ. Не мило, не кокетливо — скорее с вызовом, будто говорила: «Ну давай, Демон, играем дальше».

— Ты кого там разглядываешь? — вернулась к жизни та самая брюнетка, снова цепляясь за мою руку.

— Никого, — отмахнулся я, но, в отличие от слов, глаза предательски снова нашли Мэйв. И тут одна из её подруг крикнула:

— Мэйв, идём!

Она скользнула по мне взглядом последний раз и повернулась к девчонкам. И чёрт возьми... у меня на секунду даже дыхание сбилось, когда она ушла в толпу.

Я всё ещё смотрел ей вслед, когда рядом со мной возник Люк — по-нашему, Бес.

Он хлопнул меня по плечу так, что сигарета едва не выпала.

— Ну и чего ты застыл, Демон? — хмыкнул он. — Рыжая зацепила?

— Не твоё дело, — буркнул я, затачиваясь и делая вид, что мне плевать.

— Ага, конечно, — он прищурился, ухмыляясь. — Ты на всех девок так пялишься, или только на тех, кто тебе «нет» говорит?

Я скосил на него взгляд, тяжёлый, предупреждающий, но Люк лишь рассмеялся.

— Ладно, не кипятись. Но слушай, если она тебе не нужна, скажи сразу. Я не против подхватить.

— Даже не думай, — резко отрезал я, сам не понимая, откуда во мне столько злости.

Бес вскинул брови и усмехнулся ещё шире:

— О, так значит, всё-таки твоя рыбка?

Я сжал зубы, затушил окурок о капот и рыкнул:

— Завали, Бес.

— Вот же чёрт... — пробормотал Бес, подходя с двумя бутылками пива, — если вы не переспите в ближайшие дни,

я съем свой шлем.

— Приятного аппетита заранее, — ответил я, не глядя на него.

Он засмеялся, хлопнул меня по плечу и пошёл к остальным, оставив меня наедине с этим странным напряжением, что повисло между мной и рыжей.

Я не понимал, что в ней такого. Но взгляд отвести не мог. Воздух был пропитан запахом бензина, перегара и сладковатого дешёвого парфюма. Люди смеялись, кто-то спорил о заездах, где-то визжала музыка из колонок, а мне хотелось только одного — выбить из головы её дерзкий взгляд. У бара было шумнее всего. Девчонки в коротких юбках толкались возле стойки, парни громко заказывали выпивку и спорили о том, чей мотор круче. Я заказал себе виски безо льда, сделал глоток и уже хотел развернуться, как почувствовал на себе взгляд. Повернул голову — и, как назло, снова наткнулся на неё. Рыжая. Мэйв, как её назвала подруга. Она стояла чуть поодаль вместе с теми двумя девчонками, что были рядом раньше. В руках у неё был пластиковый стакан с чем-то светлым, скорее всего сидр или пиво. Она смеялась над чем-то, что сказала её подруга, но глаза на секунду зацепились за мои. И, чёрт возьми, вместо того чтобы отвернуться, она лишь чуть приподняла уголок губ. Будто нарочно.

Я усмехнулся про себя и сделал ещё один глоток виски.

— Ну и кто тут не выдерживает? — пробормотал я.

Но это «не выдерживал» именно я. Она стояла там, вся такая непринуждённая, будто её совершенно не волновало, что я только что целовал другую на её глазах. А может, так и было. Может, ей было плевать. И почему, чёрт возьми, эта мысль казалась такой невыносимой?

Люк снова возник рядом, словно джинн, рождённый из дыма и алкогольных паров.

— Наблюдаешь за своей золотой рыбкой? — он последовал за моим взглядом и фыркнул. — Слушай, если хочешь, могу устроить небольшой дивертисмент. Подослать к ней пару ребят, ты её «спасешь»...

Я повернулся к нему так резко, что он отшатнулся, удивлённо подняв брови.

— Не надо. Никаких дивертисментов. Понял?

— Эй, демон, успокойся. Я же по-дружески.

— По-дружески — это отстать, — я отхлебнул виски, чувствуя, как он обжигает горло. Жар растекался по груди, но не мог прогнать холодок, который оставил её взгляд.

Кто-то из парней — долговязый, с глупой улыбкой — по-

дошёл к их компании. Он что-то сказал, все засмеялись, а он налил Мэйв ещё в стакан. Она кивнула, улыбка на её лице была открытой и лёгкой. Совсем не такой, какую она адресовала мне. Со мной — вызов и сталь. С ним — просто веселье.

Внутри что-то тёмное и колющее шевельнулось. Это не была ревность. Я не ревную. Это было что-то другое. Ощущение, будто кто-то коснулся того, что... нет, не моё. Того, что интересно мне. Моего любопытства.

Я допил виски залпом, поставил бокал на стойку с чуть большим усилием, чем нужно. Звук удара по пластику заглушил общий гул, но никто, кроме бармена, не обратил внимания. Он лишь бровью повёл, мол, расслабься, приятель.

Расслабиться? Сейчас? Когда эта рыжая зараза сводит меня с ума одним лишь присутствием?

«Мортвель, соберись», — прошептал я себе мысленно, привычным жестом пытаюсь заткнуть ту бездну, что всегда дремала под кожей. Демон внутри насторожился, уловив запах сильных эмоций. Моих эмоций. И ему это нравилось.

Из кармана куртки зажужжал телефон. Я вытащил его, увидел имя на экране — «Отец». Все внутренние бури мгновенно сменились холодным, отточенным спокойствием. Адреналин от гонки, дымка от виски, раздражение из-за девочки — всё это схлопнулось, уступив место привычной маске.

«Принято», — пробормотал я, отходя от бара в сторону,

где было чуть тише. Я нажал кнопку ответа, поднося аппарат к уху.

—Слушаю.

Голос в трубке был ровным, безэмоциональным и оттого ещё более весомым. Николас Мортвель не тратил слова впустую.

—Задание выполнено. Молодняк передан «отцам». Последствия устранены. — Я автоматически отчитался, глядя поверх голов толпы куда-то в ночную тьму.

—Хорошо. — Пауза, в которой слышалось лишь лёгкое шипение связи. — Завтра в одиннадцать в офисе. Есть новая информация по исчезновениям. Кажется, это не просто охота молодежи.

—Понял. Буду.

Связь прервалась. Я опустил руку с телефоном, снова ощущая тяжесть в кармане куртки. Мир снова встал на свои места — опасный, иерархичный, где у каждого была своя роль. Я — Эйден Мортвель, полудемон, надзиратель, правая рука отца в мире людей и исполнитель воли Князей в подземном. Всё просто. Всё чётко.

Я глубоко вдохнул, выдыхая остатки напряжения вместе с запахом бензина и ночи. Когда обернулся к толпе, взгляд сам собой потянулся туда, где она стояла.

Её не было.

Сердце ёкнуло — глупый, предательский спазм. Я быстро просканировал площадку у старта, бар, группы людей у мотоциклов. Никакой яркой рыжей головы. Её подруги тоже куда-то исчезли.

«Ушла», — констатировал я про себя, и это слово отозвалось странной пустотой. Хорошо. Отлично, даже. Меньше проблем, меньше отвлекающих факторов. Я вернулся к своей команде.

Люк, заметив моё возвращение, тут же сунул мне в руку новую бутылку пива.

—Ну что, Демон, ожил после родительского благословения? — ухмыльнулся он.

—Заткнись, Бес, — буркнул я, но беззлобно, откручивая крышку. — Что дальше?

—Дальше? — Валак обнял за талию ту самую брюнетку, которая ещё недавно висела на мне. — Дальше вечеринка! У Чёрта на квартире. Все едут. Ты с нами, или опять пораннему спать?

Брюнетка смотрела на меня оценивающе, в её взгляде ещё теплилась надежда. Я проигнорировал его, обращаясь к Люку.

— Я на своём. Догоню, если будет настроение.

— Настроение, — фыркнул Люк, качая головой. — Ладно, демон-затворник. Не заставляй нас ждать.

Они начали собираться, шуметь, заводить мотоциклы. Я остался стоять в стороне, наблюдая, как фары прорезают тьму, оставляя за собой шлейфы света и рёв. Скоро площадка опустела, остались только мусор, запах выхлопов и пара местных, убирающих бар.

Я сел на свою «Ямаху», но не заводил мотор. Просто сидел, обхватив руль, глядя на то место, где она стояла. В ушах стоял тот самый смех — не тот, что с подругами, а тот, что был в кафе. Дерзкий, полный жизни и вызова.

«Мэйв», — повторил я про себя имя, которое теперь будто жгло изнутри. Рыбка, которая упорно не хочет попадать в сеть.

И тогда я принял решение. Быстрое, импульсивное, глупое. Совсем не похожее на холодные, выверенные шаги Эйдена Мортвеля. Больше похожее на ту тёмную, инстинктивную часть меня, которую я так тщательно прятал.

Я завёл мотоцикл. Рев двигателя нарушил ночную тишину, и мне показалось, что где-то вдали, в лабиринтах узких лондонских улочек, он тоже её услышит.

Я не поехал на вечеринку к Чёрту. Я выехал на главную дорогу и направил байк в сторону того района, где находилось кафе. Тот самый «Уютный уголок» с синей вывеской. Я помнил адрес. Я всегда запоминал то, что считал важным.

Ветер хлестал по лицу, смывая остатки алкоголя и наносных мыслей. Я не знал, зачем еду. Чтобы убедиться, что она дома? Чтобы случайно пересечься? Чтобы... что? Это было бессмысленно. Опасно. Я играл с огнём, и на этот раз этот огонь был не во мне, а в ней. В этой сирене с голосом, способным сводить с ума. В этой девчонке, которая даже не подозревала, кто я на самом деле и в какой мир её может затянуть одно неверное движение. Но я ехал. Потому что демон внутри проснулся и требовал своего. А он редко чего-то хотел так сильно в этом скучном, сером мире смертных.

Я заглушил мотор в паре кварталов от кафе, оставив байк в тёмном переулке. Пешком подошёл к знакомому зданию. На втором этаже, над кафе, горел свет. Тёплый, жёлтый, уютный.

Я стоял в тени напротив, закулив новую сигарету, и просто смотрел на окно. Фигура мелькнула за занавеской. Рыжие волосы. Она.

Вот так. Глупо, по-подростковому, стоять под окнами. Но

я не мог заставить себя уйти. Вдруг окно открылось. Она высунулась, опершись на подоконник, глядя в ночное небо. Профиль чётко вырисовывался на фоне света из комнаты. Она что-то напевала себе под нос. Тихий, мелодичный мотив, который долетел до меня сквозь ночную тишину как лёгкое дуновение. У меня перехватило дыхание. Это был её голос. Настоящий, не приглушённый шумом толпы. Даже без силы, даже просто так — он задевал что-то самое потаённое, резонировал с той самой бездной внутри меня. Она внезапно замолчала и посмотрела прямо вниз, в темноту, где я стоял. Я не отпрянул, не спрятался. Просто стоял, выпуская струйку дыма, и смотрел вверх. Наши взгляды встретились сквозь расстояние и сумрак. Она не испугалась. Не удивилась. Она просто смотрела. Потом медленно, очень медленно, покачала головой, будто говоря: «Ну и придурок же ты».

И закрыла окно.

Я стоял ещё несколько минут, докуривая сигарету, а потом раздавил окурок о влажный асфальт. Ухмылка сама собой напозла на моё лицо. Вызов принят, рыбка.

Плевать на опасность. Плевать на правила. Это стало личным.

Я развернулся и пошёл к своему мотоциклу. Завтра будет встреча с отцом, будут исчезновения, поручения Князей и вся эта демонская суеда.

Но сейчас, в этой сырой лондонской ночи, была только она. Мэйв Келлан. Сирена, которая не подозревала, что её

песня уже разбудила самого опасного демона в городе.

И он не собирался снова засыпать.

## Глава 8. Мэйв

Сознание возвращалось ко мне лениво и неохотно, как кот, не желающий слезать с теплой батареи. Не было ни резкого звона будильника, ни гула с улицы — только глубокая, приятная тяжесть в конечностях и смутное чувство защищенности. Я уткнулась носом в подушку, втягивая знакомый запах — стиральный порошок с ароматом «морозной свежести», смешанный с чем-то сугубо мужским, древесным и уютным. Запах Джека.

Потом пришло осознание. Я не в своей комнате над кафе. Потолок другой — выше, с лепниной по углам. И простыни... шелковистые под голой кожей. Воспоминания о вчерашнем нахлынули лавиной: гонки, рёв моторов, запах бензина и жженой резины, толпа. И он. Демон. Эйден Мортвель. Его стальные глаза, в которых при свете фар плясали отблески адского пламени. Его рука на моем локте, твердая и горячая, когда он оттащил от меня того пьяного придурка. Взгляд, полный такого немого, животного любопытства, что по спине до сих пор бегут мурашки. Богатый мажор. Игрушка папочки. Родился с платиновой картой в зубах, а не с золотой ложкой. Наверное, даже не знает, как пахнет подогревшее молоко для капучино.

Я фыркнула в подушку, пытаюсь вытеснить его образ. Нечего думать о таких, как он. Нашлись бы дела поважнее.. Именно в этот момент я почувствовала прикосновение. Легкое, как дуновение, скольжение по внутренней стороне бедра. Кончики пальцев, едва касающиеся кожи, поднимались от колена вверх, к самому чувствительному месту. Я замерла, не открывая глаз. Это не было внезапностью. Это было... продолжением. Продолжением того теплого, разлитого по телу состояния, из которого я только-только начала выныривать.

Джек.

Его пальцы знали каждую мою впадинку, каждый изгиб. Он не торопился. Его касание было исследующим, почти ленивым. Большой палец нарисовал медленный круг низко на животе, заставив мышцы подрагивать. Потом ладонь легла плашмя на лобок, теплое, тяжелое утверждение присутствия. Я непроизвольно выгнулась, прижимаясь к этой ладони, и тихо застонала.

— Проснулась, Лиса? — его голос был густым от сна, хрипловатым. Он звучал прямо у меня в ухе. Его дыхание, теплое и влажное, обожгло шею.

Я не ответила. Просто повернула голову, нашла его губы в полумгле. Поцелуй был сонным, медленным, соленым. Мы целовались так, будто у нас впереди вечность, а не суббота.

нее утро. Его язык лениво обвил мой, его рука тем временем продолжала свое неторопливое путешествие. Он сдвинул пальцы ниже, скользнув сквозь рыжие кудри, и нашел то, что искал. Точное, уверенное прикосновение. Не прямо к клитору, а рядом, вскользь, заставляя все внутри сжаться в предвкушении. Я впилась пальцами в его волосы, коротко стриженные на затылке. Мы лежали на боку, спина к его груди, и я чувствовала каждую выпуклость его тела, каждый твердый мускул, и особенно — твердый, горячий упор в своей пояснице.

— Джеки... — вырвалось у меня стоном, когда он наконец коснулся самой чувствительной точки. Нежно, почти неведомо.

— Тише, ведьмочка, — прошептал он, и его губы коснулись моего плеча. — Никуда не торопимся.

И мы действительно не торопились. Его пальцы были волшебниками. Они знали мой ритм, мои отклики лучше, чем я сама. Сначала это были легкие, круговые движения, заставляющие все тело сладко ныть. Потом давление усилилось, ритм участился. Он водил по мне упругими подушечками, то замедляясь, то ускоряясь, то отступая, чтобы ладонью прижать всю вульву, создавая глубокое, давящее удовольствие. Я закинула голову ему на плечо, дыхание сбилось, превра-

тившись в прерывистые вздохи. Глаза были закрыты, но под веками плясали огоньки. Не адское пламя со вчерашних гонок, а что-то свое, теплое, янтарное.

Он чувствовал, как я натягиваюсь как струна, и снова замедлил ход, перейдя к долгим, томным поглаживаниям по внутренней поверхности бедер. Я заворчала от неудовольствия, и он рассмеялся — низко, грудью, вибрация которого отозвалась во мне.

— Нетерпеливая, — сказал он, и его пальцы вернулись к делу, уже более властно, более целеустремленно.

Волна нарастала медленно, неотвратно. Тепло разливалось из самого центра, растекаясь по жилам, к пальцам рук и ног. Я перестала думать. Перестала вспоминать стальные глаза и высокомерные усмешки. Было только это: его рука между моих ног, его твердое тело за спиной, его губы на моей шее, его дыхание в такт движениям. Безопасность. Доверие. Простота.

Оргазм подкрался не взрывной волной, а глубоким, мощным приливом. Он начался где-то в глубине живота и разлился по всему телу долгой, сладкой судорогой. Я вскрикнула, приглушенно, уткнувшись лицом в подушку, и мои мышцы сжались вокруг его пальцев, которые не останавливались, продлевая спазмы, выжимая из меня последние капли наслаждения.

Я обмякла, тяжело дыша, все еще ощущая мелкую дрожь в коленях. Джек прижал меня крепче, его рука теперь просто лежала на моем лобке, влажная и теплая. Он поцеловал меня в висок.

— Ну вот и проснулась, — пробормотал он с явным удовлетворением в голосе.

Я перевернулась к нему лицом. Его карие глаза смотрели на меня с такой простой, понятной нежностью, что на мгновение к горлу подкатил комок. Вот он, мой Джеки. Не усложняй, Келлан.

— Еще не до конца, — хрипло сказала я и потянулась к нему, целуя его грудь, живот, опускаясь ниже, туда, где он был тверд и готов. Я взяла его в руку, почувствовав пульсацию под тонкой кожей, и услышала его резкий вдох.

Не было никакой игры в доминирование или покорность. Был простой, жаждущий обмен. Я взяла его в рот, и он застонал, запустив пальцы в мои растрепанные рыжие кудри, не направляя, просто держась за них, как за якорь. Я знала, что он любит: долгие, медленные движения, легкое давление языком в самом чувствительном месте, полное погружение. Я дала ему это, смакуя его вкус, его вес на языке, его сдавленные ругательства, когда он приближался к краю.

Он потянул меня за волосы, мягко, но настойчиво.

— Хватит. Я хочу быть внутри. Сейчас.

Мы переместились. Я оказалась на спине, а он — над мной, опираясь на локти, глядя мне в глаза. В его взгляде не было тайны, как у того парня с гонок. Только знакомая, горячая жажда. Он вошел в меня одним долгим, плавным движением, заполняя до самых краев. Мы оба замерли на секунду, привыкая друг к другу, наслаждаясь этой идеальной полнотой.

А потом началось. Неторопливо, глубоко. Каждый толчок достигал самой сердцевины. Он не сводил с меня глаз, а я смотрела на него, на его собранные брови, на капельку пота на виске. Я обхватила его ногами за спину, подтянула ближе, принимая его еще глубже. Ритм сменился. От медленных, размеренных движений мы перешли к более резким, требовательным. Постель скрипела в такт, в комнате пахло сексом, нашим потом, нашими стонами.

Я чувствовала, как снова нарастает волна, на этот раз более острая, сконцентрированная там, где наши тела соединялись. Джек это почувствовал. Его движения стали хаотичнее, дыхание — хриплым.

— Вместе? — выдохнул он.

Я могла только кивнуть. Он ускорился, один, два, три мощных толчка — и мир снова распался на вспышки света. Его рывок, его сдавленный крик, когда он кончил внутри меня, стали последним толчком, сбросившим меня в пучину. Спазмы моего тела смешались с пульсацией его, и мы застыли, сплетенные, дрожащие, мокрые и полностью настоящие.

Он рухнул на меня, потом быстро перекатился на бок, не разрывая объятий. Мы лежали, слушая, как бьются наши сердца, постепенно замедляясь.

Джек первым нарушил тишину.

— Черт, Келлан. Каждое утро должно начинаться так.

Я фыркнула, вытирая пот со лба.

— Мечтай. У меня еще посуду мыть и капучино взбивать.

Он повернулся ко мне, оперся на локоть.

— О чем думала, когда только проснулась? До того, как я... отвлек тебя.

Картинка всплыла сама собой: мотоцикл, ревущий в ночи, и пара глаз цвета холодной стали. Я отмахнулась.

— Да так. О вчерашнем. Об этом придурке с гонок. Морт-

веле.

Джек нахмурился.

— Осторожнее с такими, Мэйв. Слышал про него. Не просто мажор. Говорят, у него реально крыша поехала. Демон — не просто прозвище.

— Знаю, знаю, — вздохнула я, вставая с кровати и натягивая его футболку. — Не переживай, мамочка. Я с такими не вожусь. Предпочитаю простых, надежных парней.

Я бросила ему игривый взгляд, но где-то внутри, в самом темном уголке, где пряталась моя сирена, что-то шевельнулось. Противная, опасная нота любопытства. Как звучал бы его голос, если бы его сорвать с высокомерной усмешки? Что скрывается за этими глазами цвета мокрого асфальта?

Я встряхнула головой, как бы отгоняя навязчивую муху. Не надо. Это ровно та бездна, в которую тетя Роза завещала никогда не заглядывать.

— Ладно, бездельник, — сказала я, направляясь к крошечной кухне. — Я делаю кофе. А ты — яичницу. Как мужчина.

Джек засмеялся, и звук был таким знакомым, таким пра-

вильным, что я на секунду поверила, что все опасности остались там, в ночи, под вой сирен и рев чужих моторов.

Но где-то внизу, глубоко под шумом лондонского утра, что-то древнее почувствовало новый отголосок вчерашней кровавой песни. И потянулось к ее источнику.

Яичница от Джека была, как всегда, идеальной: с хрустящими краями, жидким желтком и щедро приправлена перцем. Мы ели ее прямо со сковородки, стоя у окна его квартиры, и смотрели, как субботний Лондон медленно просыпается. Туман висел над крышами, растворяя острые углы, делая город похожим на акварельный рисунок, подмоченный дождем. Уютно. Безопасно. Просто.

— Так что насчет этого Мортвеля? — Джек спросил не глядя на меня, вылавливая вилкой последний кусочек белка. — Он тебе что, похамил там?

— Нет, — я отхлебнула кофе. Он был крепким, почти горьким, именно таким, как надо. — Наоборот. Помог. Тот кретин с пивом ко мне приставать начал, а Демон наш его отшил. Вежливо, но так, что у того аж пиво в стакане заколыхалось.

Джек фыркнул.

— Герой-любовник. На белом коне, то есть на черном мотоцикле. Только не верь этому, Лиса. Такие парни не помогают просто так. У них всегда есть счет.

— Я знаю, — буркнула я. — Он просто посмотрел на меня так... будто пытался понять, из какого я теста сделана. Не как на девушку, даже не как на добычу. Как на загадку. Или на угрозу.

Слова сорвались неожиданно для меня самой. Джек повернулся, облокотившись о подоконник, и внимательно меня изучал.

— Угрозу? Ты? Своими ста двадцатью сантиметрами роста и умением разбивать подносы? — Он ухмыльнулся, но в глазах не было насмешки, только легкая тревога.

— Я же не знаю, что он думает! — я с размаху поставила кружку на стол. — Просто чувство. Как будто от него исходили... вибрации. Не физические. А такие, знаешь, на уровне костей. Как перед грозой.

Джек помолчал.

— Ты же не... не пела вчера? Ничего такого?

— Что? Нет, конечно нет! — я возмутилась. — Ты что, думаешь, я не помню наказ тети Розы? Никаких песен. Никаких «особенных» голосов на публике. Я даже когда с тобой, стараюсь...

— Знаю, — он быстро перебил, и его рука легла поверх моей, успокаивающе. — Знаю, что ты держишь себя в руках. Просто эти Мортвели... о них ходят странные слухи. Не только про богатство и кутежи. Говорят, у них в роду все какие-то... не такие. Психи. Гении. Монстры. Смотря кто рассказывает. Будь осторожна, если встретишь его снова.

— Надеюсь, не встречу, — я сказала с искренним чувством. — У меня и своих забот хватает. Ты везешь меня домой или мне на метро тащиться?

Джек довез меня до кафе на своем потрепанном «мини». У входа уже висела табличка «Открыто», и оттуда пахло свежей выпечкой и кофе. Мой мир. Настоящий. Я потянулась, чтобы поцеловать Джека в щеку, но он ловко развернул голову и поймал мои губы своими. Быстро, крепко, без лишней сентиментальности.

— Звони, если что, — сказал он, и в его глазах снова мелькнула тень той же тревоги.

— Не буду, — я состроила ему рожу и вылезла из машины.

В кафе царила субботняя суматоха. Мартин, наш бармен и тетин давнишний приятель, с красным от напряжения лицом пытался приготовить четыре заказа одновременно. Лена, с идеальным хвостом и в безупречном фартуке, разносила подносы с фирменными завтраками, отстреливаясь язвительными замечаниями в адрес зазевавшихся посетителей. Стеф, сияя, флиртowała с парнем у стойки, забыв про лоток с грязной посудой.

— Ну, наша блудная дочь возвращается! — Лена пронеслась мимо меня, как торнадо. — Выглядишь отдохнувшей. Очень отдохнувшей. Детали позже, сейчас тонем!

Я не стала ничего отвечать, просто улыбнулась и прошла за стойку, сбросив куртку.

— Мартин, я спасти! — крикнула я, ловко выхватывая из его рук сироп для карамельного макиато. — Дыши. Говори заказы.

Работа — лучшее лекарство от всяких глупых мыслей. Через полчаса я уже вошла в привычный ритм: заказы, улыбки клиентам, звон посуды, шипение кофемашины. Здесь все было просто и понятно. Здесь я была просто Мэйв, офици-

антка с взрывным характером и рыжими волосами. Не сиротой. Не сиреной. Не кем-то, на кого могут смотреть глаза цвета холодной стали.

Но мир, видимо, решил проверить мою решимость.

Они вошли примерно в полдень, когда основная волна завтраков уже схлынула. Трое. Я узнала их сразу, еще со вчерашних гонок. Те самые «закодычные друзья» Эйдена, как я мысленно их окрестила. Тот, что похож на хищную птицу. Другой, с беспечной улыбкой и слишком яркими глазами. И третий... Люк. Да, именно Люк. Тот, что был с Эйденем в баре, если верить его рассказу. Он шел чуть впереди, и от него, даже сквозь аромат свежих круассанов, тянуло холодком. Не физическим. А таким... пустым.

Они устроились за угловым столиком у окна. Я сделала вид, что не заметила, и занялась протиранием уже сияющей стойки.

— Мэйв! — голос Лены прозвучал как удар хлыста. — Столик номер семь. Твои знакомые, кажется?

Я посмотрела на нее убийственным взглядом, но она только беззаботно улыбнулась. Стерва.

Вздохнув, я взяла блокнот и пошла к ним. Чем быстрее обслужишь, тем быстрее уйдут.

— Здравствуйте, что будете заказывать? — мой голос про-

звучал профессионально-холодно.

Люк поднял на меня глаза. У него были глаза цвета темного меда, но в них не было никакого тепла. Он смерил меня взглядом с ног до головы, медленно, как оценивая лот на аукционе.

— Ты и есть та самая рыжая бестия со вчерашнего? — спросил он. Его голос был приятным, бархатным, но в нем прятались острые лезвия.

— Официантка Мэйв, — поправила я его, не моргнув глазом. — Могу я принять ваш заказ?

Другой парень фыркнул.

— О, она с характером, Никс. Как раз то, что наш Демон любит.

— Он ничего не любит, кроме скорости и проблем, — равнодушно заметил видимо Никс, не отрываясь от экрана телефона.

— Мне двойной эспresso. Черный. Как моя душа.

— Капучино и кусок того чизкейка, — сказал второй, подмигнув мне. — Ты его пробовала? Он волшебный.

— Латте с сиропом кленового ореха, — сказал Люк, не отводя от меня глаз. — И... минутку внимания. Мы ищем одного парня. Может, видела? Высокий, на мотоцикле, вечно ходит с лицом, как будто все вокруг ему должны. Зовут Эйден.

Мое сердце глупо екнуло. Я сделала вид, что старательно вспоминаю.

—Мотоциклистов тут много. А с таким лицом... наверное, нет. Что, потерялся ваш мальчик?

Люк усмехнулся. Это была недобрая усмешка.

—Нет. Он наш мальчик. И нам нужно знать, с кем он... общается. У него дурная привычка находить всякий мусор и думать, что это сокровище.

Воздух вокруг столика словно сгустился. Я почувствовала, как по спине пробежали те самые «вибрации», только теперь они исходили от этих троих. Острые, колючие, чужие. Моя сирена внутри насторожилась, замерла, готовая к бою. Я вложила в голос всю ледяную ярость, на которую была способна.

— У нас в кафе не мусорят. И не ищут мусор. Только кофе и десерты. Ваш заказ будет готов через пять минут.

Я развернулась и ушла, чувствуя их взгляды у себя на спине. Три пары глаз. Три хищника. И где-то там был четвертый. Самый опасный.

У барной стойки я дрожащими руками начала готовить латте. Мартин бросил на меня встревоженный взгляд.

— Все в порядке, Мэйв? Эти ребята... они тебя не беспокоят?

— Нет, — соврала я. — Просто обычные засранцы. Богатые засранцы.

Но это была неправда. Они не были обычными. И то, как Люк сказал «наш мальчик»... в этих словах была не дружба, а право собственности. Как будто Эйден был их вещью. Или их подопечным.

Я отнесла им заказ, стараясь не встречаться с ними глазами. Люк взял свой латте и сделал маленький глоток.

— Неплохо, — сказал он, и его взгляд снова зацепился за меня. — Мы еще вернемся. Здесь уютно.

Это прозвучало как угроза.

Как только они ушли, я выдохнула. Аннабель тут же примчалась ко мне.

— Ну? Кто эти красавчики? Выглядят как грешники из дорогого рекламного ролика.

— Друзья того парня с гонок, — буркнула я. — Мортвеля.

Аннабель присвистнула.

— Ого. Значит, нашла себе кружок побогаче. Ты влипла, Келлан.

— Я никуда не вливала! — я почти закричала, и несколько посетителей обернулись. Понизив голос, я прошептала: — Я не хочу иметь с ними ничего общего. Они... они нездоровые какие-то.

— Все богатые нездоровые, — философски заметила она. — Но да, от этих троих мурашки по коже бегают. Будь осторожна.

Весь оставшийся день я чувствовала себя натянутой струной. Каждый звонок входной двери заставлял меня вздраги-

вать. Но Эйден не появился. Его друзья тоже. К закрытию я уже почти убедила себя, что все кончилось. Что они порезвились, напугали официантку и потеряли интерес.

Тетя Роза зашла в кафе перед самым закрытием, чтобы забрать выручку. Она выглядела уставшей, но ее глаза, такие же зеленые, как у моей мамы, но с золотыми вкраплениями, были все так же зоркими.

— Мартин говорит, у тебя были неприятные гости, — сразу начала она, без предисловий.

— Да ничего особенного, — отмахнулась я, вытирая стол.  
— Просто придурки.

Розалинда подошла ближе и взяла меня за подбородок, заставив посмотреть на себя.

— Мэйв. Твоя мама завещала мне беречь тебя. Не только от охотников за трофеями. От всего, что может почувствовать в тебе ту... особенку. От всего, что пахнет тьмой. Мартин сказал, что от тех парней пахло именно тьмой. Старой и сильной.

Я вырвалась.

— Я не ребенок, тетя! Я могу сама постоять за себя.

— Своим голосом? — шепотом спросила она, и в ее глазах мелькнул страх. Истинный, животный страх. — Ты знаешь, что случится, если ты сорвешься? Если они поймут, кто ты? Они вырежут твои голосовые связки и повесят на стену как трофей, или заставят петь, пока ты не умрешь. Ты не просто девушка, Мэйв. Ты — живое оружие. И оружие всегда хотят заполучить те, у кого его нет.

Ее слова повисли в воздухе, тяжелые и неоспоримые. Я смотрела на ее испуганное лицо и понимала, что она права. Всегда права. Мой дар был проклятием. Проклятием, которое убили моих родителей.

— Ладно, — тихо сказала я. — Я буду осторожна. Я их избегать буду.

Розалинда обняла меня, прижала к себе. Она пахла корицей, полынью и чем-то древним, ведьмовским.

— Хорошая девочка. Запрись сегодня крепче. И... спи с открытым окном. На всякий случай.

Это было странное пожелание, но я кивнула. У тети Розы были свои методы защиты, и я давно перестала их оспаривать.

Поднявшись в свою комнату над кафе, я почувствовала смертельную усталость. Я приняла душ, смывая с себя запах кофе и тревоги этого дня. Надела самую большую футболку, покормила кота Саймона и, вспомнив наказ тети, открыла настежь окно, выходящее на пожарную лестницу и узенький переулок. Ночной воздух был прохладным и влажным.

Я легла в постель, уставившись в потолок. Глаза не закрывались. В голове крутились обрывки: насмешка Люка, предостережение Джека, страх в глазах тети. И среди всего этого — пара стальных глаз, в которых горел холодный огонь.

«Наш мальчик...»

«Он находит мусор и думает, что это сокровище...»

«Что-то древнее...просыпается...»

Я зажмурилась. Это просто совпадения. Просто стечение обстоятельств. Мне нужно спать. Завтра снова смена.

Я почти провалилась в сон, когда услышала звук. Не на улице. Не в переулке.

Прямо под моим окном, на железных ступенях пожарной лестницы. Тихое, металлическое скреж-скреб. Как будто кто-то осторожно, но уверенно поднимается. Сердце замерло. Саймон на кровати выгнул спину и глухо зашипел, уставившись в темный пролет окна. Я затаила дыхание, не шевелясь. Холодный пот выступил на спине. Скреж-скреб. Еще на одну ступень ближе. И тут до меня донесся запах. Слабый, едва уловимый, смешанный с ночной сыростью. Дождь. Кожа. До-

рогая туалетная вода. И что-то еще... что-то пахнущее дымом, серой и холодной мощностью двигателя.

Мне не нужно было видеть его. Я знала. На лестницу под моим окном поднимался Эйден Мортвель. Я затаила дыхание, не шевелясь. Холодный пот выступил на спине. Скреж-скреб. Еще на одну ступень ближе. И тут до меня донесся запах. Слабый, едва уловимый, смешанный с ночной сыростью. Дождь. Кожа. Дорогая туалетная вода. И что-то еще... что-то пахнущее дымом, серой и холодной мощностью двигателя.

Мне не нужно было видеть его. Я знала. На лестницу под моим окном поднимался Эйден Мортвель. Он не мог появиться здесь просто так. Он пришел за ответами. За мной. Мысли метались, как пойманные мыши: вскочить, захлопнуть окно, задвинуть щеколду, которую я так легкомысленно оставила открытой. Но тело не слушалось, скованное леденящим ужасом. Я могла только лежать и смотреть в темный квадрат окна, откуда вот-вот должен был появиться силуэт. Скреж-скреб. Звук замер. Не на моем уровне. Где-то на этаже ниже, прямо под моей комнатой. Там была небольшая площадка перед окном подсобки. Тишина. Такая густая, что в ушах зазвенело. Даже Саймон перестал шипеть, лишь его уши были напряженно направлены в одну точку. Он остановился. Стоял там, в темноте. Прислушивался. Я чувствовала его присутствие кожей. Оно давило, как перед грозой, заполняя весь переулок, поднимаясь по стенам и просачива-

ясь сквозь щели в раме. Моя сирена внутри сжалась в комок, замерла, притворилась неживой. Не дыши. Не двигайся. Не пой. Прошли секунды. Показавшиеся вечностью. И тогда... запах начал меняться. Тонкая нота серы и горячего металла растаяла, растворилась в сыром воздухе. Давление спало так же внезапно, как и возникло. Будто гирию сняли с груди. Послышался легкий, почти невесомый звук — не скрежет, а скорее шуршание, как будто тяжелая ткань провела по железу. Потом — тихий щелчок, будто каблук коснулся бетона где-то уже на уровне земли. А потом — ничего. Только привычный ночной гул Лондона: гудение где-то вдали, капля воды, упавшая с водосточной трубы, одинокий гудок такси. Он ушел. Не поднявшись до конца. Как будто просто проверил дорогу. Или... прислушался к чему-то, чего не нашел, и потерял интерес. Я лежала, все еще парализованная, еще минут пять, пока сердце не перестало колотиться о ребра как сумасшедшее. Потом, дрожащими ногами, подкралась к окну. Вцепилась в раму и выглянула.

Пожарная лестница была пуста. В тусклом свете уличного фонаря на мокром металле не было видно следов. В переулке ни души. Я резко захлопнула окно, повернула ручку, задвинула щеколду. Потом, для верности, подтащила к подоконнику тяжелый старый стул. Руки тряслись. Саймон потёрся о мои ноги, требуя успокоения.

— Это был не он, — прошептала я самой себе, садясь на

кровать и обхватывая колени руками.

Но кто? Люк? Один из тех других? Или... что-то еще? То самое «древнее»? Тетя Роза говорила «пахнет тьмой». А этот... этот запах был именно таким. Но другим. Более ди-ким. Менее человеческим.

Слова Люка эхом отдались в памяти: «У него дурная привычка находить всякий мусор и думать, что это сокровище».

А что, если я и правда сокровище? Не в романтическом смысле, а в самом прямом, утилитарном. Живое оружие. И за этим оружием теперь охотятся с двух сторон: его друзья-демоны, которые считают меня угрозой или добычей, и... что-то еще. Что-то, что почуяло кровавую песню в лесу и теперь вышло на охоту, ведомое эхом той смерти.

И Эйден? Где был он, пока его «друзья» приходили в кафе, а нечто древнее карабкалось по моей пожарной лестнице? Может, он был тем, кто их послал? Или он сам был в бегах от них? От всех?

Голова шла кругом. Я чувствовала себя мухой, попавшей в паутину, которую еще даже не разглядела.

Включив свет, я достала из-под кровати старую гитару — ту самую, на которой училась играть отец. Я не умела петь, но могла тихо перебирать струны. Простые, блюзовые аккорды. Грубоватый, земной звук дерева и металла. Ничего сверхъестественного. Ничего магического. Просто музыка. Та, что создают руками.

Я играла, пока пальцы не онемели, а за окном не посвет-

лело. Играла, чтобы заглушить тишину, в которой теперь таилась новая, незнакомая опасность. Чтобы напомнить себе, что я — человек. Хотя бы наполовину.

И все это время, на самой глубине, где спала моя сирена, зрело тихое, яростное понимание. Бежать бесполезно. Что-то началось. Что-то проснулось.

И рано или поздно мне придется либо заставить это замолчать... либо заговорить с этим на том языке, который я так старательно всю жизнь хоронила. На языке песни.

Но пока что я просто играла. И ждала рассвета.

## Глава 9. Эйден

Холодный уют подвала был моей исповедью. Здесь не было суда, кроме моего. Только сырые стены, скрип ржавых труб и эхо чужой боли. Мне он был нужен как громоотвод — для того, что клокотало у меня внутри после той ночи. После нее.

Парень на стуле уже не кричал. Хрипел. Его перебитые пальцы — работа моих рук — безвольно лежали на коленях, напоминая раздавленных насекомых. Я стоял напротив в белой фарфоровой маске, которая стирала мое лицо, оставляя только пустые прорези для глаз. В этой пустоте ему было страшнее. В ней отражался только его собственный ужас.

— Слушай, приятель... — его голос сорвался на визг. — Я не понимаю, о какой девушке ты говоришь, черт возьми!

Вранье. Оно висело в воздухе кислым потом. Он все прекрасно помнил. Ее рыжие волосы, вспыхнувшие в свете фар. Ее взгляд, полный не страха, а раздражения — как на назойливую муху. И свое собственное, тупое желание эту муху прихлопнуть, заставить обратить на себя внимание.

Я сделал шаг вперед. Каблук гулко стукнул по бетону.

— Рыжая. Красивая. Приставал ты к ней.

Лицо его исказилось, мозг лихорадочно соскабливал воспоминания.

— Рыжая... На... на гонках? Та цыпочка? — в его глазах мелькнула надежда, жалкая и отвратительная. — Я же не знал, что у нее парень псих конченный! Честное слово! Я просто подошел познакомиться!

— Псих конченный, — повторил я, и маска сделала мой голос безжизненным, как стук капель по железу. — Это не я.

Он не понимал. Не мог. Для него мир упирался в сиюминутные хотелки и примитивные права сильного. Увидел — захотел. Захотел — попытался взять. Все просто.

Для меня в тот вечер все перевернулось.

Я видел ее в толпе раньше. Заметил сразу — яркое пятно в серой массе. Но это было просто наблюдение. Красивая дикарка. Пока тот пьяный урод не протянул к ней руку. И в этот миг, в доли секунды до того, как мое тело само понеслось вперед, чтобы отшвырнуть его, я почувствовал.

Это был не запах. Не звук. Это была... вибрация. Исходившая от нее. Тончайший, высокочастотный звон, похожий на удар по хрустальному бокалу, который слышишь не ушами, а костями. Он пробежал по моим нервам, заставил мою демонскую кровь, обычно спящую тяжелым шлаком в жи-

лах, вздрогнуть. Не проснуться. Нет. Но пошевелиться во сне. Потянуться к источнику этого звона.

И внутри, в самой черной глубине, где жило мое второе «я», поднялась тихая, безоговорочная волна.

МОЕ.

Это не было ревностью. Не было человеческим желанием. Это был инстинкт хищника, нашедшего единственную в своем роде дичь. Собственника, увидевшего уникальный артефакт. Демона, учуявшего родственную, но иную силу. Она была не отсюда. Не совсем. И она должна была стать моей. Чтобы разгадать. Чтобы обладать. Чтобы та вибрация звенела для меня.

Я наклонился к нему, и он вжался в спинку стула.

— Ты протянул к ней руку,— сказал я тихо, почти ласково. — Ты коснулся того, что не твое. Ты осквернил момент, который был... моим.

Он рыдал теперь, пуская пузыри слюны и крови.

— Я не тронул ее! Твой... тот парень ее отвел! Я даже не прикоснулся!

— Но хотел, — я выпрямился. — И одного этого доста-

точно. Ты влез в мое поле. Испачкал его своим намерением.

Я отступил в тень. Моя рука сжимала и разжималась. Мне хотелось не его наказать. Мне хотелось стереть его. Стереть с реальности, как грязное пятно, потому что его существование, его память об этом вечере оскверняли мое чистое, но-вообретенное чувство собственности. Одержимость.

Я снял маску. Холодный воздух ударил по лицу. Его страх, густой и примитивный, был жалкой пародией на тот трепет, который я ощущал сейчас, просто вспоминая ее. Он не давал моей крови петь. Он лишь будил в ней голод к уничтожению. Чтобы очистить место. Чтобы подготовить почву.

Достаточно. Я подошел и одним резким движением освободил его от веревок. Он рухнул на пол, рыдая и скуля.

— Запомни, — сказал я, стоя над ним. — Никогда больше. Ни к одной рыжей. Если увидишь ее — перейди на другую сторону улицы. Если услышишь о ней — заткни уши. Она вычеркнута из твоего мира. Понял?

Он что-то промычал, кивая, лицом в луже собственных выделений.

Я вышел, оставив его там. Он выживет. Или нет. Уже не имело значения. Он был мусором, который я убрал со своего пути.

Наверху, на улице, моросил дождь. Он не смывал чувства.

Он лишь охлаждал кожу, в то время как внутри все пылало. МОЕ.

Люк звонил. Никс слал сообщения. Мой отец, Николас Мортвель, истинный демон, верный пес Маммона, несомненно, требовал отчета. Он научил меня: все в этом мире имеет цену, и все можно купить, продать или отнять. Чувства — слабость. Привязанности — уязвимость.

Но то, что я почувствовал к этой девушке... это не было ни чувством, ни привязанностью. Это было утверждением права. Открытием. Ее вибрация будила во мне не человеческое, а демоническое. Но не то, которое служит князьям. То, которое хочет. Глубоко, безрассудно и тотально.

Я сел на мотоцикл, но не завел его. Смотрел на темный переулок, ведущий в сторону ее кафе. Она там. Спит, наверное. Или нет. Может, чувствует тот же звон, исходящий теперь от меня?

Отец служит Маммону. Я — нет. Я служу только этой жажде внутри. И сейчас она требовала одного: заявить свои права. Не как мажор. Не как наследник. Как хищник. Как демон.

Я завел двигатель. Рев заглушил навязчивую мысль, но не погасил огонь. Она еще не знала, что принадлежит мне. Но это было вопросом времени.

И прежде чем я смогу взять то, что мое, мне нужно было убедиться, что за ней не охотятся другие. Что тот древний ужас, что шевельнулся в городе, не положил на нее глаз. По-

тому что если так... то это будет война. И я не намерен никому уступать свою добычу.

Я не поехал к ее кафе. Поехать сейчас значило сорваться, действовать на чистом инстинкте, а этого было мало. Обладание, которое требовала моя темная половина, должно было быть тотальным. Нужно было знать все: где она живет, с кем говорит, что прячет за той дерзкой маской официантки. Ее запах — кофе, дождь и что-то неуловимо-сладкое, как спелый персик, — уже въелся в сознание, но этого было недостаточно. Мне нужна была ее суть. Та самая, что заставила мою кровь вздрогнуть. Мой телефон завибрировал, прервав поток мыслей. Отец.

Сообщение было кратким, как удар ножом: «Совещание. Офис. Сейчас. Не опаздывай».

Совещание. В лексиконе Николаса Мортвеля это означало один из двух вариантов: либо публичная порка за мои «выходки», либо новый приказ от его господина, Маммона. Оба варианта вызывали тошноту.

Башня Мортвель-Интерпрайз в Сити впивалась в низкое небо, как черный клык, облицованный стеклом и сталью. Здание было символом его власти, его храмом алчности. Лифт поднимался на пентхаус в гробовой тишине. Мои шаги по полированному граниту пола в приемной звучали гулко и одиноко. Ассистентка — идеальное создание с пустыми глазами, вероятно, не совсем человеческое — молча кивнула в

сторону массивных дубовых дверей.

Он стоял у панорамного окна, спиной ко мне, созерцая «свой» город, утопающий в дожде и тумане. Николас Мортвель в дорогом, безупречно сидящем костюме. Снаружи — магнат. Внутри — древний демон, чья истинная форма, если бы он ее явил, не поместилась бы и в десяти таких офисах. От него исходила аура холодной, расчетливой мощи. Не яростной, как у некоторых князей, а сокрушающей своим масштабом, как ледник.

— Ты пахнешь грязью и насилием, Эйден, — сказал он, не оборачиваясь. Его голос был ровным, без полутонов. — И пренебрегаешь своими обязанностями.

— Я поддерживаю порядок, как и договаривались, — ответил я, останавливаясь на почтительном, но не подобострастном расстоянии. — Молодняк утихомирён. Инцидент исчерпан.

— Я говорю не о молодых глупцах. — Он, наконец, повернулся. Его глаза были цветом старого золота, в них не было ничего человеческого. — Я говорю о твоём внимании. Оно рассеяно. Маммон чувствует колебания. Ты тратишь энергию на... что-то постороннее.

Внутри все сжалось. Он знал. Не детали, но почувство-

вал смещение моего фокуса. В его мире все было ресурсом, энергией, валютой. И моя одержимость была нерациональной тратой.

— Это не постороннее, — сказал я, и мой собственный голос прозвучал жестче, чем я планировал. — Это важно.

Он медленно подошел к массивному столу, проводя пальцем по идеально гладкой поверхности.

— Важно?— Он произнес это слово, как будто пробуя на вкус что-то странное. — Твоя важность определяется служением. Силой, которую ты аккумулируешь для нашего дела. Не прихотями полукровки.

Удар пришелся точно в цель. Полукровка. Самое точное его оружие против меня. Напоминание, что я не чист, что во мне есть та самая «слабость», которую он так презирал.

— Это не прихоть, — прошипел я, и в голосе прорвался рык, не совсем человеческий. Воздух в комнате стал гуще, тяжелее. — Она... особенная.

Глаза отца сузились. В них промелькнул интерес — не отеческий, а аналитический. Как у ученого, увидевшего необычный симптом.

— Особенная? Чем именно? Ее рыжие волосы? Ее дерзость? Или в ней есть... сила?

Он учуял. Конечно учуял. Он был стар, опытен и жаден до любой формы власти.

— Пока не знаю,— солгал я. — Но я разберусь.

— Разберёшься, — повторил он, садясь в свое кресло. Оно было похоже на трон. — Вот твоя задача. Если в этой девушке есть потенциал, его нужно оценить. Контролировать. Или ликвидировать, если она представляет угрозу нашим интересам. Ты действуешь по моему поручению. Понял?

Это был гениальный ход. Он превращал мою одержимость в служебное задание. Обладание ею — в акт службы Маммону. Он пытался загнать бушующий внутри меня огонь в ледяные рамки логики и выгоды. Мои челюсти сжались так, что заныли скулы.

— Понял, — выдавил я. Это слово обожгло горло.

— Хорошо. Интерес князей к Лондону растет. Тот... инцидент в лесу. — Он откинулся на спинку кресла. — Кровавый ритуал. Он был груб, но эффективен. Что-то древнее

действительно откликнулось. Мы не знаем что, но это привлекло внимание не только наших князей. По городу рыщут охотники, чужаки. Если твоя «особенная» девушка обладает силой, она может стать мишенью. Или ключом. Наблюдай. Докладывай. И не позволяй личным интересам затмить наш долг.

Он отпустил меня кивком. Я вышел, чувствуя, как его холодный, всевидящий взгляд провожает меня до самых дверей.

В лифте я впервые за долгое время позволил себе проявить хоть какую-то эмоцию: ударил кулаком в зеркальную стену. Трещина поползла по идеальному отражению моего лица, искажая черты. МОЕ, — требовал демон внутри, яростно сопротивляясь попытке отца поставить на это клеймо «задания».

Но в его словах была и правда. Если ритуал в лесу привлек внимание других сил, то Мэйв, с ее странной вибрацией, могла быть в опасности. Мысль о том, что кто-то другой может дотронуться до нее, причинить ей вред, взять ее, вызвала во мне такую волну слепой, черной ярости, что свет в лифте на миг померк, и металл стенок заскрипел от напряжения.

Она была моей. Моей находкой. Моей загадкой. Моим будущим ключом... или моей гибелью. Я еще не решил.

Но я точно знал, что ни охотники, ни древнее зло, пробу-

дившееся в лесу, ни даже мой собственный отец не получают ее. Потому что теперь это был не просто инстинкт. Это была миссия.

Я вышел на улицу, в пронизывающий дождь. И вместо того, чтобы ехать домой, направил мотоцикл в ее район. Не для встречи. Нет. Для наблюдения. Чтобы убедиться, что она в безопасности. Пока что.

Я припарковался в тени напротив ее кафе, которое уже было закрыто. В окне на втором этаже, над вывеской, горел свет. Ее комната.

Я стоял, прислонившись к холодному металлу байка, и смотрел на этот теплый, желтый квадрат света в темноте. И та самая вибрация, что я уловил на гонках, снова отозвалась во мне — глухим, настойчивым гулом, как сигнал маяка в тумане. Она была там. Всего в нескольких десятках метров.

И независимо от приказов отца, князей или законов этого и иных миров, я чувствовал это каждой частицей своего демонического естества: наша судьбы уже сплелись. И концом этой истории буду только я.

Свет, пробивавшийся сквозь незадернутые шторы в моем лофте, был серым и безжалостным. Он не будил, а скорее констатировал факт: ночь кончилась, пора возвращаться в кожу человека.

Лофт занимал весь верхний этаж бывшей фабрики в не са-

мом пафосном районе. Высокие потолки с голыми балками, бетонные стены, панорамные окна, смотрящие на кирпичные задворки и крыши таких же непарадных домов. Здесь не было ни золотых кранов, ни дизайнерской мебели из каталогов отца. Здесь был я. Вернее, та оболочка, которую я предпочитал носить, когда не нужно было играть роль наследника Мортвель-Интерпрайз.

Я лежал на широком матрасе, брошенном прямо на пол, и смотрел в потолок. Запах старого кирпича, пыли и металла. Никаких следов вчерашнего — ни страха из подвала, ни холодной роскоши офиса отца, ни даже того сладкого, тревожного шлейфа, что тянулся от ее окна. Только пустота. И внутри — все тот же неутолимый, тлеющий уголь.

«МОЕ».

Оно больше не было яростным воплем. Оно стало тихим, неотвратимым знанием, въевшимся в кости. Как программа. Как закон тяготения.

Я встал, босиком прошел по холодному бетону к окну. Лондон внизу копошился, мокрый и равнодушный. Где-то там, в паре миль отсюда, она сейчас просыпалась. Возможно, потягивалась в своей комнатке над кафе. Возможно, ругалась с котом. Возможно, думала о вчерашнем дне, о странных визитерах, о том, что кто-то стоял под ее окном. Думала ли она обо мне?

Вчерашний разговор с отцом всплыл в памяти ледяным осколком. Он превратил ее в «актив». В «потенциальную

угрозу или возможность». Его логика была безупречна, как алмаз, и так же холодна. Для него вселенная сводилась к балансу сил, долгов и приобретений. Даже сын.

Я повернулся от окна и потянулся к стене, где на грубом кирпиче висело единственное украшение — старый, потертый кожаный ремень с тяжелой пряжкой в виде стилизованной пасти. Не моя вещь. Матери. Единственное, что я успел выхватить из нашего дома в ту ночь, когда за ней пришли. Когда ее казнили за то, что она осмелилась родить меня, полукровку, демону. Отец не вмешался. Баланс сил. Риски. Его расчет.

Я сорвал ремень со стены, чувствуя под пальцами шершавую кожу. Гнев, старый и острый, как ржавое лезвие, кольнул изнутри. Но сегодня к нему примешивалось что-то новое. Не просто ярость на отца. А решимость. Он хотел превратить Мэйв в пешку на своей доске? Хотел, чтобы я доложил, оценил, контролировал?

Хорошо. Я буду оценивать. Я буду контролировать. Но по-своему. Не для Маммона. Не для него. Для себя. Чтобы понять эту вибрацию. Чтобы овладеть источником этого звона, который заставил шевелиться мое проклятое наследство. Чтобы решить самому — уничтожить ли это, или... или что?

Другого варианта я не видел. Уничтожение было знакомо, оно было моей природой. Но что-то внутри, какая-то трещина, оставленная человеческой кровью, сопротивлялась. Тре-

бывала сначала понять. На кухне, больше похожей на лабораторию с голыми трубами и промышленной вытяжкой, я поставил воду на массивную газовую горелку. Достал чашку — простую, белую, без изысков. Человеческие ритуалы иногда успокаивали. Пока вода закипала, я взял телефон. Не личный. Одноразовый, «чистый». Быстрыми движениями набрал номер.

Ответили после второго гудка.

— Да? — голос был низким, профессионально-бесстрастным. Фрэнк Миллер. Демон в мундире копа. Полезный человек в иерархии нижнего мира, хоть и не из высоких кругов.

— Фрэнк. Это Мортвель. Младший.

На другом конце короткая пауза.

— Слушаю.

— Рыжая девушка. Работает в кафе «У Розы» в Кэмдене. Мэйв Келлан. Мне нужна вся доступная информация. Неофициально. Особенно что касается ее родни, происхождения. И проверь, не числится ли она в каких-нибудь списках. Охотничьих или... иных.

Еще пауза, на этот раз длиннее. Фрэнк что-то записывал.

— Охотничьих? Серьезно? С ней что-то не так?

— Это я хочу выяснить. Действуй осторожно. И, Фрэнк...

— Да?

— Если узнаешь, что кто-то другой проявляет к ней подобный интерес — ты сообщаем сразу. Мне. Лично. Понятно?

В его голосе появилась тень понимания. Он учуял мой тон. Не просьбу коллеги. Приказ.

— Понятно. Будет сделано.

Я положил трубку. Вода вскипела. Я засыпал в чашку молотый кофе, просто так, без фильтра, и залил кипятком. Горький, крепкий запах заполнил пространство. Как запах правды. Пока кофе оседал, я подошел к другому окну, выходящему на пожарную лестницу. Вчерашний вечер... Стоя там, в тени, глядя на ее свет, я не просто наблюдал. Я охранял. Примитивный, животный инстинкт. Мой демон видел территорию и объект на ней. И патрулировал границы. Но кто был тем, кто поднялся по лестнице до нее, но не дошел? Не я. Я бы дошел. Я бы постучал. Или вошел без стука. Кто-

то другой. Кто-то, кто тоже почуял... что-то. Как предупредил отец: охотники, чужаки. Или то самое «древнее», что потянулось на зов крови в лесу.

Мысль о том, что нечто безымянное и древнее могло быть так близко к ней, заставило мое сердце — да, у демонов оно тоже есть, просто бьется иначе — сделать тяжелый, угрожающий удар. Глухой рокот вырвался у меня из груди, тихий, но такой, что стекло в оконной раме задребезжало. Я вернулся к чашке, сделал большой глоток обжигающей горечи. Она должна была принадлежать мне. Только мне. Прежде чем отец или князя решат ее судьбу. Прежде чем охотники или древнее зло попытаются ее забрать или уничтожить. План начал обретать смутные очертания. Наблюдать. Защищать (от всех остальных). И... тестировать. Нужно было понять масштаб ее силы. Что она такое. Для этого нужен был контакт. Не случайный, как на гонках. Целенаправленный. Я взглянул на часы. Суббота. Кафе «Укромный уголок» должно быть заполнено до отказа. Она будет там, среди запахов еды и людского гула, раздавать кофе и сарказм, даже не подозревая, что стала центром тихой, невидимой войны. Я поставил пустую чашку в раковину. Сегодня мне нужно было быть человеком. Эйдемом Мортвелем, мажором, который просто зашел выпить кофе. Нужно было снова оказаться рядом. Услышать ее голос. Увидеть, отзовется ли та вибрация снова. И, может быть... оставить свой след. Дать понять не ей — она пока не должна знать, — но всем остальным, кто,

возможно, наблюдает: этот объект помечен. Приближаться — опасно для недолговечной смертной жизни.

Я оделся во что-то простое — черные джинсы, серая футболка, кожаная куртка. Не броско, но качественно. Достал ключи от мотоцикла.

МОЕ, — снова прошептало что-то внутри, когда моя рука сжала холодную ручку газа.

На этот раз это звучало не как одержимость, а как обет.

«База» была чердаком над автомастерской, принадлежавшей одному из подставных лиц отца. Помещение представляло собой гибрид гаража, логова и клуба: несколько разобранных на части дорогих тачек, диваны, заляпанные маслом и чем-то похожим на кровь, барная стойка с внушительным, но сомнительным ассортиментом, и повсюду — следы магии: выжженные на бетоне защитные круги, полки с запыленными артефактами, пахнущие серой и старыми костями. Именно здесь мы, «молодые князья» — если верить лести некоторых придворных Нижнего мира — проводили время между заданиями отцов. Или планировали свои собственные мелкие пакости. Я вошел, и три пары глаз тут же уставились на меня. Люк развалился на самом большом кожаном диване, вертя в руках изогнутый кинжал с рукоятью из черного дерева. Никс, бледный и угловатый, как хищная птица, копался в настройках какого-то электронного устройства, испускающего тихое, противное жужжание. Кай, самый

беззаботный на вид (и самый опасный в гневе), разливал по стаканам что-то мутно-зеленое и дымящееся.

— Ну, посмотрите, кто почтил нас своим присутствием, — протянул Люк, не отрывая взгляда от лезвия. — Сам наследник Мортвель, укротитель пьяных дебоширов и защитник... как ее... рыжих официанток?

Воздух в помещении стал немного гуще. Я прошел к холодильнику, достал бутылку воды.

— Скучно стало, Асмид? Решил обсудить мои дела?

— Наши дела, — поправил меня Никс, не глядя. Его голос был сухим, как шелест пергамента. — Твои выходки привлекают внимание. Мой отец интересовался, не стал ли ты вдруг рыцарем на службе у смертных девиц. Пришлось выкручиваться.

— А мой просто спросил, не ослабела ли твоя хватка, — добавил Кай, с улыбкой протягивая мне один из стаканов. Я проигнорировал его. — Мол, если Демон начал спасать, а не губить, может, пора его на проверку к старейшинам отправить?

Забраковать. Я почувствовал, как по спине пробежал хо-

лодок. «Проверка» в нашем мире редко заканчивалась просто беседой. Чаще — болью, унижением и потерей части силы.

— Моя хватка в порядке,— сказал я спокойно, откручивая крышку бутылки. — И я никого не спасал. Просто убрал помеху.

— Помеху для чего? — Люк наконец поднял на меня глаза. В его медовых зрачках плясали насмешливые огоньки, — Для своего нового хобби? Слышал, ты даже Фрэнка Миллера на нее натравил. Рыщешь, как гончая по следу. Папочка не знает, что его мальчик так увлекся... сбором диковинок?

Они все знали. Конечно знали. В нашем кругу секретов не было. Каждый был и шпионом, и заложником своего отца и их господина.

— Отец в курсе,— соврал я, делая глоток воды. — Это задание. Оценка потенциала.

Наступила тишина, нарушаемая лишь жужжанием устройства Никса.

— Оценка потенциала,— передразнил меня Люк. Он отложил кинжал и встал, медленно подходя ко мне. Он был

чуть ниже, но в его движениях была змеиная грация. — Знаешь, что я думаю, Эйден? Я думаю, ты влип. По уши. Ты учуял в ней что-то, и твой внутренний зверь возжелал это прикарманить. Это пахнет не службой Маммону. Это пахнет... слабостью.

Последнее слово он произнес почти шепотом, но оно прозвучало громче любого крика. Слабость. Самый страшный грех в нашем мире.

— Осторожнее со словами, Люк, — мой голос стал тише, опаснее. Воздух вокруг моих сжатых кулаков слегка задрожал от жара. — Ты не знаешь, о чем говоришь.

— О, знаю, — он ухмыльнулся. — Я видел таких, как ты. Полукровки, которые пытаются найти в смертных... оправдание своей человеческой половине. Утешение. Любовь, — он выплюнул это слово, как отраву. — Кончается это всегда одинаково. Либо их разрывают на части, когда их секрет вскрывается, либо они сами сдают своих любимчиков старейшинам, чтобы сохранить свою шкуру. Что выберешь ты, Демон?

Его слова били точно в цель, в ту самую трещину, которую я сам в себе боялся исследовать. Я не искал любви. Я искал... обладания. Но там, где есть обладание, может появиться и

привязанность. А привязанность — это уязвимость. Для таких, как мы, это смертный приговор.

— Он выберет правильный путь, — неожиданно вступил Никс, отложив свое устройство. Его бледное лицо было бесстрастным. — Потому что если он не выберет, это скажется на всех нас. Нас связывают не только дружба, Эйден. Нас связывают долги наших отцов. Твоя ошибка упадет на наши головы. Вельзевул, Асмодей и Сатана не будут разбираться, кто именно из нас позволил полукровке сбиться с пути. Накажут всех.

Это был не упрек, а холодный расчет. И он был прав. Мы были звеньями одной цепи. Моя одержимость Мэйв ставила под удар не только меня.

— Так что, — Кай встал, потягиваясь с кошачьей небрежностью, но в его глазах не было и тени веселья. — Оценивай ее потенциал. Быстро. И либо представь убедительные доказательства, что она — ценный актив, которого стоит контролировать, либо... ликвидируй проблему. Пока она не стала проблемой для всех нас.

— И пока твой отец не решил, что ты сам стал проблемой, — добавил Люк. Он снова уселся на диван, но его взгляд был тяжелым и неумолимым. — Мы твои друзья, Эйден. Поэтому

му и говорим это. Перестань виться вокруг этого кафе, как мотылек вокруг огня. Сделай что надо. И вернись к настоящим делам. К тому, для чего мы рождены.

Они были единомышленны. В их давлении не было злобы — только холодная, прагматичная забота о собственном выживании и о сохранении шаткого статус-кво. И в этом была страшная правда.

Я молча кивнул, отвернулся и направился к выходу. Их слова висели у меня за спиной тяжелым грузом.

— Эйден, — окликнул меня Люк, когда моя рука уже лежала на дверной ручке. — Она просто смертная. Даже если в ней есть капля чего-то иного. В конце концов, все смертные — расходный материал. Не забывай этого.

Я вышел, не ответив. Хлопнул дверью, заглушив их присутствие, их логику, их циничную правоту.

На улице снова моросил дождь. Я сел на мотоцикл, но не завел его. Просто сидел, смотря в серую пелену перед собой.

Слабость. Расходный материал. Ликвидируй проблему.

Их голоса звучали у меня в голове. Но громче них звучала та самая вибрация, тот звон, что я уловил в ней. И тихий, неумолимый голос демона внутри: МОЕ.

Они предлагали простой путь. Либо взять ее силой для

«оценки» (что на нашем языке почти всегда означало пытки, чтобы выявить скрытые способности), либо убить, отчитавшись о «ликвидации угрозы».

Но что-то внутри меня — и это «что-то» пугало больше всего — сопротивлялось обоим вариантам. Я не хотел ломать ее, чтобы увидеть, что внутри. И я не хотел гасить этот странный, манящий свет..Я хотел... понять. Сам. Без давления отцов, без угроз друзей. Хотел выяснить, почему именно она заставляет мою кровь шевелиться. И тогда, только тогда, я решу ее судьбу. Но времени, как верно заметили мои «друзья», у меня было мало. Очень мало. Я завел мотоцикл. Рев двигателя был похож на рычание загнанного зверя. Я знал, куда поеду. Не на базу. Не домой. Я поеду туда, где пахло кофе и ее присутствием. Мне нужно было увидеть ее снова. Просто увидеть. Чтобы напомнить себе, за что мне, возможно, предстоит вступить в бой не только с внешними врагами, но и с теми, кого я до сих пор считал своей единственной семьей.

## Глава 10. Мэйв

«Чёртов Гарри» пах, как и полагается порядочному пивному бару: старой древесиной, чистящим средством с лимонным оттенком, жареными чипсами и легкой нотой отчаяния понедельничного вечера. Это было наше место. Тут не задавали лишних вопросов, не пялились на слишком громкий смех, а крафтовое пиво у Марвина за стойкой было таким же тёмным и горьковатым, как наши с Леной шутки.

Мы устроились в углу, за столом со следами от стаканов и глубокой царапиной, которую Стеф однажды оставила каблуком, слишком эмоционально жестикулируя. Джек сидел напротив меня, его нога под столом время от времени находит мою. Не как приглашение, а как дружеское «я тут». У Стеф уже был второй коктейль, и она сияла, как новогодняя гирлянда, выискивая в полумгле бара потенциальные объекты для своего непостоянного внимания. Лена, как всегда, была эпицентром бури.

Она отхлебнула свой стаут, поставила его с твердым стуком и пронзила меня взглядом, которым, наверное, бухгалтеры сводят дебет с кредитом.

— Такс,.Мэйв, — начала она без предисловий. — Тебе нужно с кем-нибудь переспать. Срочно. Это медицинский

факт.

Я поперхнулась своим сидром. Джек, который как раз подносил к губам пиво, фыркнул, и пена осталась у него на верхней губе.

— Я вообще-то всё ещё тут, знаешь ли, — сказал он, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Чувствую себя немножко... проигнорированным в этом вопросе.

Лена отмахнулась, как от назойливой мушки.

— Прости, старик, ты не в счёт. Ты как домашние тапочки. Удобно, привычно, мозолей не натираешь. Но ей, — она ткнула пальцем в мою сторону, — нужен новый член. В хорошем смысле слова. Для встряски. Для обновления клеток. Для того, чтобы не закиснуть.

Стеф, оживившись, тут же переключилась с осмотра бара на меня.

— О, это я могу устроить! М, давай я тебя с кем-нибудь познакомлю? У меня есть один... ну, или два... в запасе. Не самые постоянные, но зато... — она закатила глаза, выразительно облизнув край соломинки.

Я почувствовала, как жар поднимается к щекам. Не от стыда, а от возмущения.

— Ау!— я постучала пальцами по столу. — Я как бы всё слышу, и моё мнение, кажется, никто не спрашивал. Не нужен мне никакой новый член, спасибо большое. У меня всё в порядке.

— Нет, не в порядке, — Лена была непреклонна. Её карие глаза сузились. — Ты вся зажатая. Ходишь, как по струнке: дом — работа — Джек. Иногда — мы. Ты будто ждешь, что с неба упадёт принц на чёрном мотоцикле и всё изменит. А он не падает, Мэйв. Их вообще с мотоциклами часто сбивают. Нужно брать инициативу в свои руки. Или в другие части тела.

Джек засмеялся, откинувшись на спинку стула.

— Знаешь, а она права. Не в плане члена, конечно. В плане зажатости. Ты последнее время... будто на взводе. Как будто ждешь какого-то пинка.

Я нахмурилась, отодвигая стакан. Они цепляли что-то, о чём я и сама не хотела думать. Эта тревога после гонок. Ощущение слезки. Визит его друзей. И главное — он сам. Эйден Мортвель. Его образ, как заноза, сидел в мозгу: стальные глаза, высокомерная усмешка, твёрдая рука на локте. И этот

странный, ледяной жар, который я почувствовала тогда, рядом с ним. Не влечение. Не страх. Что-то третье, знакомое и оттого вдвойне пугающее.

— Я не жду никакого пинка, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У меня всё отлично. Мне нравится моя жизнь. Она... предсказуемая.

& Предсказуемая — это синоним слова «скучная», когда тебе девятнадцать, — парировала Лена. — Слушай, я же не говорю «влюбись и выйди замуж». Просто... развейся. Пофлиртуй с кем-нибудь, у кого нет твоего номера в телефоне с пометкой «экстренный вызов на случай плохого секса». Получи новую порцию адреналина. А то ты как будто вся в себе, в своих этих... вибрациях, или что ты там чувствуешь.

Она не знала, насколько близко к цели попала. «Вибрации». Да, чёрт возьми. От того парня на гонках они исходили, как волны тепла от раскалённой плиты. От его друзей в кафе — колючие, леденящие иголки. И эта ночь, когда кто-то поднимался по лестнице... Я до сих пор не рассказала им об этом. Не хотела видеть страх в их глазах. Или, что хуже, неверие.

— Может, Лена права, — тихо сказала Стеф, внезапно став серьёзной. — Ты как будто боишься чего-то. Может, но-

вый опыт... поможет перестать?

Я посмотрела на Джека. Он больше не улыбался. Он смотрел на меня внимательно, изучающе. Он-то знал меня лучше всех. Знает, что я не из трусливых. И если я на взводе, значит, для этого есть реальная причина.

— Лена, — вздохнул он. — Может, хватит её пилить? Если Мэйв говорит, что ей ничего не нужно, значит, не нужно.

Лена скрестила руки на груди.

— Я её подруга. Я вижу, когда ей плохо. Или страшно. И лучший способ перестать бояться какой-то абстрактной хрени — получить хороший, конкретный оргазм от нового человека. Это научный факт, я читала.

Мы все замерли, а потом Стеф фыркнула, Джек рассмеялся, и даже я не смогла сдержать улыбку. В этом была вся Лена — прямолинейная, бесцеремонная и до абсурда заботливая.

— Спасибо за диагноз, доктор Каргард, — сказала я, поднимая руки в знак капитуляции. — Я подумаю над твоим рецептом. А пока что, может, просто выпьем? Без планов по улучшению моей сексуальной жизни?

Лена покачала головой, но в её глазах блеснуло удовлетворение. Она добилась своего — вытащила это наружу.

— Ладно. Но я за тобой слежу. И если через неделю ты не получишь хотя бы намёк на перспективу, мы вернёмся к этому разговору. С чертежами и схемами.

Мы заказали ещё один раунд. Разговор переключился на работу, на сплетни, на новый ужасный парень Стеф. Но под столом нога Джека снова нашла мою и слегка надавила. Я посмотрела на него. Он поднял бровь, как бы спрашивая: «Всё в порядке?»

Я кивнула. Неправда. Всё было не в порядке. Потому что пока они говорили о «новом члене», в моей голове крутился только один образ. Незнакомый, опасный и навязчивый, как мелодия, которую не можешь забыть.

И самый ужас был в том, что часть меня — та самая, что заставляла тётю Розу бледнеть, — отозвалась на Ленины слова не отвращением, а глупым, предательским любопытством. А что, если?..

Что, если подойти к краю этой бездны, в которую он, кажется, смотрит? Не для оргазма. Для ответа. Чтобы понять, наконец, что за вибрации я чувствую, и перестать их бояться.

Я отпила сидра, но вкус был каким-то плоским. Как буд-

то все обычные радости — друзья, пиво, смех — вдруг отдалились, стали картонными декорациями. А за ними маячила настоящая, тёмная, дождевая лондонская ночь. И в ней что-то ждало. Или кто-то.

И я, чёрт побери, начинала хотеть узнать, что именно.

Сидра оказалось слишком много. Или мысли. Или того и другого вместе. К тому времени, как мы расплатились и вывалились на прохладный, пропитанный запахом мокрого асфальта воздух, слова Лены звучали у меня в голове не как навязчивая идея, а как... инструкция по выживанию. Прimitивная, грубая, но конкретная.

Развестись с мыслями. Сбросить это напряжение, что сковало плечи после гонок, после визита тех троих, после ночи у окна. Страх и любопытство сплелись во мне в тугой, нервный узел. Может, Лена и правда? Может, нужно не бежать от этого странного возбуждения, а перенаправить его? На что-то простое. На что-то человеческое. На кого-то, у кого нет стальных глаз и не пахнет серой и дорогим кожаном.

Джека я отшила, когда он предложил довести. Сказала, что хочу пройтись. Он посмотрел на меня долго, понял, что лезть не стоит, и просто кивнул: «Звони». Стеф и Лена скрылись в сторону метро, споря о том, можно ли считать свидан-

нием совместный поход в круглосуточный магазин за чипсами.

Я шла одна. Шум города был привычным саундтреком. Но сегодня он не заглушал внутренний шум, а лишь подчеркивал его. Я чувствовала себя канатоходцем, который боится посмотреть вниз, но уже не может игнорировать бездну под ногами.

Ключ щёлкнул в замке моей комнаты. Саймон встретил меня недовольным «мрр», потому что ужин опоздал на полчаса. Покормив его, я сбросила куртку и упала на кровать, уставившись в экран телефона.

Он лежал в моей руке, холодный и безликий. Портал в мир нормальных, неусложнённых связей. Во вселенную, где люди ищут друг друга из-за скуки, одиночества или простого желания прикоснуться к другому телу. Никаких древних сил, никаких демонов, никаких запретных песен. Просто... люди.

— Идиотка, — прошептала я себе, но палец уже тянулся к иконке магазина приложений.

Загрузка заняла секунды. Я выбрала первое попавшееся — с ярким логотипом и обещанием «настоящих встреч без

лишних слов». Регистрация. Пара фотографий (я выбрала селфи с Саймоном и одно с Леной в баре, где я смеюсь, откинув голову). Минимальная анкета: имя, возраст, пара скучных интересов «кофе, музыка, прогулки под дождем». Ни слова о пении. Ни намёка на то, что я могу свести человека с ума голосом. Просто Мэйв. Официантка. Девятнадцать лет. Ищет... что?

Я замерла над полем «цель знакомства». Варианты предлагались стандартные: «Дружба», «Серьёзные отношения», «Флирт», «Ничего серьёзного».

Мой палец дрогнул и нажал: «Ничего серьёзного». Правда, звучащая как ложь. Мне нужно было именно что-то серьёзное. Но не отношения. А встряска. Шоковая терапия для собственной паранойи.

Первый же свайп вправо выдал парня с собакой. Улыбка слишком белая. Следующий — любитель гор с тоской в глазах. Потом — бармен, позирующий со шейкером. Все они были... нормальными. Приятными. Скучными. От них не исходило никаких вибраций, кроме желания понравиться.

Я листала, чувствуя, как первоначальный импульс угасает, сменяясь разочарованием. Это было не то. Это было как попытка утолить жажду газировкой — пусто, сладко и со-

вершенно не питательно.

И тут мелькнуло его фото.

Не Эйдена, конечно. Другого. Парень лет двадцати пяти. Темные волосы, собранные в короткий хвост, резкие, даже немного жёсткие черты лица, глубоко посаженные глаза. На фото он не улыбался. Стоял, прислонившись к стене в каком-то подворотне, в кожанной куртке, и смотрел прямо в камеру. Вызовом. В описании было пусто. Только имя: Лео. И возраст.

Никаких «люблю путешествия и готовить». Никаких «ищу принцессу». Просто... Лео. И взгляд.

От него не исходило тех леденящих или обжигающих вибраций. Но была какая-то тяжесть. Приземлённость. И опасность, но другая — не потусторонняя, а уличная, человеческая. Та, с которой, возможно, можно иметь дело.

Я не стала долго думать. Провела пальцем вправо. Почти сразу всплыло уведомление: «Это взаимно! Вы можете начать диалог».

Сердце странно ёкнуло. Не от восторга, а от адреналина. Как перед прыжком с тарзанки. Я открыла чат. Курсор мигал

в пустом поле.

— Привет, — набрала я, чувствуя себя идиоткой. — Неплохая подворотня. Свет хороший ловишь.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Лео: Привет. Да, тут атмосферно. А у тебя кошка классная.

Я: Это Саймон. Он мой начальник.

Лео: Повезло начальнику. Чем занимаешься, когда не работаешь на кота?

Я: Развожу кофе, сарказм и иногда мелкие пакости. А ты?

Лео: Развожу вопросы без ответов. И иногда — проблемы.

По моей спине пробежали мурашки. Не те, леденящие. Другие — щекотливые, любопытные.

Я: Звучит интригующе. И немного опасно.

Лео: Опасно — это скучно. Интересно — это когда не знаешь, что будет дальше.

Я: А что может быть дальше?

Наступила пауза. Длиннее предыдущей. Я видела, как он печатает, потом останавливается. Потом снова печатает.

Лео: Кофе. Если, конечно, твой начальник-кот отпустит в увольнительную.

Я закусила губу. Вот он. Конкретный, простой шаг. Без древних пророчеств и демонических взглядов. Просто кофе с парнем, который выглядит так, будто знает, с какой стороны держать нож. И который, возможно, как раз и нужен, чтобы выжечь из головы наваждение по имени Эйден Мортвель.

Я посмотрела на спящего Саймона, на тёмный квадрат окна, за которым таился город со своими настоящими и воображаемыми угрозами. Лена говорила: «Возьми инициативу». Может, она в чём-то права?

Я набрала ответ, прежде чем страх успел меня переубедить.

Я: Завтра. Четыре часа. «Укромный уголок», кафе в Кэмдене. Узнаешь по рыжей официантке с постоянным недовольным выражением лица.

Лео: Буду искать самое хмурое создание в округе. До зав-

тра, Мэйв.

Я выключила телефон и отбросила его на одеяло. В груди что-то колотилось — нервное, живое. Я только что назначила свидание. Совершенно незнакомому человеку. Чтобы доказать... себе? Демону в своей голове?.. что я всё ещё могу быть просто девушкой. Могу выбирать простые пути. Могу пить кофе с кем-то, чья самая страшная тайна, вероятно, — пара приводов за драку.

Я легла и закрыла глаза, пытаюсь представить завтрашний день. Лео. Кофе. Обычный разговор.

Но сквозь этот хрупкий мысленный сценарий, как сквозь тонкую плёнку, проступал другой образ. Лицо с глазами цвета мокрой стали. И я с ужасом понимала, что часть меня означает это свидание не вопреки ему, а для него. Как вызов. Смотри, Демон, я не твоя. Я могу выбрать кого угодно. Даже того, кто просто разводит «проблемы».

Это было глупо. Опасно по-новому. Но впервые за несколько дней я чувствовала не парализующий страх, а нечто похожее на контроль. Пусть иллюзорный.

«Кофе, — пробормотала я в темноту. — Всего лишь кофе».

Саймон, почуяв моё беспокойство, запрыгнул на кровать и устроился у меня в ногах, своим грузным теплом пытаюсь вернуть меня в реальность. Но реальность теперь была раздвоенной. В одной — завтрашнее кафе и незнакомец по имени Лео. В другой — тёмный переулок, пожарная лестница и пара глаз, наблюдающих из тени.

И я, засыпая, уже не могла понять, какая из этих реальностей страшнее.

Утро началось с того, что Саймон сел мне прямо на грудь и потребовал завтрак, тычась влажным носом в подбородок. Серое светило сквозь окно, обещая ещё один типично лондонский, слякотный день. И типичное лондонское свидание с парнем из приложения, которого зовут Лео и который «разводит проблемы».

— Чёрт, — прошептала я, отодвигая кота. — Я действительно это сделала.

Мысль о вчерашней решимости сейчас казалась идиотской и опрометчивой. Что я знала о нём? Ничего. Фото могло быть пятилетней давности. Он мог оказаться скучным офисным планктоном, который прикидывается крутым. Или, что хуже, настоящим отморозком. А я пригласила его

к себе на работу. Гениально, Келлан. Просто гениально.

Но отступить было уже поздно. Гордость, та самая, что часто вела меня к самым дурацким поступкам, не позволяла просто не прийти. Да и Лена с её вечным «взять инициативу» словно бы стояла за плечом, скрестив руки.

Я потащилась в душ, стараясь смыть остатки ночной тревоги. Под струями горячей воды я пыталась настроиться. Просто кофе. Двадцать минут светской беседы. Потом «было приятно» и уход по своим делам. Идеальный план, чтобы доказать себе, что жизнь продолжается, а древние демоны и прочая нечисть — просто плод разыгравшегося воображения.

Надевала я джинсы и простой чёрный свитер дольше обычного. Не кокетничая — просто оттягивая момент. Тётя Роза уже была внизу, разбирала новую поставку муки. Она посмотрела на меня оценивающе.

— Сегодня не на смену, — заметила она. — А выглядишь как на парад.

— Свидание, — буркнула я, не глядя на неё, проверяя, нет ли на свитере кошачьей шерсти. — Кофе. Ничего особенного.

Тишина за спиной стала тяжёлой. Я обернулась. Розалинда смотрела на меня с тем же выражением, что и вчера вечером, — смесью тревоги и попытки понять.

— Свидание? — переспросила она. — С кем? Не с тем ли...

— Нет! — я резко перебила её. — Не с ним. С... с другим. Просто парень.

— Откуда? — её вопрос прозвучал как удар.

— Приложение, — призналась я, чувствуя, как краснею. Звучало это по-дурацки.

Розалинда закрыла глаза на секунду, как будто молясь о терпении.

— Мэйв, дитя моё... сейчас не время для случайных знакомств. Ты не чувствуешь, что вокруг что-то... сгущается?

Чувствовала. Каждый день. Именно поэтому я и сделала эту глупость. Чтобы разорвать это сгущающееся нечто.

— Всё будет в порядке, тётя. Это днём. В людном месте.

Я в своей тарелке.

Она хотела что-то сказать, но только покачала головой и сунула мне в руки свежеиспечённый круассан.

— Хоть поешь. И... будь осторожна. Не пей ничего, что тебе принесут. И держи телефон под рукой.

Я кивнула, зная, что спорить бесполезно. Её страх был настоящим, и он передавался мне, но я решила его игнорировать. Я вышла из кафе и направилась к нашему столику у окна — тому самому, где сидели тогда его друзья.

Четыре часа. Без десяти. Народу было немного — между ланчем и ужином. Я заказала себе капучино и уставилась в улицу, стараясь не выглядеть так, будто жду. Мой телефон лежал на столе, как маленький чёрный талисман безопасности.

Он пришёл ровно в четыре. Не попал в поле зрения сразу — вошёл бесшумно, как тень. Я заметила его, только когда он уже стоял у стойки, спрашивая что-то у Мартина. Тот кивнул в мою сторону.

Лео в жизни оказался выше, чем на фото. Плечи шире. Движения — экономичные, без лишней суеты. Та самая ко-

жанная куртка, тёмные джинсы. Когда он подошёл, я почувствовала не «вибрации», а нечто более осязаемое — запах дождя, кожи и чего-то тёплого, пряного, возможно, табака. Он сел напротив, и его глаза, тёмно-серые, почти чёрные, медленно осмотрели меня. Не как товар. Как собеседника.

— Мэйв, — сказал он. Голос был ниже, чем я ожидала, с лёгкой хрипотцой. — Кот-начальник отпустил.

— Пока что, — я сделала глоток кофе, чтобы скрыть лёгкую дрожь в руках. — Если я вовремя не вернусь с данью в виде тунца, будут проблемы.

Он слегка улыбнулся. Улыбка не делала его лицо мягче, скорее, подчёркивало резкость черт.

— Заказать тебе что-то? Или кофе хватит для полного счастья?

— Кофе хватит, спасибо.

Я смотрела на него, пытаюсь уловить... что-то. Ту самую человеческую опасность. Она была. В спокойствии его взгляда, в том, как он сидел — расслабленно, но готовый в любой момент сорваться с места. В нём не было ничего демонического. Он был плотью и кровью. И это странным образом

успокаивало.

Он заказал эспрессо у подошедшей Лены, которая бросила на нас с ним многозначительный взгляд, полный одобрения и любопытства.

— Так, — начал он, когда Лена удалилась. — Разводишь кофе, сарказм и пакости. Конкретизируй насчёт пакостей. Мелкое хулиганство или что-то посерьёзнее?

Разговор пошёл. Он умел слушать. Задавал неожиданные вопросы, не скатываясь в шаблонный допрос. Говорил немного, но по делу. Рассказал, что работает автослесарем «на себя», что любит старые мотоциклы (у меня ёкнуло сердце, но я подавила это), что терпеть не может фальшь. Он был... честным. В своей сдержанной угрюмости.

И всё это время я ловила себя на том, что сравниваю. Не специально. Это происходило само. Голос Лео — низкий, земной. Голос того — холодный, с металлическими обертонами. Взгляд Лео — прямой, оценивающий, но без того всепоглощающего, хищнического интереса. От Лео не исходило ощущения, что тебя разбирают на молекулы.

И по мере того как шли минуты, я начала расслабляться. Это было просто. Приятно даже. Никакого давления. Ника-

кой мистики.

— Тебе часто приходится отшивать назойливых поклонников? — спросил он вдруг, отхлебнув свой эспрессо. — Просто вид у тебя... будто привыкла к вниманию. И не всегда желательному.

Вопрос застал врасплох. Воспоминание о гонках, о пьяном парне, о Эйдене, отстранившем его, всплыло с неприятной чёткостью.

— Бывает, — уклонилась я. — Лондон — город большой. Идиотов хватает.

— Согласен, — кивнул он. — Особенно в определённых кругах. Мажорных, что ли.

Я насторожилась. Совпадение?

— На мажоров не нарывалась, — соврала я. — В основном свой народ — простой и... понятный.

Он посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом, будто видел не только моё лицо, но и те тени, что за ним прятались.

— Понятный— это хорошо, — сказал он наконец. — С понятным всегда знаешь, чего ждать.

Наше свидание длилось около часа. Мы допили кофе. Он заплатил за оба, несмотря на мои протесты. У выхода он немного помедлил.

— Было интересно, Мэйв, — сказал он. — Не часто встречаешь... таких искренних.

— Искренних? — я улыбнулась. — Или просто наглых?

— Грань тонкая, — он улыбнулся в ответ, и в этот раз улыбка коснулась его глаз. — Можно повторить? На следующей неделе? Может, куда-нибудь, где нет твоего начальника-кота?

Я колебалась всего секунду. Он был нормальным. Безопасным. Противоположностью всему тому, что тревожило меня последние дни.

— Да,— сказала я. — Думаю, можно.

Мы обменялись номерами — настоящими, не через приложение. Он кивнул на прощание и растворился в толпе на улице.

Я стояла у дверей кафе, чувствуя странную опустошённость. Всё прошло хорошо. Идеально, даже. Так почему же на душе было беспокойно? Как будто я только что сыграла роль «нормальной девушки» и сыграла её слишком хорошо.

Когда я вернулась за свой телефон, Лена уже была рядом.

— Ну?— прошипела она. — Детали! Он выглядит... брутально. В хорошем смысле.

— Всё было нормально, — сказала я, собираясь. — Мило. Понятно. Без сюрпризов.

— И это плохо? — не поняла Лена.

Я не знала, что ответить. Потому что для любой другой девушки это было бы хорошо. А для меня, которая уже почувствовала вкус запретного, опасного, нечеловеческого... «нормально» вдруг показалось пресным. Как будто я, сама того не желая, сравнила вспышку молнии с безопасной, тусклой лампочкой.

И самая ужасная мысль, которая пришла мне в голову, пока я поднималась к себе в комнату, была такой: я только что назначила второе свидание с нормальным парнем. А всё моё существо, каждая встревоженная клеточка, ждало не его, а

чего-то совсем другого. Ждало новой встречи с тем, от кого следовало бы бежать без оглядки.

Я поймала себя на том, что вглядываюсь в переулок из окна, не в поисках Лео, а в тщетной надежде увидеть чёрный силуэт на мотоцикле или тень на пожарной лестнице.

— Чёрт, — прошептала я в тишине комнаты. — Я влипла. И это совсем не та проблема, о которой думала Лена.

С Лео всё шло... пугающе легко. Как по накатанной колее. Мы встречались на кофе ещё два раза, ходили в кино на какой-то громкий блокбастер, где он смеялся над плохими диалогами, а я украдкой наблюдала за его профилем в полумраке зала. Он оказался не тем отморожком, которым мог показаться на фото. Суровым — да. Закрытым — безусловно. Но в нём была какая-то старая, почти усталая честность. Он не играл в игры. Если говорил «мне нравится с тобой», это не было пустым комплиментом, а констатацией факта, произнесённой с лёгким удивлением, будто он и сам такого от себя не ожидал.

Мы общались почти каждый день. Короткие сообщения утром («Как твой тиран-кот?»), обмен парой фраз днём, иногда — разговор по телефону вечером, когда он заканчивал работу в гараже. Его голос по проводу был ещё более низ-

ким, размытым статикой, и от этого земным, настоящим. Он стал моим якорем в той реальности, где не было места демонам, сиренам и ночным кошмарам. Он был плотью, кровью, маслом и металлом. И мне это нравилось. Мне нужно было, чтобы это нравилось.

Поэтому, когда через пару недель он, запинаясь больше обычного, спросил:

— Эй, может, завтра заскочишь ко мне? Не в гараж, — он фыркнул, — у меня там вечная вонь бензина. А домой. Я... я могу приготовить ужин. Если, конечно, не испугаешься моего кулинарного искусства, — я согласилась почти не раздумывая.

— Не испугаюсь, — ответила я, и в голосе прозвучала та самая лёгкость, которой я так жаждала. — Но предупреждаю, если это будут чипсы и магазинный соус, свидание будет сорвано.

Он рассмеялся, и этот звук, грубоватый и искренний, согрел что-то внутри.

Но когда я положила телефон, лёгкость испарилась, оставив после себя знакомую, нервную дрожь. Пойти к нему домой. Это был шаг. Серьёзный шаг в этих наших «ничего се-

рьёзного». Шаг, который логически вытекал из всех предыдущих, но теперь, когда он стал реальностью, заставил меня задрожать. Не из-за Лео. Из-за себя. Из-за того, что я делала это — сознательно строила что-то человеческое, простое, пока другая часть меня, та самая рыжая бестия с даром-проклятием, сидела на привязи и выла на луну, которую она не видела из окна над кафе.

Вечером, собираясь, я дольше обычного крутилась перед зеркалом. Надела тёмно-зелёное платье — не вычурное, но подчёркивающее талию, и сапоги, в которых можно было и бежать, если что. Тётя Роза, увидев меня на лестнице, подняла бровь.

— Важное свидание?

— Ужин,— коротко ответила я, избегая её взгляда.

Она ничего не сказала, только вздохнула. Этот вздох говорил больше тысячи слов: «Будь осторожна. Помни, кто ты».

Я помнила. Каждую секунду.

Лео жил недалеко, в переоборудованном лофте над каким-то складом в индустриальной зоне. Место было brutальным, но ухоженным. Лифт, больше похожий на грузовой, с скрежетом поднял меня на нужный этаж. Он открыл дверь

ещё до того, как я успела постучать. Был в простой тёмной футболке и джинсах, босиком. От него пахло душем и чем-то пряным — возможно, тем самым соусом, который он готовил.

— Входи, — он улыбнулся, отступая вглубь. — Добро пожаловать в моё скромное обиталище.

Пространство было огромным, с высокими потолками и голыми кирпичными стенами. Одна сторона была отдана под жилую зону: большой диван, низкий стол из старого поддона, полки с книгами и деталями мотоциклов. Другая — под кухню-мастерскую, где среди кастрюль мирно уживались гаечные ключи. Везде царил строгий, мужской порядок. И было... уютно. По-своему.

— Не то, что ожидала от слесаря, да? — он провёл рукой по затылку, слегка смущённо. — Получил в наследство от дяди. Пришлось вкладываться, но оно того стоило.

— Это потрясающе, — искренне сказала я, снимая куртку. Он взял её и аккуратно повесил на крючок у двери. Простой жест, но он почему-то тронул.

Ужин он, к моему удивлению, приготовил действительно сам. Стейки, которые оказались идеальной прожарки, и са-

лат, где было не слишком много всего. Мы ели за тем самым столом из поддона, при свете одной большой лампы, и разговаривали. О его работе, о моих планах когда-нибудь выучиться на что-то большее, чем официантка, о его любви к старым «японцам» и моём скептическом отношении ко всему, что имеет два колеса и ревьёт.

Вино было тёмным, терпким, и с каждым глотком напряжение в моих плечах таяло. Я смеялась всё чаще, ловила его взгляд и не отводила глаза сразу. Это было просто. Приятно. Нормально.

После ужина мы перебрались на диван. Он поставил какую-то старую блюзовую пластинку — винил, не потоковую музыку. Скрип иглы, хриплый голос гитариста. Он сидел на почтительном расстоянии, его рука лежала на спинке дивана позади меня, не касаясь.

— Знаешь, Мэйв, — сказал он задумчиво, глядя в темноту за окном. — Ты... какая-то другая. Не такая, как все.

Моё сердце пропустило удар. «Другая» — самое опасное слово в моём лексиконе.

— Плохая разная или хорошая? — попыталась отшутиться я.

— Не знаю ещё, — он повернулся ко мне. Его лицо в полумгле казалось ещё более резким, но глаза были мягкими. — Просто... у тебя есть какая-то глубина. Что-то, что ты прячешь. И мне интересно, что это.

Его слова были ключом, который мог открыть дверь, которую я держала на замке. Но вместо страха я почувствовала... благодарность. Он видел не просто рыжую официантку. Он видел что-то. И это не пугало его. Интересовало.

— Может, когда-нибудь расскажу, — прошептала я.

Он кивнул, не настаивая. Потом его рука с дивана медленно опустилась, и его пальцы коснулись моих распущенных волос, просто провели по ним. Прикосновение было тёплым, осторожным. Не требовательным. Предлагающим.

И я поддалась. Наклонилась, закрыла расстояние между нами и поцеловала его. Это был медленный, тёплый поцелуй. Без той всепоглощающей, опасной искры, что могла бы исходить от кого-то другого. Но в нём была нежность. И уважение. Его губы были твёрдыми, но податливыми, его рука легла на мою талию, притягивая ближе, но не сжимая.

Один поцелуй перешёл в другой. Потом в третий. Музыка

играла где-то на фоне. Его руки скользили по моей спине, разжимая молнию платья с той же уверенностью, с какой, наверное, разбирал двигатель. Но без спешки. С вопросом в каждом движении: «Можно?»

И я отвечала. Своими руками, снимая с него футболку, касаясь шрамов на его плечах и груди — свидетельств другой жизни, может, уличных драк, может, несчастных случаев в гараже. Он вёл меня не на кровать, а прямо там, на широком диване, под мягким светом лампы.

Было... хорошо. Неторопливо, внимательно, тепло. Он заботился о моих ощущениях, его прикосновения были уверенными, но не жадными. Когда мы нашли ритм, я закрыла глаза и позволила себе раствориться в простых, физических чувствах: тепло его кожи, тяжесть его тела, прерывистое дыхание у моего уха. Это был секс без бури. Без одержимости. Без ощущения, что тебя пожирают. Просто соединение двух одиноких людей, которые нашли друг в друге временное пристанище.

В финале он прижал меня к себе, и его сдавленный стон был больше похож на облегчение, чем на триумф. Мы лежали, сплетённые, слушая, как бьются наши сердца, постепенно замедляясь. Он не отпускал.

— Останься, — прошептал он мне в волосы. — Останься на ночь.

И я кивнула. Потому что это было логично. Потому что его постель, на которую мы потом перебрались, пахла им — кожей, мылом, чистотой. Потому что засыпать в чьих-то крепких, человеческих руках казалось лучшей защитой от любых ночных кошмаров.

Я уснула быстро, убаюканная его размеренным дыханием. Но глубокой ночью проснулась от своего же собственноручного вздрагивания. Сон был смутным, обрывчатым: не Лео, а другой силуэт стоял в темноте моей комнаты. Не его руки, а чьи-то другие, холодные, водили по моей коже. И не его голос, а низкий, бархатный, звучал в ушах: «МОЕ».

Я резко открыла глаза, сердце колотилось. Лео спал рядом, лицом к стене, его спина поднималась и опускалась ровно. Всё было тихо. Безопасно.

Я осторожно выскользнула из-под одеяла, накинула его футболку и подошла к огромному окну, выходящему на пустынные в ночи крыши складов. В стекле отражалось моё бледное лицо с широко раскрытыми глазами.

Всё прошло идеально. Всё было так, как советовала Лена:

новый человек, новая близость, простая, приятная встряска. Так почему же теперь, после всего этого, я чувствовала не удовлетворение, а опустошение? Как будто я только что доказала себе, что могу быть нормальной. И доказала, что это — не то, чего я на самом деле хочу.

Я посмотрела на спящего Лео. Он был хорошим человеком. Настоящим. И я, предательски, уже чувствовала тяжесть этого «хорошо». Оно было похоже на тёплую, мягкую клетку.

А за окном, в холодной лондонской ночи, таилось что-то иное. Острое, как лезвие, опасное, как падение, и манящее, как пропасть. И часть меня, та самая, которую я пыталась сегодня усыпить, тянулась к этому с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

— Чёрт, — беззвучно прошептала я в отражение. Проблема была не в Лео. Проблема была во мне. Я пыталась убежать от того, что было частью меня самой. И эта ночь, вместо того чтобы освободить, только крепче затянула узлы.

# Глава 11. Эйден

Одержимость — это не то слово.

Это не она. Это оно. Чудовище под кожей, мой настоящий отец, мой проклятый дар. Оно проснулось, когда её голос коснулся моего слуха на гонках. Не песня, нет. Просто смех, перекрывающий рёв моторов. Но этого хватило. Что-то в глубине моего чрева, закованное в цепи веками холодного контроля, дёрнулось, как пёс на привязи, почуявший кровь.

Оно заявило права.

Моё.

С тех пор я не могу дышать. Воздух в этом проклятом городе стал густым, липким, он не даёт лёгким расправиться. Она везде. В запахе дождя, смешанного с асфальтом — я вдыхаю и чувую сладковатый оттенок её шампуня. В шуме трамвая на улице — слышу отголоски её голоса. Я закрываю глаза, а они проецируют на веки не её лицо — мне, как маньяку, важны детали. Рыжие веснушки на переносице, будто золотая пыль. Зелёный цвет глаз, меняющий оттенок, как морская вода в заливе. Маленькая родинка у уголка губ, куда

так и хочется прикоснуться кончиком языка, чтобы почувствовать, как её губы задрожат.

Я стоял в тени напротив её кафе три ночи подряд. Просто смотрел на квадрат её окна. Свет зажигался, гас. Иногда мелькала тень. Однажды она подошла к окну, задумавшись, смотрела в ночь. Прямо на меня. Не видя. Мои пальцы впились в кирпичную кладку так, что крошился раствор. Она была в десяти метрах. Тёплая, живая, дышащая. Моя. И между нами — стекло, бетон, правила этого жалкого мира и её полное, невежественное непонимание того, кто она. И кто я.

Отец почуял моё отвлечение. Конечно, почуял. Николас Мортвель не пропускает слабостей. Он превратил её в задание, в отчёт. «Оцени угрозу. Или потенциал». Я кивнул, как хороший солдат Маммона. Но внутри рычало. Она не «угроза» и не «потенциал». Она — искра в крошечной тьме моей вечности. Она — единственное, что заставило эту вечность хоть на мгновение перестать быть невыносимой.

А потом пришла информация. Просто строчка в отчёте, который мне прислали по другой причине. Наблюдение за объектом «Рыбка» (так я назвал её в своих файлах, и это имя, такое простое, такое моё, сводит меня с ума). Контакт с женщиной. Лео Марш. Бывший военный. Автослесарь. Сви-

дание.

Когда я прочитал это, в комнате погас свет. Нет, буквально. Лампы на потолке лопнули с тихим хлопком, осыпая осколки на персидский ковёр. Тьма была абсолютной и очень короткой. Потому что из моей кожи, из-под ногтей, из глубины глазниц рванулся адский, невидимый для смертных глаз свет. Багровый. Яростный. Он отбрасывал на стены искажённые, рогатые тени. Я услышал хруст — это мои пальцы сжали края стола из ценной породы дерева, и он треснул посередине, как спичка.

Нет.

Это было не моё решение. Это был рев зверя в клетке. Чёрная, липкая ярость, которой не было конца. Я видел его. Этого... Лео. Его грубые рабочие руки на её талии. Его губы на её родинке. Его человеческое, ничтожное тело, прижатое к её сияющей, поющей плоти. Картина была настолько чёткой, настолько реальной, что в горле встал ком соли и серы. Я хотел рвать. Крошить. Стирать в пыль.

Я не помнил, как оказался на улице. Дождь хлестал по лицу, но не гасил жар под кожей. Мне нужно было движение. Скорость. Боль. Мне нужен был он.

Люк жил в пентхаусе с панорамным видом на Темзу. Вид был ему абсолютно похуй, как и почти всё, кроме красивых женщин, дорогого виски и острых ощущений. Я вломился к нему без звонка. Портал развернулся прямо в его гостиной, содрав обои и опалив паркет.

Он сидел на диване, босой, в шелковом халате, распахнутом на голой, мускулистой груди. На коленях у него сидела румяная брюнетка, тоже в халате, а точнее — в его халате. Она вскрикнула, увидев меня. Вид у меня был, видимо, подходящий.

— Эйден? Что за хуйня? — Люк не сдвинулся с места, лишь поднял бровь. Его глаза, цвета тёмного мёда, скользнули по мне, оценивая состояние.

— Выходи, — прорычал я. Голос звучал чужим, с низким, гравийным демоническим подтоном. — Надо поговорить.

Брюнетка смотрела на меня, как на привидение. Люк вздохнул, шлёпнул её по бедру.

— Солнышко, жди в спальне. Налей себе вина. Я скоро. Она не заставила себя ждать дважды, юркнув прочь. Люк лениво поднялся, затянул пояс на халате и направился к мини-бару.

— Вискарь? По твоей роже вижу — только чистый, без

льда.

— Она встречается с кем-то, — выпалил я, игнорируя его вопрос. Я стоял посреди комнаты, вода с моего кожаного пальто капала на ковёр, но я не мог заставить себя двигаться. Каждый мускул был натянут как струна.

Люк налил два бокала, протянул один мне.

— Кто? А, твоя Рыбка. Ну и что? — Он сделал большой глоток, смакуя. — Милые создания, эти смертные. Им положено встречаться, трахаться, заводить детишек. Это их убогий цикл счастья.

— Нет, — слово вырвалось как пуля. Я выхватил у него бокал и швырнул его в стену. Хрусталь разлетелся на тысячи мелких осколков, виски потекла по дереву тёмной рекой. — НЕТ. Она не может.

Люк откинул голову и рассмеялся. Здорово, искренне.

— О, боже. Смотри-ка на него. Демон Мортвель, надзиратель, правая рука князя. Взорвался из-за девчонки-официантки, которая даже не знает, что ты не чистишь зубы по утрам, а выскребаешь из-под ногтей останки грешников. Патологично, брат.

— Ты не понимаешь, — я подошёл к нему вплотную. Тень

от моей фигуры накрыла его. В ней что-то шевелилось. — Она... Она не просто девчонка. Когда она рядом, тишина в голове прекращается. Этот вечный вой... он стихает. Я слышу только её. Чую только её. Она задевает струну внутри меня, Люк. Ту самую. О которой все говорят, но которую никто не может найти.

Усмешка с лица Люка сползла. Его глаза сузились, изучающе. Он отставил свой бокал.

— Ты серьёзно. Ты думаешь, она... твоя заклинательница? Та самая, что может заставить петь кровь демона? Легенда для романтичных ублюдков и идиотов.

— Я не думаю. Я знаю. Я почувствовал это, — я повернулся, сжал кулаки. Визуализация снова накатила: её смех, её губы, чужие руки на ней. — И сейчас этот... этот мусор по имени Лео думает, что может к ней прикоснуться. Что может вдохнуть её воздух. Что может сделать её счастливой.

— А ты что, можешь? — голос Люка стал тише, но острее. — Сделать её счастливой? Эйден, посмотри на себя. Ты — сын Николаса и Эллы. В тебе намешано всё самое порочное из двух миров. Ты охраняешь порядок, ломая кости. Ты успокаиваешь свою тьму, вспарывая животы тем, кто посмел на тебя косо посмотреть. Какой девушке, даже не совсем человеческой, это нужно? Ей нужен простой парень с гаражом.

Который пахнет машинным маслом, а не серой. Который подарит ей цветы, а не оторванную голову обидчика.

Его слова жгли, как раскалённые иглы. Потому что в них была правда. Голая, уродливая правда.

— Я не хочу дарить ей цветы, — прошипел я. — Я хочу... я хочу, чтобы она была моей. Только моей. Чтобы её запах был на моих простынях. Чтобы её голос звучал в моих комнатах. Чтобы её страх, её страсть, её гнев — всё это было направлено на меня. Я хочу поглотить её свет, Люк. Не потушить. Поглотить. Сделать частью своей тьмы. Чтобы она светилась изнутри меня.

Наступила тишина. Люк смотрел на меня долго, а потом медленно кивнул.

— Вот теперь ты говоришь как настоящий демон. Не как влюблённый щенок, а как хищник. Ладно. Что будем делать с этим... Лео?

Я закрыл глаза. И наконец позволил картинам, которые крутились в голове, обрести форму. Чёткую, детальную, восхитительную.

— Я хочу, чтобы он исчез. Не просто умер. Чтобы его стёрли. Чтобы не осталось ни воспоминания, ни намёка. Чтобы Мэйв думала, что он просто сдулся. Сбежал. Как все они.

— И как ты это видишь? — в голосе Люка снова зазвучал интерес. Авантюра. Его родная стихия.

Я открыл глаза и посмотрел на него. Вся ярость ушла, сменившись ледяной, абсолютной сосредоточенностью.

— Я вызову его. Поговорю. Объясню, кто такая Мэйв. Кто я. И что происходит с теми, кто лезет на мою территорию.

— Объяснишь? Словами? — Люк фыркнул.

— Словами, — я согласился, и тонкая, хищная улыбка тронула мои губы. — И всем остальным, что последует за ними. Мне понадобится твоя помощь. И место. Тихое место.

Люк выпил остатки виски, и его глаза заблестели.

— У меня как раз есть подвал. Сейчас не занят. Скучно стало, честно говоря.

— Хорошо, — я повернулся к выходу, к своему portalу, который всё ещё пульсировал багровым светом в углу комнаты. — Договоримся о встрече с ним. Завтра. Скажи ему... скажи, что это по поводу редкой детали для его мотоцикла. Он придёт.

— А потом? — спросил Люк, и в его голосе я услышал то же нетерпение, что бушевало во мне.

— А потом, — я сказал, уже шагая в разрыв реальности, — я научу его, что такое настоящая боль. И когда он будет молить о смерти, я напому ему, почему всё это началось. Из-за одной девушки. Которую он никогда не должен был трогать.

Потому что она моя. И скоро она это узнает. Не через цветы и дурацкие свидания. А через кровь, страх и непреложную истину нашего мира: некоторые вещи принадлежат тебе не потому, что ты их заслужил. А потому, что ты сильнее. И готов растоптать любого, кто посмеет в этом усомниться.

Тьма приняла меня, и в её объятиях наконец-то стало спокойно. Был план. Была цель.

Сообщение от Люка пришло на рассвете. Просто адрес и одна фраза: «Готово. Не трогал. Ждёт будильника».

Я лежал на кровати в своей пентхаусе, глядя в потолок, где играли отблески неоновых огней с улицы. Последние несколько часов я провёл, оттачивая детали в уме. Каждое движение. Каждое слово. Каждый срез. Это был не просто акт насилия. Это был ритуал. Посвящение моей новой одержимости. Очищение.

Я встал и стал собираться методично, как хирург перед операцией. Чёрные джинсы, чёрная футболка, поверх — длинный кожаный фартук, который я обычно использовал в менее... деликатных делах. Он не пропускал жидкость. Я выбрал инструменты не из демонического арсенала, а из человеческого. Что-то в этом было более унизительно. Обычная ножовка по металлу с острыми, частыми зубьями. Набор столярных стамесок разной ширины. Медицинский скальпель. Промышленный паяльник. Всё это я аккуратно разложил в металлическом чемоданчике.

Перед уходом я подошёл к окну, выходящему в сторону её района. Кафе ещё спало. Её окно было тёмным. Я представил, как она ворочается в постели, может быть, видит сны. Может быть, о нём. Последние мысли о нём, которые ей суждено было иметь.

— Скоро, Рыбка, — прошептал я в стекло, и моё отражение улыбнулось мне оскалом, в котором не было ничего человеческого. — Скоро ты будешь думать только обо мне.

Подвал оказался под заброшенным складом в Доклендсе. Сыро, пахнет плесенью, ржавчиной и крысиным помётом. Идеально. В углу, под единственной лампочкой, тускло освещавшей пространство, на старом деревянном стуле сидел Лео.

Люк проделал хорошую работу. Лео был привязан к стулу прочным кабелем, руки за спиной, ноги к ножкам. Голова безвольно свисала на грудь. Рядом на бочке стоял ведро с водой и полотенце. Люк, верный своим принципам, сидел на другой бочке в дальнем углу, играя на телефоне, будто ожидал начала сеанса в кино.

— Он цел? — спросил я, ставя чемодан на верстак.

— Целее некуда, — отозвался Люк, не отрываясь от экрана. — Немного эфира для спокойствия. Очнётся, как миленький. Развлекайся. Я тут посижу, посмотрю. Скучно, знаешь ли.

Я кивнул, подошёл к ведру, намочил полотенце и с силой швырнул мокрую тряпку Лео в лицо.

Тот дёрнулся, закашлялся, заморгал. Сознание медленно возвращалось в его глаза. Сначала растерянность, потом страх, потом попытка собрать остатки бравады, которая так свойственна его типу. Он огляделся, увидел меня, увидел Люка. Напряг мышцы, попытался порвать крепления.

— Что за херня? — его голос был хриплым, но пытался звучать твёрдо. — Кто вы? Что вам нужно? Деньги?

Я молча подкатил к нему другой стул и сел напротив, в метре от него. Сложил руки на коленях. Рассматривал его. Да, он был крепким. Шрамы на руках, коротко стриженные волосы, квадратная челюсть. Типичный «настоящий мужик». Тот, кто должен был защищать таких, как Мэйв. Смешно.

— Лео Марш, — сказал я тихо. Голос в подвале прозвучал чётко, эхом отражаясь от стен. — Тридцать два года. Бывший капрал. Автослесарь в гараже на Хэрни. Любишь собак, американские маслкары и пиво определённой марты. Встречаешься с Мэйв Келлан. Планировал свидание на кофе сегодня в четыре.

Его глаза округлились. Страх сменился полным недоумением.

— Откуда ты... Слушай, если это из-за старых долгов...

— Это не из-за долгов, Лео, — я перебил его, наклонившись вперёд. — Это из-за Мэйв.

Он замолчал, пытаюсь понять.

— Мэйв? Что... Она в порядке? Вы что, взяли её?!

В его голосе прорвалась искренняя тревога. Это бесило

меня ещё больше. Он осмелился волноваться за неё.

— Пока что — в полном порядке, — ответил я. — Но её благополучие теперь напрямую зависит от тебя. А точнее — от твоего понимания.

— Какого понимания? Кто ты такой? — он снова рванул связки, вены на шее набухли.

— Меня зовут Эйден Мортвель, — представился я, наблюдая, как это имя отскакивает от его сознания. Оно ничего не говорило ему. Он был никем. Мусором. — И Мэйв Келлан принадлежит мне.

Он замер, потом фыркнул, и в его глазах мелькнуло презрение.

— Охренел? Она никому не принадлежит. Она свободный человек. И кто ты такой, чтобы так говорить? Её бывший, что ли?

«Бывший». Какое жалкое, человеческое слово.

— Я не её прошлое, Лео. Я её будущее. И всё, что между вами — это досадная ошибка. Ошибка, которую я здесь, чтобы исправить.

Я поднялся, подошёл к верстаку и открыл чемодан. Звон

металла о металл был звонким и чистым в тишине подвала. Я выбрал скальпель. Лезвие блеснуло под лампочкой.

— Что ты собираешься делать? — голос Лео потерял всю свою твердость, в нём зазвенела дрожь.

— Объяснять, — сказал я, возвращаясь к нему. — Но, видишь в чём дело, слова, похоже, до тебя не доходят. Ты служил. Ты должен понимать язык силы. Язык последствий.

Я подошёл к нему вплотную. Он попытался откинуться, но стул был неподвижен.

—Пожалуйста... — начал он.

— Молчи, — я провёл тыльной стороной лезвия по его щеке. Холодный металл заставил его вздрогнуть. — Ты думал о ней. Ты планировал прикоснуться к ней. Этими руками. Этими губами. Ты представлял, как она будет твоей. В этом твоя вина. В этих мыслях.

Я опустил скальпель ниже. К горлу. Провёл тонкую линию, неглубокую, но достаточную, чтобы выступила капля крови. Он замер, боясь пошевелиться.

— Я сейчас просто уйду, — прошептал он, и в его глазах стояли слёзы. Слёзы унижения и страха. — Я больше не буду

с ней видется. Клянусь. Я исчезну.

— О, я знаю, что ты исчезнешь, — согласился я. — Но дело не в обещаниях. Дело в уроке. Уроке для тебя. И для неё, на всякий случай, если в её голову когда-нибудь закрадётся мысль о другом. Нужно устранить сам инструмент преступления. Источник этих пошлых, человеческих фантазий.

Мой взгляд скользнул ниже его пояса. Он последовал за ним, и его лицо исказилось чистым, животным ужасом.

— Нет... Нет, только не это... Боже, нет...

— Какой «Боже»? — я удивлённо поднял бровь. — Его здесь нет. Здесь есть только я.

Я отложил скальпель и взял со стола прочный ремешок с пряжкой. Быстрым, отработанным движением я затянул его у самого основания его паха, выше того, что мне было нужно. Туго, до побеления кожи. Медицинский приём. Чтобы уменьшить кровопотерю. Ненадолго.

Лео закричал. Долгий, пронзительный крик, который разорвал тишину подвала. Он бился, стул скрипел по бетону.

— Люк, — позвал я, не оборачиваясь.

Сзади раздались шаги. Люк подошёл и с силой прижал

стул к полу, а другой рукой зажал Лео рот.

—Тихо, герой, — процедил Люк. — Испортишь нашему художнику настроение.

Я снова взял скальпель. Лезвие было безупречно острым. Я наклонился. Мне даже не пришлось рвать ткань — Люк, с присущим ему мерзким эстетизмом, уже подготовил «рабочее место», разрезав джинсы и бельё.

— Это не из личной ненависти, Лео, — сказал я спокойно, как врач перед уколом. — Это метафизика. Ты преступил границу. И за это следует кастрация в самом буквальном смысле. Устранение твоего мужского начала. Чтобы ты помнил. Чтобы твоё тело помнило. Даже если сознание откажется.

Я приставил лезвие к коже. Холодно, методично. И начал резать.

Не буду описывать звук. Не буду описывать его глаза. Не буду описывать, как дергалось его тело в немых конвульсиях, когда Люк продолжал держать ему рот. Это было... технично. Через несколько мгновений, которые, уверен, для него растянулись в вечность, я перерезал последние связки и сухожилия.

Оно было у меня в руке. Тёплое, обмякшее, жалкое.

Я поднял его перед его лицом. Его глаза, полые, потухшие, были прикованы к этому клочку плоти, который ещё час назад был частью его идентичности, его мужественности, его фантазий о Мэйв.

— Видишь? — прошептал я. — Вот что происходит с теми, кто засматривается на моё. Теперь ты — ничто. Ни мужчина, ни женщина. Ни воин, ни любовник. Ты — предупреждение. Самому себе и всем остальным.

Я бросил отсечённую плоть в металлическое ведро, которое стояло рядом. Звук был глухим, влажным.

Люк отпустил его. Лео не кричал. Он беззвучно открывал и закрывал рот, как рыба на берегу, его взгляд был устремлен внутрь себя, в глубину невообразимой боли и крушения всего мира.

Я взял паяльник, включил его в розетку. Через минуту кончик раскалился докрасна.

— Теперь нужно прижечь, — пояснил я, хотя он уже ничего не слышал. — Чтобы ты не истёк кровью. Ты же не должен умереть. Не сразу.

Шипение и запах горелой плоти заполнили подвал, когда я приложил раскалённый наконечник к ране. Тело Лео выгнулось в последней, бессознательной судороге, и затем он, наконец, отключился, погрузившись в милосердный шок.

Я выключил паяльник, отложил его. Вытер руки о фартук. Дело было сделано.

Люк присвистнул, глядя на мою работу.  
— Жестко. Даже для тебя. Что дальше?

— Дальше, — сказал я, снимая окровавленный фартук, — ты отвезёшь его куда-нибудь далеко. В другой город. Выбросишь у больницы. Пусть живёт. Если сможет.

— А Мэйв? Что ей сказать, когда она начнёт искать своего героя?

Я посмотрел на бездыханное тело Лео, на ведро, на свою окровавленную, но спокойную руку.

— Она найдёт пустоту. И в этой пустоте... появится я. Она будет недоумевать, будет злиться, будет плакать. А я буду там. Чтобы подобрать её осколки. И собрать их уже по-своему.

Я повернулся и пошёл к выходу, оставляя за собой тём-

ный подвал, запах крови и сожжённой плоти, и тихий стон, вырывающийся из губ того, кто перестал быть человеком, но ещё не стал трупом.

На душе было спокойно. Чисто. Право было утверждено. Территория помечена. Теперь можно было переходить к следующему этапу. К ней.

Моя Рыбка. Скоро ты будешь только моей.

В моем кармане лежал лист бумаги, сложенный вчетверо. Не цифровая заметка в телефоне, а именно бумага. В этом был свой ритуал. Свой шифр. Карта сокровищ, где сокровищем было её время.

Её распорядок. Версия 3.2.

· 06:45 — Пробуждение. Свет в окне спальни включается почти минута в минуту. Ранняя пташка, моя Рыбка. Связано ли это с её сиреней природой? С восходом солнца? Или она просто не может спать, чувствуя зов глубин, даже в каменных джунглях Лондона?

· 07:00-07:30 — Душ. Шторы в ванной никогда не задернуты до конца. Щель в два дюйма. Достаточно, чтобы в бинокль с крыши соседнего дома увидеть смутный силуэт под струями воды, движение рук, запрокинутую голову. Иногда

она поёт. Тихо, себе под нос. Даже через стекло, бетон и расстояние эти обрывки звука заставляют мою кровь сгущаться и петь в ответ. Я закрываю глаза и позволяю этому чувству поглотить меня. На несколько минут.

· 07:45 — Спуск в кафе. Через черный ход. Она помогает тётке, Розалинде, с утренней выпечкой. Я знаю запах, который царит там в это время: горячее масло, корица, её собственный, медово-цитрусовый аромат, смешанный с запахом теста.

· 09:00-16:00 — Работа официанткой. Здесь всё расписано по минутам. Подходы к столикам, маршруты между кухней и залом, её «заряженные» места у окна и у бара, где она делает паузы, чтобы украдкой проверить телефон. Я знаю её постоянных клиентов. Знаю, кому она улыбается искренне (пожилой мистер Эдгарс, который всегда оставляет чаевые монетами), а кому — через силу (группа бизнес-ленчей с похабными шутками). Я видел, как она мысленно считает часы до конца смены, постукивая кончиком кроссовка о ножку стула. Этот ритм стал моим собственным пульсом.

· 16:15 — Курьерская смена. Она забирает посылки из кафе. Её маршруты я знаю наизусть. От кафе до типографии на Бейкер-стрит — 12 минут пешком, если не светит солнце и она не замедлится у витрины с книгами. От типографии до антикварной лавки в Сохо — 7 минут на автобусе номер 19, она всегда садится у задней двери. Я следовал за ней в разных обличьях: на мотоцикле, в такси, пешком, в тени

порталов. Она никогда не замечала. Но её плечи иногда напрягались, она оборачивалась, проводя рукой по задней части шеи, как будто чувствовала тяжесть моего взгляда. Инстинкт. Прекрасный, острый инстинкт добычи.

· 18:30 — Возвращение домой. Или к Джеку. Это было в расписании отдельной пометкой: «ДЖ. Дни варьируются. Обычно вт, чт, сб. Остается на ночь». Эти дни я ненавидел. Они выжигали во мне холодную, беззвучную ярость. Я стоял на улице, наблюдая, как свет в его окне гаснет, и представлял себе картины, от которых когти рвали изнутри мои ладони. Но я сдерживался. Джек был частью её старой жизни. Её якорь в человеческом мире. Вырвать его слишком грубо — значит рискнуть сломать её. Нет, ему предстояло исчезнуть медленно, постепенно, вытесненный из её жизни чем-то... кем-то... гораздо более мощным.

· Свободные вечера (пн, ср, пт, вс) — Непредсказуемы. Могла пойти в кино с подругами (Стеф, Лена). Могла засесть с ноутбуком у себя над кафе. Могла просто бродить по набережной, смотря на воду. Эти часы были и мукой, и лучшим временем для наблюдения. Я изучал её одиночество. Как она куталась в куртку, как наматывала прядь рыжих волос на палец, задумавшись. В эти моменты она была наиболее уязвима. Наиболее... доступна.

Сегодня была среда. Вечер. Согласно расписанию и моим последним данным, она должна была отправиться в район

Саут-Банк. Одна.

Я ждал её на мосту Ватерлоо, прислонившись к перилам. Дождь только закончился, оставив после себя зеркальный блеск на асфальте и запах озона. Я был не в своей коже, а в другой – более простой, менее заметной. Темное пальто, капюшон. Просто ещё одна тень в наступающих сумерках.

И вот она появилась.

Шла неспешно, в объемном свитере цвета ржавчины и потертых джинсах, руки засунуты в карманы. В наушниках. Она смотрела не на людей, а на огни, отражающиеся в темной воде Темзы. Её лицо было спокойным, почти отрешенным. Таким, каким я видел его лишь издалека.

Мое сердце (или то, что выполняло его функцию) ударило по ребрам с такой силой, что я почувствовал это физически. Моё. В десяти метрах. Живое, дышащее, абсолютно не подозревающее.

Я оттолкнулся от перил и пошел параллельно ей, с другой стороны моста, растворяясь в потоках людей. Она спустилась по ступеням на набережную. Купила стакан горячего шоколада в киоске. Прислонилась к парапету, смотря на проплывающие баржи. Я остановился у уличного музыкан-

та, притворяясь, что слушаю, но всё моё существо было настроено на неё. На каждый её вздох, видимый в холодном воздухе. На то, как она прихлебывала шоколад и морщила нос от горячего. На легкое покачивание в такт музыке, доносившейся из её наушников.

Она была прекрасна. Не в том прилизанном смысле, в каком это понимают люди. А в своём несовершенстве. В этих веснушках. В упрямом завитке волос, выбивающемся из-под шапки. В силе, скрытой в хрупких, на первый взгляд, запястьях. Она была живой загадкой, и я жаждал её не просто разгадать, а разобрать на части, чтобы понять устройство каждой детали, а потом собрать обратно – уже по-своему.

Она вдруг сняла один наушник и обернулась. Её взгляд скользнул по толпе. Мимо уличного артиста. Мимо влюблённой пары. Мимо меня.

И остановился.

Не потому что узнала. Нет. Но потому что почувствовала. Её брови чуть сдвинулись. Зелёные глаза сузились, пытаясь сфокусироваться в сгущающихся сумерках, отыскать источник того давления, которое она, несомненно, ощущала на затылке. Её пальцы сжали бумажный стаканчик.

Я не отвел взгляда. Пусть видит смутный силуэт в капюшоне. Пусть чувствует. Пусть привыкает к моему присутствию в её мире, даже не осознавая этого.

Мы смотрели друг на друга через поток людей, как два острова в бурном потоке. Секунду. Две. На её щеках появился легкий румянец – от холода или от чего-то ещё? Она отвела глаза первой, словно смутившись, и снова надела наушник, повернувшись к воде. Но её поза была уже не такой расслабленной. Спина напряглась. Она больше не пила шоколад, а просто держала стакан в руках, как щит.

Удовлетворение, тёплое и густое, как её напиток, разлилось по моим жилам. Она почуяла. Отравилась моим вниманием. Это был первый шаг. Первый настоящий контакт, пусть и безмолвный.

Я достал из кармана блокнот и карандаш. Открыл на странице с её расписанием. Рядом с пометкой «Ср. Вечер. Саут-Банк. Одиночество» я добавил от руки: «Реакция на наблюдение — положительная. Осведомленность на подсознательном уровне. Страх? Нет. Интерес. Настороженный интерес».

Я снова посмотрел на неё. Она всё ещё стояла там, но теперь её голова была слегка наклонена, будто она прислуши-

валась не к музыке, а к чему-то внутри. К эху моего взгляда.

С этого всё и начнется, Рыбка, — подумал я, пряча блокнот. — С осознания, что за тобой наблюдают. С понимания, что ты не одна. Со страха, который пахнет не опасностью, а чем-то запретным, манящим. А потом... потом я сделаю так, чтобы ты сама захотела обернуться и увидеть, кто стоит в тени. Чтобы ты сама сделала шаг в мою сторону.

И когда ты это сделаешь, пути назад уже не будет.

Я повернулся и растворился в лабиринте улочек, оставив её одну с её мыслями и стаканом остывающего шоколада. Но мы оба знали — теперь она была не одна.

Никогда уже не будет.

## Глава 12. Мэйв

Среда в кафе «Укромный уголок» выдалась унылой и слякотной. Дождь стучал в окна монотонным причитанием, отгоняя даже самых закоренелых любителей кофе. Я вытирала стойку барной тряпкой, выводя круги на полированном дереве, и старалась не думать. Не думать о Лео, который так и не пришел на то самое свидание и с тех пор словно сквозь землю провалился. Не думать о странной, тягучей тревоге, которая липла к ребрам с тех самых гонок. Не думать о его взгляде. Стальном, горящем, пригвождающем. О взгляде «того придурка», Эйдена Мортвеля.

— Ты опять в космос улетела, — голос Лены вернул меня на землю. Она сидела на любимом высоком стуле у окна, ковыряла вилкой кусок шоколадного брауни и смотрела на меня как на лабораторный экспонат. — Лео все еще не отвечает?

Я вздохнула, отбросила тряпку.

— Нет. И у него отключен телефон. Мартин вчера заезжал в тот гараж — сказали, что он не вышел на работу, не предупредил. Просто... исчез.

— Мужики, — Лена фыркнула, откусив брауни. —

Сплошное разочарование. Один — трус, слился. Другой... — она многозначительно подняла бровь в сторону окна, будто он мог стоять за стеклом, — какой-то придурок с гоночных треков, у которого, как поговаривают, руки по локоть в крови и проблемы с папенькой. Ты точно знаешь, где рыть.

— Я нигде не рою, — огрызнулась я, но без огонька. — И вообще, хватит. Поговорим о чем-нибудь другом. Как твой новый... как его... Лари?

Лена закатила глаза и запустилась в очередной тираду о том, как мужчины перестали быть джентльменами и что мир катится в тартарары. Я слушала вполуха, кивая в нужных местах, мысленно возвращаясь к своей тоске. Это была не просто грусть из-за слинявшего парня. Это было что-то другое. Чувство, будто кто-то выключил солнце и я теперь нащупываю путь в полутьме. И в этой полутьме за мной следят.

Вчера на набережной... я могла поклясться, что чувствовала чей-то взгляд. Тяжелый, как свинцовое одеяло. И когда обернулась... там, в толпе у музыканта, стояла фигура в капюшоне. Высокая, неподвижная. И смотрела. Прямо на меня. Я отвела глаза, сердце колотилось где-то в горле, а когда рискнула взглянуть снова — его уже не было. Словно мираж.

— ...а этот Мортвель, я тебе скажу, — голос Лены, став-

ший вдруг острым, снова врезался в мои мысли, — у него репутация опасной игрушки. Богатой, красивой, но опасной. Говорят, его отец, Николас, чуть ли не сам дьявол во плоти. А Эйден... его не зря Демоном зовут. Не только за гонки. С ним лучше не связываться, Мэйв. Seriously.

— Я и не связываюсь, — пробормотала я, но внутри что-то екнуло. Демон. Слишком уж точное прозвище для тех глаз.

В этот момент Мартин, наш бармен и тётин правая рука, вышел из-за стойки с подносом в руках. На нем стояли две тарелки, накрытые серебряными крышками — для наших фирменных сэндвичей. И... что-то третье. Небольшая черная коробочка, матовая, без единой надписи. Она стояла прямо посередине подноса, и Мартин смотрел на нее с легким недоумением.

— Это что? — спросила Лена, перестав жевать.

— Не знаю, — Мартин поставил поднос на наш столик. — Парень какой-то оставил у стойки. Сказал, для рыжей официантки. Для Мэйв. И ушел.

Ледяная игла прошла у меня по спине. «Для рыжей официантки». Лена встретила со мной взглядом, и в ее глазах

промелькнуло то же самое беспокойство.

— Какой парень? — спросила я, голос почему-то стал тихим.

— Высокий. В дорогом пальто. Волосы темные, глаза... странные. Холодные. Просто оставил и ушел. Я было хотел уточнить, но он уже был за дверью.

Эйден. Это мог быть только он. Мои ладони стали влажными. Я уставилась на черную коробку. Она казалась зловеще чужеродной на фоне уютного дерева и фарфора.

— Может, выбросить? — предложила Лена, но в ее голосе звучало не предостережение, а жгучее любопытство.

Я медленно, будто в замедленной съемке, потянулась к коробке. Она была легкой. Слишком легкой. Я перевела дух и приподняла крышку.

Внутри, на черном бархате, лежало... это.

Сначала мозг отказывался обрабатывать. Это был просто какой-то бледно-розовый, сморщенный кусочек... чего-то. Что-то вроде плохо обработанного морепродукта или странного гриба. Но потом взгляд зацепился за детали. Опреде-

ленную форму. Шрам. Неестественный, хирургически чистый срез на одном конце.

Воздух с шипением вырвался у меня из легких. Мир накренился. Звуки кафе — звон посуды, смех, голоса — отступили, превратившись в гулкое эхо. Я не могла оторвать взгляд. Это было оно. Мужской член. Аккуратно, почти клинически отрезанный. Уложенный на бархат, как драгоценность.

— О, боже... — прошептала Лена. Ее лицо побелело. Она отодвинулась от стола, прижав ладонь ко рту. — Это... это что...

Я не ответила. Мой взгляд медленно поднялся от коробки. И увидел, что к ее крышке изнутри был приклеен маленький, сложенный вчетверо листок бумаги. Дрожащими пальцами я отлепила его, развернула.

Почерк был красивым, каллиграфическим, но в каждой букве чувствовалась железная воля.

«Мэйв.

Это больше не твоя забота. И никогда ею не было.

Забудь о нём. Он совершил ошибку, думая о том, на что не имеет права. Теперь он её исправил.

Подумай обо мне.

Твой Демон»

Бумага выпала у меня из пальцев и легла рядом с коробкой. Во рту стоял вкус меди и горечи. «Твой Демон». Он подписался. Он... он сделал это. Он нашел Лео. И он... он...

Мысль была слишком чудовищной, чтобы ее осознать. Но доказательство лежало передо мной. Безжизненное, ужасающее, неопровержимое.

— Мэйв, — голос Лены дрожал. — Мэйв, что это? Что в записке?

Я не могла говорить. Горло сжалось спазмом. Я вскочила со стула, смахнув коробку со стола на пол. Она упала с глухим стуком, ее содержимое выкатилось на каменную плитку пола.

В кафе на секунду воцарилась тишина, а потом раздался женский визг. Кто-то застонал. Мартин выскочил из-за стойки, его глаза округлились от ужаса.

— Что... что это?! — закричал он.

Я ничего не слышала. Я уже бежала. Выходная дверь, холодный влажный воздух, бьющий в лицо. Я бежала по мокрому тротуару, не разбирая дороги. Дождь смешивался со слезами на моих щеках, но я почти не чувствовала его. Внутри была только одна картина. Черная коробка. Бархат. И та ужасающая вещь на нем.

И эти слова. «Подумай обо мне».

Это был не подарок. Это была метка. Угроза. Заявление о праве собственности, написанное кровью и плотью. Он не просто опасная игрушка, как говорила Лена. Он был монстром. Настоящим. И он выбрал меня.

Я добежала до своего переулочка, прислонилась к холодной кирпичной стене и сквозь рыдания попыталась набрать номер Джека. Пальцы не слушались.

«Забудь о нем. Он совершил ошибку».

Лео. Бедный, ни о чем не подозревавший Лео. Что он с ним сделал? Убил? Искалечил? Прислал это... это... в качестве трофея? Чтобы доказать, что может?

И самое страшное, самое мерзкое — где-то в глубине, под толщей шока и ужаса, копошилось другое чувство. Нечеловеческое, чуждое, сирень. Чувство... признания. Силы, стоящей за этим жестом. Абсолютной, безжалостной силы хищника, который уничтожает конкурентов, не оставляя следов. В нем было что-то первобытное, от чего кровь стыла, но и... звенела. Как струна, задетая в крошечной тишине.

Я с силой тряхнула головой, пытаюсь выгнать эту мысль. Нет. Это было отвратительно. Он был маньяком. Убийцей.

Но он написал «твой».

И где-то в темноте, я знала, он наблюдает. Чувствует мой страх, мои слезы. И ему это нравится.

«Подумай обо мне».

Я уже думала. Я думала только о нем. И от этой мысли мне стало так же страшно, как и от того, что лежало в черной коробке. Потому что он добился своего.

Я сползла по стене на мокрый асфальт, обхватила колени руками и зажмурилась, пытаюсь заглушить вой сирены, который рвался изнутри наружу — песнь ужаса, отчаяния и чего-то еще, чему я боялась дать имя.

Прошла неделя. Семь дней, которые по ощущениям растянулись в тягучий, непрекращающийся кошмар. Неделя, в течение которой нормальный мир размылся, как краска под дождем, и осталась только эта тень. Эта навязчивая идея. Он.

Я перестала спать. Вернее, спала урывками, вскакивая от каждого скрипа за стеной, от каждого шороха на лестнице. Лео так и не объявился. Полиция, к которой я в итоге, дрожа, обратилась, развела руками — взрослый мужчина, мог уехать, мог захотеть исчезнуть. Но я-то знала. Знаю.

А еще я знала другое. Каждое утро, выходя из квартиры, я замирала на пороге и смотрела на лестничную площадку. И каждый раз, ровно в 6:30, там, на чистом полу у моей двери, лежала маленькая черная коробочка. Такая же матовая, безликая, как та первая. Моя личная ежедневная пытка.

Сначала я пыталась их не замечать. Просто перешагивала через них, спускаясь в кафе, сердце колотилось так, что казалось, вырвется наружу. Но игнорировать не получалось. Они манили. Как язва, на которую невозможно не нажать.

На третий день я не выдержала. Схватила коробку, занесла над мусоропроводом... и не смогла бросить. Дрожащими руками открыла. Внутри, на черном бархате, лежа-

ла одна-единственная жемчужина. Совершенно круглая, с глубоким, матовым блеском. Она казалась живой, теплой на ощупь. И абсолютно чудовищной. Откуда он их брал? Что они значили? Это был символ чистоты? Или, наоборот, скрытой грязи, как в той страшной раковине?

Я бросила жемчужину в мусорный бак под раковиной. Но вечером, перед сном, отчаянное, иррациональное любопытство заставило меня вынуть ее, отмыть и положить в пустую баночку из-под варенья. Потом там появилась вторая. Третья. Каждая в своей отдельной маленькой коробочке-гробу. Я ненавидела их. Я ненавидела себя за то, что не могу их просто выкинуть. Это было как собирать улики. Или трофеи.

А потом, в пятницу утром, коробочка была чуть больше. Я уже знала ритуал. Села на верхнюю ступеньку лестницы, холод бетона проникал сквозь тонкую ткань пижамных штанов. Вскрыла. Внутри, свернутая в идеальную спираль, лежала тончайшая золотая цепочка. Такая изящная, что почти невесомая. Рядом с ней — еще одна жемчужина. Послание было кристально ясным: Нанизывай. Собирай мои дары. Носи на себе.

Меня вырвало прямо там, на лестничной клетке. Желчью и незаваренным кофе. Я смыла следы, спрятала коробку с цепочкой на самую дальнюю полку в шкафу, за груды старых

свитеров. Но мысль о ней жгла мозг. Она была так красива. Так отвратительно прекрасна. Как он сам.

Я пыталась жить как раньше. Работа, улыбки клиентам, болтовня с Леной и Стеф, которые бросали на меня встревоженные взгляды. Я не рассказала им про жемчуг. Не смогла. Это была слишком интимная часть кошмара. Слишком... личная. Джек чувствовал, что что-то не так, обнимал крепче, спрашивал, но я отмахивалась — устала, проблемы в кафе. Я не могла втянуть его в это. Втянуть — значит подписать ему смертный приговор. Я уже один раз это сделала.

А потом наступила суббота. Вечер. Я сидела у себя, пыталась смотреть сериал, но картинка расплывалась перед глазами. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов и моим собственным неровным дыханием. И в этой тишине прозвучал звук смс.

Не от Джека. Не от Лены. С незнакомого номера. Простая строчка, от которой кровь застыла в жилах:

«Понравился недавний подарок?»

Время остановилось. Комната сузилась до размеров экрана телефона. Свет от него бил в глаза, слепил. Я уставилась на эти слова, пытаюсь понять, шутка ли это, ошибка... но

знала. Я знала.

Пальцы, холодные и негнущиеся, поползли по клавиатуре.

«Кто ты и откуда у тебя мой номер?»

Ответ пришел почти мгновенно. Как будто он ждал. Сидел где-то в темноте и ждал моего испуганного писка.

«Связи. Деньги. Дальше перечислять?»

Нахлынула волна такой беспомощной, бешеной ярости, что я задрожала вся. Он сломал Лео. Он врывается в мою жизнь этими мерзкими коробками. А теперь сидит и издевается. Связи. Деньги. Его мир, грязный и всесильный, против моего. Против всего, что у меня есть.

Яростная, отчаянная смесь страха и гнева выплеснулась наружу. Я почти не думала, просто била пальцами по стеклу, желая прожечь его, этого невидимого мучителя, через экран.

«Да пошел ты нахрен, козлиная морда! Псих конченный!»

Отправила. И сразу же стало страшно. Не просто страшно — животно, до тошноты. Что я наделала? Только что нагрнула существу, которое, судя по «подарку», не остановится

ни перед чем. Которое может раздавить меня, не выходя из своего кресла. Или явиться сюда. Сейчас.

Я вскочила, заблокировала дверь на цепочку, хотя прекрасно понимала, что для него это — ничто. Прижалась спиной к стене, зажав телефон в потных ладонях, и уставилась на экран, ожидая ответа. Возмездия.

Оно пришло через минуту. Всего одно слово. Без точек, без смайлов. Просто факт.

«Интересно.»

И все. Больше ничего. Просто это слово повисло в пространстве, огромное и многозначное. «Интересно», что я обозвала его. «Интересно», как яотреагирую. «Интересно», что он будет делать дальше.

Я медленно сползла по стене на пол, обхватив колени. Телефон выпал из рук. Тишина снова сгустилась вокруг, но теперь она была другой. Насыщенной. Зловещей. Он был там. В эфире. В самом воздухе. И игра только начиналась. А я, своим истеричным сообщением, только подлила масла в огонь.

Я закрыла глаза, но перед ними стояли только две картин-

ки: черный бархат с жемчужинами и это слово на экране. «Интересно».

И самое ужасное было то, что где-то в самой глубине, под всеми слоями страха и отвращения, во мне что-то откликнулось на этот вызов. Что-то опасное и дикое. Сиренье. То, что тетя Роза так старательно учила меня прятать. То, что теперь, похоже, почуял он.

Воскресенье. Солнечный свет, нагло льющийся в окно, казался издевательством. Как будто мир решил притвориться нормальным, пока я сижу посреди своего маленького ада, стараясь не сойти с ума.

У меня на кровати, развалясь, лежала Стеф, листая ленту инстаграма и периодически цокая языком. В моём кожаном кресле, поджав под себя ноги, восседала Лена. На столе между нами стояли три кружки с остывшим чаем и недоеденное печенье. Они притащились ко мне, как на дежурство, после моего истеричного звонка вчера вечером. Я рассказала им всё. Про коробки. Про жемчуг. Про цепочку. И про смс. Всё, кроме... содержимого самой первой посылки. Эта деталь оставалась моим личным кошмаром, слишком чудовищным, чтобы делиться.

Стеф периодически бросала на меня взгляды, полные жа-

лости и непонятного страха. Лена же слушала, не перебивая, её лицо было каменной маской. А потом она сказала то, от чего у меня кровь остановилась: «Значит, он действительно одержим тобой. И у него есть ресурсы. Опасно. Но... интересно».

И теперь мы сидели в тягостном молчании, которое вдруг разорвало знакомое, леденящее душу оповещение.

Ви-бзззт.

Мы все трое вздрогнули, как по команде. Моя рука потянулась к телефону, лежащему на столе, будто к гремучей змее. Стеф приподнялась на локте. Лена вытянула шею.

Неизвестный номер. Текст короткий, как удар ножом:

«Предлагаю встретиться»

Воздух в комнате стал густым и невыносимым. Я отшвырнула телефон, будто он ужалил.

— Опять он? — прошептала Стеф, её глаза стали огромными.

— Ну конечно он, — сквозь зубы процедила Лена. Она

никогда не боялась смотреть опасности в лицо. Иногда это было жутко. — Что, трусишь?

— Ты совсем офигела? — я прошипела, обхватив голову руками. — После всего, что он... после этих коробок? Ты хочешь, чтобы я пошла на свидание с этим... этим маньяком?

— Он не просто маньяк, — холодно констатировала Лена, беря мой телефон и рассматривая сообщение. — Он маньяк с деньгами, связями и, судя по всему, властью. И он тебя хочет. Это факт.

— Поздравляю, — я фыркнула, но в голосе дрожала истерика. — Я стала объектом желания психопата. Мечта сбылась.

— Перестань, — Лена положила телефон обратно. — Думай. Что у тебя есть? Голос. Мечта о сцене. Кафе Розалинды и подпольные концерты в пабах, где тебя слушает пятьдесят человек. Что у него есть? «Связи. Деньги», как он сам сказал. Целая империя. Его отец — Николас Мортвель. У них там, наверное, половина медиа-рынка в кармане. Одна рекомендация от него — и двери любой студии, любого продюсера откроются перед тобой.

Я уставилась на неё, не веря своим ушам. Стеф привстал,

её рот приоткрылся.

— Лена, ты в своём уме? — выдавила Стеф. — Ты предлагаешь ей... что, использовать его?

— Я предлагаю ей рассмотреть возможности, — парировала Лена. Её взгляд был острым, аналитическим. — Он предлагает встретиться. Значит, он хочет диалога. Контакта. Почему бы не взять под контроль этот контакт? Поставить свои условия.

— Мои условия? — я засмеялась, горько и резко. — Лена, он, он... — я запнулась, едва не выдав страшную тайну. — Он не тот, кто слушает условия. Он тот, кто их диктует. Из коробочек с ... с жемчугом!

— Всё равно, — Лена не сдавалась. — Сейчас он играет с тобой в кошки-мышки. Ты мышь. И он тебя задавит, когда наиграется. Единственный шанс — перестать быть мышью. Стать... союзником. Или хотя бы ценным активом, который не хочется ломать.

— Ценным активом, — повторила я с мерзкой усмешкой. — И как, по-твоему, я должна подтверждать свою ценность? Пением у него под окном? Ты предлагаешь мне, грубо говоря, сесть на его член, чтобы он прокачал мою карьеру?

В комнате повисла шокирующая тишина. Стеф покраснела и выглядела так, будто хотела провалиться сквозь кровать. Лена лишь подняла бровь.

— Иногда секс — это просто секс, Мэйв. Инструмент. Переговоры. А он, судя по всему, красивый, богатый и... опытный, — она сказала это так бесстрастно, будто обсуждала характеристики нового автомобиля. — Тем более, ты сама говоришь, что он псих. Конченный. А значит, предсказуемый в своей одержимости. Звукозаписывающая компания сама тебя не найдёт. Тут нужны его «Связи. Деньги», которые он так любезно предложил. Можно попробовать взять то, что дают, и не давать ничего взамен. Но это вряд ли сработает. Значит, нужно давать ровно столько, чтобы он продолжал давать тебе.

Я смотрела на неё, и меня охватывало смешанное чувство ужаса и странного, нездорового любопытства. Она говорила на языке, который был мне чужд. Языке расчёта, холодной выгоды, игры на опасной грани. Я всегда думала, что моя сила — в голосе, в эмоциях. А она предлагала силу через подчинение, через манипуляцию тем, кто сильнее.

— Ты слышишь себя? — тихо спросила Стеф. — Ты предлагаешь ей продаться.

— Я предлагаю ей выжить и получить то, о чём она мечтает, — огрызнулась Лена. — В этом мире ничего не достаётся просто так. Особенно таким, как мы. Особенно таким, как она, — она кивнула в мою сторону. — Со всей её... необычностью. Ей либо всю жизнь прятаться и подавлять это, либо найти могущественного покровителя, который эту необычность сможет защитить и раскрутить. Эйден Мортвель — идеальный кандидат. Опасный, да. Но идеальный.

Мои пальцы впились в колени. В голове крутились обрывки: черный жемчуг, золотая цепочка, слово «Интересно» на экране, и теперь — леденящий душу прагматизм Лены. Она была как хирург, предлагающий ампутацию, чтобы спасти жизнь.

Я снова посмотрела на телефон. На то сообщение. «Предлагаю встретиться».

Страх кричал «нет». Инстинкт самосохранения вопил «беги». Но под ним, тихо, настойчиво, звучал другой голос. Тот самый, сиреневый. Голос, который пел о глубинах, о силе, о том, чтобы взять то, что принадлежит тебе по праву. И голос Лены, циничный и четкий, давал этому древнему зову современную, чудовищно логичную форму.

— Я не знаю, — прошептала я, и мой голос прозвучал

чужо, сдавленно. — Я... мне нужно подумать.

— Думай, — сказала Лена, вставая. — Но думай быстро. Такие, как он, не любят ждать. И твоё «интересно» его уже зацепило. Теперь нужно либо бежать очень далеко, либо... сделать шаг навстречу. И попытаться вести его в свою сторону.

Она потянула за собой молчаливую, потрясенную Стеф. Дверь закрылась. Я осталась одна с солнцем, пустыми кружками и телефоном, который лежал на столе, как обезвреженная бомба с мерцающим таймером.

Я взяла его в руки. Пальцы сами потянулись к клавиатуре. Что я могла ответить? «Отстань»? Он только посмеется. «Иди к черту»? Это вызовет эскалацию. Или... или...

Я закрыла глаза, представив не его ужас, а его возможности. Сцену. Студию. Микрофон. Звук своего голоса, летящий не в душный паб, а на миллионы. И его тень рядом со всем этим. Цену.

Сердце бешено колотилось. Я набрала три слова. Самые опасные слова в моей жизни. И отправила, не дав себе передумать.

«Где и когда?»

Ответ пришел через минуту. Точный адрес в промышленной зоне Доклендса. Заброшенный ангар. И время: «20:00. Приезжай одна».

Текст был сухим, без смайлов, без угроз. Но каждая буква в нем источала угрозу. «Приезжай одна». Как в плохом триллере. Сердце ушло в пятки, а в горле встал ком. Я показала сообщение Лене, которая задержалась в дверях, отправляя Стеф домой. Лена прочитала, её лицо оставалось непроницаемым.

— Ангар, — произнесла она задумчиво. — Интересный выбор. Не ресторан, не клуб. Говорит «без мишуры». Значит, хочет показать что-то настоящее. Или сам хочет быть настоящим. Это... многообещающе. И опасно.

— Опасно — это ключевое слово! — выдохнула я, хватая её за руку. — Лен, я не могу туда ехать. Это ловушка. Он меня убьет там и закопает под бетонным полом.

— Если бы он хотел тебя убить, он бы не стал играть в жемчуг и смс, — отрезала Лена, высвобождая руку. — И не стал бы назначать встречу. Он бы просто явился. Там, где-то в этом ангаре, он хочет тебе что-то показать. Себя. Свои условия. Ты должна это увидеть.

— Я должна остаться в живых! — парировала я.

— Для этого и едь. Но не как жертва. Как переговорщик. Смотри ему в глаза. Не опускай взгляд. Он чувствует силу. Уважает только её. Покажи, что ты не испугалась его мерзких игр. Что ты пришла, несмотря на них. Это его заведет, — её анализ был леденяще хладнокровным.

Я уставилась на адрес на экране. Заброшенный ангар. Место, где никто не услышит крика. Где можно «быть собой». Что это за «я» у него такое, которое можно показывать только в таком месте?

Весь день пролетел в нервной дрожи. Я отменила вечернюю смену, солгав тёте Розе о мигрени. Надела самое простое, но то, в чём чувствовала себя уверенно — чёрные узкие джинсы, тяжёлые армейские ботинки, простую серую водолазку и кожаную куртку. Никакого намёка на попытку понравиться. Оружия, кроме карманного перцового баллончика и свистка, у меня не было. И, как ни странно, баночки с теми самыми жемчужинами. Я сунула её на дно сумки. Не знаю зачем. Как амулет против зла. Или как доказательство его безумия.

Я взяла такси. Дорога казалась бесконечной. Район стано-

вился всё более пустынным, уличные фонари горели через один, отбрасывая длинные, корявые тени. Водитель, борода-тый детина, бросил на меня тревожный взгляд, когда я назвала адрес.

— Там, милая, вообще ничего нет. Заброшка. Уверена?

— Да, — сказала я, и голос не дрогнул. Внутри всё было из желе и страха.

Он высадил меня на пустыре перед огромным, тёмным силуэтом ангара. Окна были выбиты, часть крыши провалилась. Ветер гудел в рваном железе, издавая протяжный, тоскливый вой. Идеальное место для убийства. Сердце колотилось так громко, что, казалось, эхо разносится по пустырю.

Я сделала шаг. Потом другой. Подошла к огромным ржавым воротам. Одна створка была приоткрыта ровно настолько, чтобы мог пройти человек. Из щели лился тусклый, колеблющийся свет. Не электрический, а будто от огня.

Я замерла на пороге, всматриваясь в полумрак. Внутри было огромное, эхом гулкое пространство. Посреди него, на островке чистого бетона, окружённом призраками старого оборудования, горела... бочка. В ней пылали какие-то деревянные обломки, отбрасывая дикие, пляшущие тени на сте-

ны, испещрённые граффити.

А рядом с бочкой, спиной ко мне, стоял он.

Эйден.

Он был не в своём обычном дорогом «мажорском» прикиде. На нём были простые, потрёпанные чёрные штаны и тёмная футболка, обтягивающая мощные плечи и спину. Он казался больше. Реальнее. Опаснее. В свете пламени его силуэт был монолитен, нечеловечески совершенен.

Он не обернулся. Просто сказал, и его голос, низкий и резонирующий, наполнил собой всё пространство ангара, заглушив вой ветра.

— Ты пришла. Я знал, что придёшь.

Я не могла говорить. Горло пересохло. Я сделала шаг внутрь. Холод и запах ржавчины, пыли и дыма ударили в нос. Закрыв за собой дверь, я оказалась в ловушке. Его ловушке.

Он медленно повернулся. И в свете огня я впервые увидела его лицо без притворства, без маски богатого бездельника. Оно было жёстким, скульптурным. А глаза... они горели. Буквально. В их стальной глубине плескались отсветы

пламени, делая их жидким огнём. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь. Видел мой страх, мою ненависть, моё проклятое любопытство. Видел ту часть меня, которую я сама боялась увидеть.

— Нравится? — он сделал широкий жест рукой, указывая на запустение вокруг. — Моя... скажем так, частная территория. Здесь нет камер, нет папарацци, нет отца с его вечными советами. Здесь можно снять маску. Быть тем, кто ты есть на самом деле.

Его взгляд вернулся ко мне, стал пристальным, изучающим.

— А кто ты на самом деле, Мэйв Келлан? Официантка? Мечтательная певица? Или... что-то большее?

Он сделал шаг вперёд. Я невольно отступила, спина упёрлась в холодный металл ворот.

— Я та, кто хочет, чтобы ты отстал, — выпалила я, и голос, к моему ужасу, задрожал. — Прекрати эти коробки, эти смс. Оставь меня в покое.

Его губы растянулись в медленной, недоброй усмешке. В ней не было ни капли тепла.

— Но ты же не хочешь, чтобы я отстал. Ты хочешь понять правила. Понять меня. Иначе бы не приехала. Просто... мне

стало интересно за тобой наблюдать. Игра зашла дальше, чем я планировал.

Он внезапно развернулся и пошёл прочь, вглубь ангара, к тёмному проёму в дальней стене. Я осталась стоять, ошеломлённая, чувствуя, как колени подкашиваются от смеси облегчения и разочарования. Он остановился у проёма, обернулся. Пламя из бочки выхватило резкую линию его профиля.

— Рискнёшь? — спросил он просто.

Это был не вопрос, а вызов. И вызов, на который у меня уже был ответ. Я двинулась за ним, мои ботинки глухо стучали по бетону. Он исчез в темноте. Я замерла на пороге, ничего не видя, только ощущая исходящее оттуда тепло и густой, почти осязаемый аромат — кожи, пепла, дорогого мыла и чего-то ещё... металлического, как запах грозы.

Сильные руки обхватили меня сзади. Я взвизгнула, но звук застрял в горле, когда его ладони, горячие даже через ткань куртки, легли на мои бёдра, а губы коснулись шеи чуть ниже уха. Не поцелуй. Касание. Изучение.

— Ты дрожишь, — прошептал он, и его дыхание обожгло кожу. — Но не от страха. От предвкушения.

Я хотела возразить, вырваться, но тело будто онемело, замороженное его уверенностью, этой абсолютной властью, с

которой он прикасался. Он легко повернул меня, и прежде чем я успела что-то сообразить, одна его рука плотно обвила мою талию, а другая прошлась по спине, к застёжке джинсов. Щелчок молнии прозвучал невероятно громко в тишине комнаты.

— Что ты... — начала я, но он перебил меня, прижав к себе так, что я почувствовала каждый мускул его тела, каждый жёсткий изгиб.

— Тише, птичка, — его голос был низким бархатом, тем самым, из кошмара, который теперь обернулся моей реальностью. — Просто почувствуй.

И он поднял меня на руки. Я инстинктивно обвила его шею, и в этот миг, пока он нёс меня в полную темноту, мой разум отключился. Остались только ощущения: его сила, его тепло, стук его сердца где-то глубоко под рёбрами, и безумная, запретная безопасность в этих руках. Потом я почувствовала под спиной мягкость. Матрас. Большой, низкий, брошенный прямо на пол.

Сверху щёлкнул выключатель. Комната озарилась приглушённым, сине-фиолетовым светом. Я лежала, запрокинув голову, и видела потолок, затянутый чёрной тканью. По стенам — металлические стеллажи, уставленные непонятными

коробками, инструментами, на одной полке мелькнули очертания наручников и свёрнутых кожаных ремней. Рядом с матрасом — две тумбочки из тёмного дерева. Всё было чисто, минималистично и пугающе обжито. Его логово.

Эйден стоял у кровати, смотря на меня сверху вниз. В свете неоновового отблеска его глаза были уже не огненными, а ледяными, глубинной сталью. Он снял футболку одним движением. Я задохнулась. Его тело... это не было телом фитнес-тренента. Это было тело воина, хищника. Рельефные мышцы, покрытые сетью бледных шрамов, переплетались под гладкой кожей. Та самая татуировка, огибающая бок, — сложный узор из шипов и древних рун, сливавшихся у левого соска. Он был совершенством, выточенным в боях, о которых я боялась даже думать.

— Нет, — вырвалось у меня, когда он наклонился, опираясь руками по бокам от моей головы. Я попыталась оттолкнуть его, упереться ладонями в грудь, но это было как пытаться сдвинуть скалу.

— Да, — его ответ был тихим и окончательным. Он поймал мои запястья, легко, почти небрежно, и заломил их над головой, прижав к матрасу одной широкой ладонью. Его сила была ошеломляющей, абсолютной. — Ты хотела увидеть настоящего меня. Вот он. Ты боялась? Теперь бойся по-на-

стоящему.

Его губы нашли мои. Это не был поцелуй. Это было поглощение. Жестокое, требовательное, лишаящее воздуха. Он входил в мой рот, как завоеватель, его язык был горячим и настойчивым, вкус его — кофе, дорогой виски и чистая, дикая мужская сила. Я пыталась сопротивляться, кусаться, но он только глубже вгонял поцелуй, а его свободная рука скользнула под мою водолазку. Его пальцы, шершавые от работы или оружия, обожгли кожу живота, двигаясь вверх, к грудям. Он оторвался от моих губ, его дыхание было прерывистым, горячим на моём лице.

— Скажи «нет» ещё раз, — прошептал он, и в его голосе зазвучала опасная, хищная нота. — Дай мне повод сломать тебя.

И в этот миг что-то во мне... щёлкнуло. Страх не исчез. Он стал топливом. Явилась ярость, дикая и первобытная, от того, что он так уверен в своей власти. И вместе с ней — порочное, всепоглощающее любопытство. Что будет, если перестать сопротивляться? Что он может сделать? Насколько глубоко может зайти эта тьма?

Я перестала бороться. Моё тело обмякло под ним, и я увидела, как в его глазах мелькнуло удивление, а затем — тём-

ное, торжествующее удовлетворение. Он отпустил мои запястья. Я не опустила руки. Они остались там, где он их оставил, над головой, в немом согласии.

— Умная девочка, — проворчал он, и его губы снова нашли мои, но теперь в этом было меньше ярости, больше... одобрения. Он снял с меня куртку, водолазку, лифчик — его движения были быстрыми, эффективными, без лишней нежности. Холодный воздух комнаты обжёг кожу, но тут же его тело, его ладони согрели меня. Он снял мои джинсы и трусы, отшвырнул их в сторону. Я лежала полностью обнажённая под его взглядом, и этот взгляд прожигал, исследуя каждый сантиметр, каждую родинку, каждую кривую.

— Прекрасно, — выдохнул он, и в его голосе прозвучала почти что искренность, от которой по спине пробежали мурашки.

Он встал с кровати, и я увидела, как он достаёт что-то из тумбочки. Два узких кожаных ремня с пряжками. Моё сердце упало. Он вернулся, сел на корточки рядом, его глаза на одном уровне с моими.

— Правила простые. Ты не убегаешь. Ты не закрываешься. Ты принимаешь всё, что я даю. За каждое нарушение — наказание. Поняла?

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Он взял мою правую лодыжку, пристегнул ремешок, потом продел его конец под матрас и затянул, приковывая ногу к тяжёлой основе. Потом левую. Мои ноги оказались разведены, беспомощно открыты. Стыд и возбуждение ударили в голову горячей волной. Он наклонился, провёл рукой по внутренней стороне моего бедра, и я вздрогнула.

—Чувствительная, — заметил он, и снова эта чёртова усмешка.

Потом его пальцы коснулись меня там. Я ахнула, выгнувшись. Он был груб и точен, не давая привыкнуть, находя самые уязвимые места, растравляя плоть до дрожи, до жгучего, невыносимого желания. Я закусила губу, чтобы не застонать, но звук всё равно вырвался, когда он ввёл в меня два пальца, глубоко, без предупреждения.

—Громче, — приказал он, двигая пальцами внутри, а большим пальцем нажимая на чувствительный клитор снаружи. — Я хочу слышать тебя. Всю.

Мир сузился до его рук, до его взгляда, до безумного, нарастающего давления внизу живота. Я стонала, мои бёдра сами двигались навстречу его пальцам, предательски ища больше. Он наблюдал за мной, за каждым моим спазмом, как учёный за экспериментом. Потом резко убрал руку. Протестующий стон сорвался с моих губ.

— Нет, — сказал он холодно. — Не так быстро.

Он встал, скинул оставшуюся одежду. Его тело было великолепным и пугающим. А его эрекция... она была почти пугающей в своих размерах и напряжённости. Он взял что-то ещё с тумбочки — маленькую баночку. Смазку. Не торопясь, нанёс её на себя, и этот ритуал был невероятно эротичным в своей откровенности.

Он вернулся ко мне, встал на колени между моих бёдер. Его руки легли на мои бока, большие пальцы впились в тазовые кости.

—Смотри на меня, — приказал он. — Хочу видеть твои глаза.

И он вошёл. Не медленно, не давая привыкнуть, а одним долгим, безжалостным, разрывающим толчком. Боль смешалась с неприличной, животной полнотой. Я вскрикнула, и слёзы брызнули из глаз. Он замер, полностью внутри, его лицо было искажено гримасой дикого наслаждения и крайнего напряжения.

—Боже... ты тугая, — прохрипел он. — Идеальная.

И он начал двигаться. Это не было любовью. Это была одержимость. Каждый толчок был глубоким, выверенным,

лишённым всякой нежности, направленным только на то, чтобы взять, заполнить, подчинить. Он держал меня за бёдра, регулируя угол, находя точки, от которых темнело в глазах. Я цеплялась за матрас, моё тело вздымалось навстречу ему, уже не по моей воле, а повинуюсь древнему ритму, который он задавал.

Он наклонился, прижавшись грудью к моей, его губы нашли мою шею, сосок, снова губы. Его поцелуи теперь были такими же голодными, как и толчки.

—Ты моя, — рычал он в такт движений. — Понимаешь? Моя находка. Моя игрушка. Моя маленькая сирена, которая будет петь только для меня.

Слова должны были испугать. Но в безумии этого акта они стали ещё одним щекочущим нервы игрой. Что-то внутри меня рвалось на свободу, что-то тёмное, отзывчивое, что обожгло изнутри в ответ на его владение. Я обвила его шею ногами, впиваясь пятками в его спину, притягивая его глубже, и слышала его удовлетворённый рык.

Его темп ускорился, стал яростным, почти безумным. Руки скользнули под мою спину, приподняли меня, вжимая в него ещё сильнее. Я чувствовала, как нарастает что-то во мне, огромная, неконтролируемая волна. Он это видел. Его глаза, горящие в полумраке, не отрывались от моего лица.

— Да, — прошипел он. — Давай. Кончай. Кончай на своём демоне.

И я кончила. С громким, сдавленным криком, который разорвал тишину комнаты. Спазмы были настолько сильными, что больно, выворачивая всё нутро наизнанку. Он наблюдал за моей агонией наслаждения, его лицо было маской чистейшей, необузданной страсти. И тогда он отпустил последние тормоза. Его тело напряглось, он вогнал себя в меня в последний, самый глубокий раз, и я почувствовала внутри горячий всплеск, пульсацию его кульминации. Он издал звук — низкий, хриплый, похожий на рык раненого зверя, и упал на меня всем весом, зарываясь лицом в мою шею.

Мы лежали так, оба дрожа, обливаясь потом, в тишине, нарушаемой только нашим тяжёлым дыханием. Запах секса, кожи и его дикой сущности висел в воздухе густым туманом. Он медленно поднялся на локти, глядя на меня. В его глазах уже не было огня ярости, только глубокая, донная усталость и... вопрос.

Я не знала, что сказать. Что чувствовать. Моё тело было разбитым, подчинённым, отмеченным им. Моя душа вихрем носилась где-то между ужасом и самым острым переживанием в моей жизни.

Он молча расстегнул ремешки на моих лодыжках, его пальцы, теперь нежные, помассировали затекшую кожу. Потом он лёг рядом, на спину, уставившись в чёрный потолок.

— Всё, — сказал он тихо, почти для себя. — Ты всё видела. Теперь ты знаешь.

И я знала. Я переступила порог. И пути назад не было.

## Глава 13. Эйден

Тишина после бури была густой, как смола, и такой же сладкой. Воздух в комнате пахло нашим потом, её страхом, который лишь притворялся гневом, и моей победой, от которой кровь всё ещё гудела в висках. Я лежал на спине, чувствуя, как холодный металл кровати давит на лопатки, и смотрел в туманный сине-фиолетовый свет, мерцавший под потолком. Она лежала рядом, отвернувшись, её рыжие волосы раскинулись по подушке огненным ореолом. Дыхание её было прерывистым, тело — обмякшим, но я видел, как мелко дрожат её плечи. Не от холода. От адреналина, который ещё не сдался. От ярости, которая тлела под слоем навязанного мной удовольствия.

Она думала, что всё кончено. Что я взял своё и отпускаю.

Наивная рыбка.

Во мне не было сытости. Была лишь зияющая пустота, которую на мгновение заполнил её крик, её сопротивление, её слом. Но теперь пустота требовала больше. Требовала не просто подчинения, а отклика. Искры из той самой бездны, что пряталась за её глазами цвета морской бури.

Я медленно повернул голову. Её позвоночник вырисовывался под тонкой, бледной кожей, усыпанной веснушками и свежими отметинами — красными полосами от моих пальцев, от верёвки. Я протянул руку и провёл костяшками по этим отметинам, от шеи до поясницы.

Она вздрогнула, вся сжалась, но не отпрянула. Не посмела. Это было первое правило, которое она усвоила сегодня: не убегать.

— Ещё не кончили, — сказал я, и мой голос прозвучал в тишине низко, почти ласково.

Она замерла. Я поднялся, соскрёб с себя остатки одежды и сошёл с кровати. Босиком прошёлся по холодному бетону к столу, где лежали наши вещи и мои... инструменты. Я выбрал не верёвку, а пару широких кожаных манжет с мягкой подкладкой внутри и стальными кольцами. Вернулся к ней.

Она смотрела на меня через плечо, её глаза в полумгле казались огромными, тёмными. В них не было слёз. Была настороженность хищницы, загнанной в угол.

— Руки, — приказал я, не оставляя места для вопросов.

Она закусила губу, но медленно, с видимым усилием над

собой, повернулась и протянула мне запястья. Доверие? Нет. Расчёт. Она поняла, что прямое неповиновение сейчас больнее. Я защёлкнул манжеты, проверил, не жмут ли. Кольца холодно блеснули. Потом взял с края кровати две цепи с карабинами, пристегнул их к кольцам, а другие концы — к стальным обручам, вмонтированным в стену над изголовьем. Цепи позволяли двигаться, но не давали сесть или сбежать. Она оказалась на коленях, приподнятая, с отведёнными назад и вверх руками, грудь выставлена вперёд, спина выгнута в идеальной, покорной дуге.

Я отступил на шаг, чтобы полюбоваться.

Она была картиной. Живой, дышащей, полной скрытого огня. Синяки на бёдрах, следы укусов на груди, рыжие волосы, прилипшие ко лбу и шее. И эти глаза... они смотрели на меня не со страхом жертвы. В них бушевало море, и в нём я видел ответную бурю. Ненависть. Любопытство. Жажду понять, что за тварь перед ней. И да, желание. Глубокое, постыдное, вырванное мной на свет силой, но уже начавшее пускать собственные корни.

— Вот так лучше, — прошептал я, подходя ближе. Мои пальцы вновь легли на её кожу, скользнули по рёбрам, впадине живота, остановились на внутренней стороне бедра. Она задержала дыхание, — Ты думала, это было про секс, Мэйв?

Про то, чтобы тебя трахнул какой-то мажор-психопат?

Она молчала, лишь её ноздри слегка расширились.

— Это было про познание, — продолжил я, наклоняясь к её уху. Мой язык обрисовал её завиток, и она снова вздрогнула, — Я должен был узнать каждую твою реакцию. Каждый стон, каждый толчок бёдрами, каждый слом в голосе. Ты отдала мне всё это. Добровольно. Потому что твоё тело умнее тебя. Оно знает своего хозяина.

— Я тебе не принадлежу, — выдохнула она, и в голосе прозвучала хрипая нота, от которой по моей спине пробежали мурашки. Наконец-то. Голос.

— Принадлежишь, — возразил я просто и прикусил мочку её уха, достаточно сильно, чтобы она вскрикнула, — Твой Лео понял это слишком поздно. Его больше нет. Есть только я. И тот, кто осмелится прикоснуться к тебе после этого, исчезнет ещё быстрее.

Я отступил, чтобы видеть её лицо. По её щеке скатилась первая предательская слеза. Не от боли. От бессилия. От понимания.

— Зачем? — прошептала она, — Что ты от меня хочешь?

— Всё, — ответил я честно, — Твой страх. Твой гнев. Твой голос. Твою душу, если она у тебя есть. Я буду брать их по кусочкам, пока не останется только эхо того, что я в тебе пробудил.

Я сел на край кровати перед ней, положил руки на её бёдра, вжал большие пальцы в нежную кожу у паха. Она попыталась сомкнуть ноги, но цепи не дали. Её сопротивление было тщетным, и от этого она становилась только прекраснее.

— А сейчас, — сказал я, глядя прямо в её глаза, — я хочу услышать, как ты просишь.

Она замерла. Гордость боролась в ней с инстинктом выживания, с тем тёмным любопытством, которое я в ней разжег.

— Я... не буду, — выдавила она.

— Будешь, — пообещал я. Моя рука скользнула между её ног. Она была влажной, горячей, предательски готовой. Я не стал входить, лишь провёл пальцем по её чувствительной плоти, наблюдая, как её веки дрогнули, а губы приоткрылись в беззвучном стоне, — Ты хочешь этого. После всего, что я сделал. Ты горишь. И я знаю, как потушить этот огонь. Или

как разжечь его так, что ты сгоришь дотла.

Мои пальцы стали настойчивее, искусно, безжалостно находили нужные точки. Её тело начало отвечать, предавая её снова и снова. Грудь тяжело вздымалась, на коже выступила испарина, цепочка на шее (моя цепочка!) подрагивала вместе с пульсом.

— Проси, — прижался я губами к её ключице, оставляя новый след, — Скажи, чего ты хочешь. Скажи, кому ты принадлежишь.

Её дыхание стало частым, прерывистым. Она пыталась бороться, но её тело уже было моим союзником. Волна за волной накатывало удовольствие, смешанное с унижением, с яростью, с чем-то ещё, чему у неё не было названия.

— Эйден.... — вырвалось у неё, и в этом звуке была капитуляция. Ненадолго. Но её.

— Недостаточно, — прошептал я, ускоряя движения. Она закатила глаза, её голова упала назад, цепляясь за цепи, — Скажи это. Скажи целиком.

Она была на краю. Я видел это по тому, как всё её тело напряглось, как пальцы сжались в кулаки. Она билась в око-

вах, но не чтобы вырваться, а чтобы погрузиться глубже.

— Я... хочу... — слова давались ей с трудом, сквозь стиснутые зубы.

Я остановился. Резко. Отстранился.

Она аж взвыла от фрустрации, её глаза метнули в меня молнию чистой, неразбавленной ненависти. И в ней была такая жизнь, такая сила, от которой моя собственная тьма запела внутри.

— Проси, Мэйв, — повторил я, холодно и чётко, — Или я оденусь и уйду. Оставляю тебя вот такой. Наедине с этой пустотой внутри. И ты будешь знать, что это ты отказалась.

Это была низость. Игра на её собственной, только что открывшейся, потребности. Она смотрела на меня, и по её лицу текли слёзы — яростные, жгучие. Она ненавидела меня в эту секунду больше, чем кого-либо в жизни. И это было прекрасно.

Её губы дрогнули. Она закрыла глаза, как будто произнося приговор самой себе.

— Я хочу тебя, — прошептала она, и голос её сорвался,

— Чёрт тебя дери... Я хочу тебя, Эйден. Дай мне.

Победа ударила в кровь, горячей и сладкой, как самый старый виски. Но это была не конечная победа. Это было начало.

— Кто я? — настаивал я, подходя вплотную, прижимаясь к ней так, чтобы она чувствовала каждую линию моего тела, каждое доказательство моего желания.

Она открыла глаза. В них не было покорности. Было принятие. Принятие битвы, правил, нас самих. В них горел тот самый ответный огонь.

— Ты — мой демон, — выдохнула она. И это прозвучало не как капитуляция, а как признание. Как вызов.

Рёв одобрения вырвался у меня из груди. Я втолкнул себя в неё одним жёстким, властным движением, заполняя ту пустоту, которую сам же и создал. Она вскрикнула, её тело приняло меня с судорожным объятием, и на этот раз в её ответных толчках не было пассивности. Была ярость. Была встреча.

Цепи зазвенели, кровать застонала под нами. Я держал её за шею, за бедро, впиваясь пальцами в плоть, ставя новые

метки, пока она отвечала мне укусами в плечо, царапинами по спине. Это не был секс. Это была война на истребление, на слияние, на познание самых тёмных глубин друг друга. Каждый стон её был обоюдоострым клинком, каждый мой толчок — утверждением права.

И когда она кончила, её крик был не сдавленным и не покорным. Он был низким, хриплым, почти рычащим, полным той самой древней силы, что пряталась в её крови. Сирены. Оружия. Моей.

За ним последовал мой рёв, когда я погрузился в неё до конца, выплескивая всё — одержимость, гнев, тоску, это первобытное удовлетворение хищника, нашедшего, наконец, достойную добычу.

Тишина, что наступила потом, была иной. Насыщенной. Звонящей. Я освободил её запястья, снял манжеты. Она не упала, а медленно опустилась на матрас, её тело била мелкая дрожь. Я лег рядом, притянул её к себе, чувствуя, как её сердце бьётся в унисон с моим — бешено, неистово.

На её шее блестела моя золотая цепочка. На её коже — мои следы. В её душе — моя тень.

Я прижал губы к её мокрому виску.

— Никогда не забывай, чья ты, — прошептал я в темноту, которая теперь принадлежала нам обоим.

Она не ответила. Но её рука, слабая, дрожащая, легла поверх моей, что сжимала её талию. Не чтобы оттолкнуть. Чтобы удержаться.

Она заснула. Её дыхание, наконец, выровнялось, превратившись в тихий, ровный звук, странно умиротворяющий после неистовства, что царило здесь минуту назад. Рыжие пряди волос прилипли к её влажному лбу. Я лежал на боку, опираясь на локоть, и смотрел. Просто смотрел.

В полумраке, под призрачным сине-фиолетовым светом, она казалась хрупкой. Обманчивое впечатление. Я помнил, как сжимались её мышцы, как её ногти впивались мне в спину, как в её глазах вспыхивали молнии дикой, неукротенной силы. Она не сломалась. Она... отозвалась. И это было одновременно и потрясающе, и чудовищно опасно.

Моя внутренняя бездна, та холодная пустота, что зияла внутри с тех пор, как я себя помнил, на мгновение стихла. Её не заполнило. Её прикрыли, как одеялом, её отголоски — жар её кожи, солёный привкус её слез и пота, звук её голоса, вынужденного признать моё право. Но это был временный покой. Наркотик, требующий новой, большей дозы.

Я осторожно, чтобы не разбудить, провёл пальцем по цепи на её шее. Золото было тёплым от её кожи. Моя метка. Первая видимая. Остальные были скрыты под кожей, в психике, в той искре страха-ненависти-влечения, что я в ней зажёг.

Она крикнула во сне, недовольно сморщив нос, и перевернулась на другой бок, отворачиваясь от меня. Инстинктивный жест, даже в бессознательном состоянии пытающийся создать дистанцию. Уголок моих губ дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку. Попробуй.

Я тихо поднялся с кровати. Холодный воздух коснулся разгорячённой кожи, заставив мурашки пробежать по спине. Я собрал свою одежду — чёрные джинсы, простую футболку, кожаную куртку. Одевался молча, взглядом не отрываясь от неё. Она потянулась во сне, обнажив линию спины, переходящую в упругий изгиб ягодицы. Рука сама потянулась снова коснуться, снова заявить права. Я сжал кулак. Не сейчас.

Сейчас требовалась ясность. А ясность приходила только с действием и холодным расчётом.

Я вышел из комнаты в основной ангар. Запах бензина, масла и металла сменил густой, плотный воздух нашей лич-

ной войны. Мой мотоцикл стоял в центре, чёрный и молчаливый, как тень. Я подошёл к рабочему столу, заваленному инструментами, и достал из внутреннего кармана куртки телефон. Не тот, что для «Эйдена Мортвеля, наследника империи», а другой, зашифрованный, с экраном, отражавшим лишь моё искажённое лицо.

Одно непрочитанное сообщение. От Люка.

«Ну что, приручил свою рыжую бестию? Отец звонил. Интересуется прогрессом. Вежливо так интересуется. Сказал, что Маммон доволен «активностью», но хочет ясности. Что отвечаем?»

Я ощутил знакомую тяжесть в желудке. Интерес отца и его «работодателя» был последним, чего мне хотелось сейчас. Николас Мортвель видел мир в цифрах, активах и угрозах. Мэйв для него была либо любопытным артефактом (сирена, способная влиять на волю, — полезный инструмент), либо мусором, который нужно утилизировать до того, как он привлечёт внимание охотников или конкурентов из других кланов.

А для меня она стала... чем-то другим. Моим. Личным. И это делало ситуацию в сто раз опаснее.

Я набрал ответ, ударяя по клавишам с излишней силой:

«Под контролем. Прогресс есть. Она сильнее, чем мы думали. Её природа просыпается. Нужно больше времени для оценки».

Оценки чего? Её полезности? Или её способности выжить в нашем мире? Или того, как долго я смогу удерживать её на грани между жизнью и смертью, не позволив ни одной стороне перевесить?

Люк ответил почти мгновенно: «Время — роскошь, друг. По городу ползут слухи. Кто-то видел, как ты увёз её с гонок. Кто-то видел «рыжую» с тобой в баре. Отец не глуп. Если он решит, что ты играешь в свои игры, а не в его... Он вмешается. А ты знаешь, как он „вмешивается“».

По спине прошла ледяная волна, на сей раз не от возбуждения, а от чистого, знакомого с детства гнева, смешанного с опаской. Я помнил, как «вмешивался» отец. Помнил пустующую с тех пор комнату матери. Помнил холод в его глазах, когда он объяснял мне, демону наполовину, что слабость — единственный непростительный грех.

Я посмотрел на дверь в ту комнату. Она была приоткрыта. Оттуда доносилось её ровное дыхание.

«Я разберусь», — отправил я Люку. «Прикрой тылы. И

чтобы Никс с Каем держали языки за зубами. Это не их дело».

«Уже делаю. Но, Эйден... Будь осторожен. Эта девчонка... у неё глаза, как у тех, кто выживает. А выжившие всегда мстят».

Он отключился. Я швырнул телефон на стол. Он со звоном отскочил от гаечного ключа. Тишина ангара внезапно стала давящей.

«Выжившие всегда мстят». Люк был прав. Но он не понимал главного. Я не хотел, чтобы она просто выжила. Я хотел, чтобы она расцвела в той тьме, что я для неё приготовил. Хотел, чтобы её месть, её гнев, её сила — всё это было направлено через меня. Было частью меня.

Я снова вошёл в комнату. Она не шелохнулась. Я присел на корточки у кровати, на уровне её лица. При свете, падающем из ангара, я мог разглядеть каждую веснушку на её скулах, каждую ресницу, отбрасывающую тень на щёки. Её губы были слегка припухшими от поцелуев и укусов. Моя работа.

Инстинкт требовал разбудить её. Снова взять. Снова погрузиться в тот хаос, где не было отца, Маммона, долга, а было только чистое, примитивное столкновение. Где я мог

быть не послушным псом клана, а просто демоном, нашедшим свою добычу.

Но другой, более холодный голос — голос сына Никола-са Мортвеля — шептал, что нужно стратегировать. Что одна ночь не делает её моей навсегда. Что завтра, когда она проснётся в своей постели над кафе, с котом и воспоминаниями о «нормальной» жизни, всё может перемениться. Стыд, страх, злость — они могли перевесить то тёмное влечение, что я в ней пробудил.

Нет. Так нельзя.

Я осторожно, стараясь не потревожить её сон, скользнул рукой под простыню, нашёл её левую лодыжку. Её кожа была нежной под моими пальцами. Я достал из кармана джинсов то, что приготовил давно — тонкий серебряный браслет-цепочку, настолько изящный, что его можно было принять за украшение. Но для тех, кто разбирается в символах, узор из переплетённых шипов и демонических рун был яснее любой таблички. Это был не только знак собственности. Это был маячок. И слабая защита. Если на неё позарятся другие... они увидят метку и подумают дважды. А я буду знать, где она.

Я застегнул браслет. Он сидел идеально. Она что-то про-

бормотала во сне и дёрнула ногой, но не проснулась. Привыкнешь.

Пора было возвращать её. Отдавать ненадолго её миру, чтобы она успела по нему соскучиться. Чтобы поняла, что её прежняя жизнь теперь кажется пресной и бесцветной по сравнению с тем, что она испытала здесь.

Я завернул её в простыню, поднял на руки. Она была удивительно лёгкой. Или это моя сила, всегда таящаяся под кожей, так легко принимала её вес? Она бессознательно прижалась к моей груди, ищу тепла. Этот доверчивый жест, продиктованный инстинктом, ударил в меня с неожиданной силой. Что-то в груди сжалось, похожее на боль, но не на физическую.

Я вынес её из ангара в прохладную предрассветную мглу. Мой мотоцикл ждал. Я усадил её перед собой, пристегнул своим ремнём, прижал её спину к себе. Её голова упала мне на плечо. Так мы и поехали — призрачный кортеж по пустынным улицам спящего Лондона.

Я знал, где она живёт. Наблюдал уже много раз. Маленькая дверь рядом с кафе «У Розы». Я остановился в тени напротив. С улицы не было видно света. Её тётя, ведьма, вероятно, спала или занималась своими тёмными делами.

Мне нужно было попасть внутрь, не оставляя следов. С демонической ловкостью, которой я редко пользовался в присутствии смертных, я взобрался по водосточной трубе к её окну. Оно было закрыто, но замок — старый и простой. Щелчок магии, грубой и примитивной (не моя сильная сторона, но для такого сгодилось), и створка бесшумно отъехала.

Её комната пахло ею — кофе, книги, какая-то сладкая туалетная вода и кот. В углу на подушке свернулся пушистый комок, который открыл один зелёный глаз, оценивающе посмотрел на меня и, не найдя прямой угрозы, снова его закрыл. Умное животное.

Я уложил её на кровать, снял с неё простыню, которую принёс из ангара. На мгновение задержался, глядя на неё — обнажённую, беззащитную, украшенную моими знаками, с золотом и серебром на её теле. Вид был настолько совершенным, что дыхание перехватило.

Затем я накинул на неё одеяло. Пошёл в крошечную ванную, намочил полотенце тёплой водой. Вернулся и осторожно протёр её лицо, шею, руки. Смыл следы слёз, пота, моей причастности. Она хмурилась во сне, сопротивляясь прикосновениям, даже неосознанно. Борись, — подумал я с тёмным удовлетворением. Всегда борись.

Убрался я. Ни одного отпечатка. Ни одного волоска. Только она, её комната и два новых украшения, которые она обнаружит утром.

Я стоял в дверях, готовый исчезнуть так же бесшумно, как и появился. И тогда она заговорила сквозь сон. Голос был тихим, сбивчивым, лишённым всякой защиты.

«...демон...»

Слово повисло в воздухе. Не как оскорбление. Как констатация факта. Как имя.

Что-то дрогнуло в самой глубине моей холодной, чёрной сущности. Эхо. Слабый, далёкий отзвук той самой песни, которую я жаждал услышать.

Я не ответил. Просто растворился в предрассветных сумерках, оставляя её одну в её клетке, дверь в которую теперь навсегда была открыта.

Путь до моего пентхауса я не помнил. В голове стучала одна мысль, навязчивая и пугающая в своей ясности.

Отец и Маммон видят в ней актив или угрозу.

Люк видит в ней опасность.

Охотники,если узнают, увидят в ней трофей.

А я... я видел в ней единственную вещь, которая когда-либо заставляла мою кровь не просто кипеть от ярости или скуки, а петь.

И если кто-то — отец, князь тьмы или весь проклятый город — попытается отнять её у меня, я сожгу этот мир дотла. Начав с них.

Я вошёл в свою стерильно-холодную квартиру, сбросил куртку на пол. В отражении гигантского панорамного окна, за которым просыпался Лондон, стоял не наследник империи. Стояло нечто с глазами цвета стали и огня, с тенью, которая колебалась неестественно, и с тихой, безумной уверенностью в душе.

— Моя, — прошептал я своему отражению. И на этот раз это слово звучало не как обладание, а как обречённость. Как клятва.

А где-то внизу, в трубах и тоннелях, древнее что-то, уловив этот новый, властный вибрационный ряд, удовлетворённо заурчало. Игра только начиналась.

Утро ворвалось в лофт не лучами солнца, а серым, просачивающимся светом, который лишь подчеркивал тени. Я провел ночь без сна, сидя у окна, наблюдая, как ночь медленно сдает позиции. Виски не помог. Мысли, как назойливые насекомые, кружились вокруг одного центра — ее.

Сирена. Это объясняло многое. Ее магнетизм, который я списывал на обычную человеческую харизму. Те странные вибрации при прикосновении — не моя фантазия, а резонанс двух разных, но мощных сверхъестественных энергий. Ее бесстрашие — не глупость, а врожденная сила, еще не пробужденная до конца, но уже дававшая о себе знать в инстинктах.

И ее тетка, Розалинда Хадсон. «Ведьма», — прозвучало в моей памяти из досье, которое я когда-то бегло просматривал, проверяя ее окружение. Значит, Мэйв не просто сирота-сирена. Она под защитой. Обучаема, возможно. Или, что более вероятно, ее силу подавляли, скрывали, чтобы уберечь. От таких, как я.

Горькая ирония скривила мои губы. Я, надзиратель за шалопаями-демонами, сам вляпался в историю с полукровкой, чья истинная природа могла бы заставить вздрогнуть даже некоторых Князей. Голос, способный разорвать души... И я хотел заполучить его обладательницу.

В дверь грубо постучали. Не звонок. Стук. Я знал, кто это. Встал, чувствуя, как затекшие мышцы ноют, и открыл.

Люк ввалился внутрь, пахнувший холодным утром, дорогим одеколоном и едким сарказмом. Он скинул куртку на тот же стул, что и я вчера, и уставился на меня, закинув руки на бедра.

— Ну-с, — протянул он, и его глаза, цвета темного меда, сверлили меня с нескрываемым любопытством. — Поздравляю. Ты выглядишь как дерьмо, которое переехали два раза, а потом еще и отполировали. Значит, вечер удался?

— Заткнись, Люк, — буркнул я, направляясь к кофемашине. Мне нужен был кофе. Много кофе.

— О, какой нежный, — он последовал за мной, устроившись на барном стуле. — Рассказывай. По порядку. Начиная с того, не пришлось ли тебе вызывать клининговую службу для ангара.

Я налил себе эспрессо, не предлагая ему, и сделал большой глоток. Горечь была приятной и отрезвляющей.

— Она пришла. Все прошло... не по плану.

— Это я вижу, — Люк усмехнулся. — По плану было на-

пугать и выкинуть. А ты сидишь здесь с видом приговоренного к колесованию, который только что узнал, что колесо — это еще и цветочек. Что случилось, Демон? Она оказалась девственницей? Или у нее был член?

— Брось, — я резко поставил чашку. Звук был громче, чем нужно. — Она... другая.

Люк притих. Его насмешливый взгляд сменился на осторожно-аналитический.

— Другая. В смысле, у нее три соска? Или в смысле... другая?

Он сделал акцент на последнем слове. Мы оба понимали, что он имеет в виду. Не просто странная. Не от мира сего.

Я медленно кивнул, глядя на темную жидкость в своей чашке.

— Я не уверен. Но есть подозрения. Очень веские.

— Сука, — выдохнул Люк без особой эмоции, больше как констатацию факта. — И что же? Некромантка?оборотень? Ведьма, как ее тетка?

— Хуже, — я поднял на него взгляд. — Сирена.

Наступила тишина. Люк перестал даже дышать на пару секунд. Потом медленно, очень медленно, свистнул.

—Охренеть. Рыжая бестия из кафе — сирена. Живое оружие массового поражения в фартуке. Ну, поздравляю, брат. Ты не просто связался с опасной игрушкой. Ты нашел ядерную кнопку и решил на нее понажимать, чтобы посмотреть, мигает ли она. И что, нажал?

Воспоминания хлынули волной: ее связанные запястья, ее стоны, ее тело, отзывающееся на мою ярость с такой же дикой силой.

—Можно сказать и так, — хрипло ответил я.

Люк закрыл глаза, потирая переносицу.

—И как она отреагировала? После. Она что-нибудь... спела?

— Нет. Ничего сверхъестественного. Только... — я замялся, подбирая слова. — Резонанс. Что-то вроде вибрации. Едва уловимое. И сила в ней. Не физическая. Воля. Она не сломалась.

— Потому что она сирена, болван! — Люк всплеснул руками. — Ее суть — влияние, контроль через голос. Ее воля должна быть крепче стали, иначе она сама сойдет с ума от своей силы! Ты думал, ты играешь с испуганной девчонкой?

Ты играл с тигрицей, которой пока просто не дали когти!

Его слова били прямо в цель. Он был прав. Я был слеп. Или, что хуже, я видел, но намеренно игнорировал признаки, потому что меня ослепило желание.

— Что теперь? — спросил я его, и в моем голосе прозвучала та самая неуверенность, которую я ненавидел.

— Что теперь? — Люк фыркнул. — Вариантов, собственно, два. Первый — самый разумный. Исчезнуть. Навсегда. Стереть все следы, надеяться, что ее тетка-ведьма не наложит на тебя проклятие, а сама сирена не решит, что тебя нужно найти и разорвать на атомы своим колыбельным. Второй... — он сделал паузу, изучая меня. — Второй — продолжать играть с огнем. Узнать, что она из себя представляет на самом деле. И быть готовым к тому, что в любой момент она может проснуться и разнести твою бедную демонскую душу в клочья.

Он встал и подошел ко мне вплотную, его лицо стало серьезным, без тени привычного балагурства.

—И давай без дураков, Эйден. Зачем она тебе? Понятно, что трахнул — и впечатлило. Но дальше-то что? Ты что, влюбился? В сирену? Ты слышишь сам себя?

«Влюбился». Слово было таким чужим, таким нелепым в контексте моей жизни, что я чуть не рассмеялся. Нет. Не любовь. Это было что-то другое. Навязчивая идея. Вызов. Притяжение двух темных, опасных полюсов. И странное, глупое чувство... признания. Как будто я нашел того, кто может смотреть на мою истинную суть, не отводя глаз. И не умирать от ужаса.

— Я не знаю, что это, — честно сказал я. — Но я не могу просто уйти.

Люк смотрел на меня долго, а потом тяжело вздохнул, отступая.

— Ну, я же говорил. Ебанутый. Ладно. Значит, вариант два. Но с страховкой. С запасным планом. И с четким пониманием, что в любой момент все может пойти к чертям. Твоя рыбка, как выяснилось, может оказаться акулой. Ты готов к этому?

Я посмотрел в окно, на просыпающийся город. Где-то там она, наверное, тоже не спала. Разбирала вчерашнее по косточкам. Злилась. Боялась. Или планировала что-то свое.

— Готов или нет, — сказал я тихо, — игра уже начата. И я не собираюсь выходить из нее первым.

Люк покачал головой, но в его глазах я увидел не осуждение, а странную смесь тревоги и братской солидарности.

— Ну что ж. Тогда первое правило — больше никаких ангаров. Идиоты и так сходятся. Встречайся с ней в людных местах. Пока играй в своего мажора. Узнавай ее. Но будь на чеку. Если она хоть раз попытается что-то спеть, даже под нос — вали оттуда со всех ног. И... — он помедлил. — Узнай про ее тетку побольше. Если та ведьма, то она тебя уже, возможно, вычислила. И решает, что с тобой делать.

Он был прав. Вновь. Розалинда Хадсон была новым, очень опасным фактором в уравнении.

— Хорошо, — кивнул я.

Люк хлопнул меня по плечу, уже возвращаясь к своему привычному тону.

— Ну, а теперь подробности. Ну же. Как она, когда... знаешь. Хотя нет, знаю что. На твоей роже все написано. Лучше расскажи, каково это — целоваться с существом, которое может разорвать тебе разум горловым пением.

Я бросил в него скомканной салфеткой, но углы моих губ сами собой дрогнули. На секунду все вернулось в привычное русло — братство, грубый юмор, разделенная опасность.

Но в глубине души, под слоем кофеина и бравады, клубилось холодное, тревожное знание. Игра в кошки-мышки закончилась. Началась охота. И я еще не был уверен, кто в ней охотник, а кто — добыча.

## Глава 14. Мэйв

Проснулась я с ощущением, будто меня переехал грузовик, а потом собрали заново, не слишком аккуратно. Каждая мышца ныла сладкой, глубокой болью, а между бёдер пульсировало смутным напоминанием о вчерашнем. Солнце, пробивавшееся сквозь незанавешенное окно, било прямо в глаза. Я застонала, натянула одеяло на голову.

И тут всё нахлынуло.

Ангар. Сине-фиолетовый свет, отбрасывающий длинные тени. Холод металла на запястьях. Горячее дыхание Эйдена на шее. Его голос, низкий и властный, впивающийся в подкорку. Его руки, которые могли причинять адскую боль и давать небесное наслаждение, словно переключая тумблер. Его глаза — сталь и пламя, — не отрывавшиеся от моего лица, ловившие каждую гримасу, каждый вздох, каждый стон.

Я сглотнула. В горде пересохло.

«Ты — мой демон».

Боже правый, я это сказала. Я признала это. И что хуже всего — в тот момент я это имела в виду. Это не было

ложью под давлением. Это был вызов, выпущенный сквозь стиснутые зубы, признание силы, которая оказалась равна моей собственной ярости. В этом была какая-то извращённая честность.

Я села на кровати. Простыня сползла, обнажив синяки на бёдрах — отпечатки его пальцев. На запястьях краснели полосы от верёвок. Я провела по ним подушечками пальцев. Не больно. Странно... тепло. Как будто моя кожа запомнила прикосновение и теперь скучала по нему.

— Чёрт возьми, Келлан, ты совсем спятила, — прошептала я в тишину комнаты.

Но даже мысленный упрёк не вызывал отторжения. Вместо него внутри клубился густой, тёплый и тревожный хаос. Стыд — да, был. Страх — ещё бы. Но под ним бушевало что-то другое. Ощущение пробуждения. Как будто я двадцать лет ходила в тёмной, тихой комнате, а он вдруг распахнул дверь и впустил ураган. Ураган, который сносил всё нафиг, но заставлял чувствовать каждую клетку.

Я потянулась за телефоном. Ни сообщений, ни пропущенных. Только напоминание о том, что тётя Роза уехала рано утром на озеро, на две недели своей «ботанической практикой», как она это называла. Осталась одна. Мысль была и пу-

гающей, и... освобождающей.

Душ взял очень горячий, почти обжигающий. Я стояла под струями, пытаюсь смыть с себя его запах — дым, дорогой одеколон и что-то дикое, перевозданное. Бесполезно. Он въелся в кожу. Я видела своё отражение в запотевшем зеркале — разметанные медные волосы, слишком яркие глаза, раскусанную губу. На лодыжке блеснуло серебро. Тонкая, изящная цепочка с мелкими, замысловатыми чёрными знаками. Подарок. Нет, метка. Он надел её на меня, пока я спала. Я дернула. Не снималась. Замка не было. Просто холодное, идеальное кольцо.

Я не стала его срывать. Не знаю почему. Может, из страха, что это вызовет какую-нибудь магическую обратку. Может, из... чего-то ещё.

Пока я завтракала тостами с авокадо (жест попытки вернуть нормальность), приехали они. Лена, Стеф и Джеки. Без звонка, как обычно. Завалились на кухню с пакетами из Starbucks и озабоченными лицами. Пахло кофе, корицей и напряжённым любопытством.

— Ну? — Лена устроилась напротив, упершись подбородком в кулак. Её взгляд был скальпелем, готовым вскрыть любую ложь.

Стеф прыгала на месте, не в силах усидеть.

— Мы три часа тебе звонили! Где пропадала? С ним?

Джек стоял у окна, спиной к нам, но по напряжённым плечам было видно — слушает каждое слово.

Я отпила латте. Сахар, кофеин — топливо для исповеди.

— Да, — сказала тихо. — Мы переспали.

На кухне повисла тишина. Даже Стеф замолчала.

Джек медленно обернулся. Его обычно добродушное лицо было искажено гримасой недоверия и... обиды? Нет, скорее, отеческой тревоги.

— Серьёзно? С этим ублюдком?

— Джек, — попыталась я его унять.

— Что «Джек»? — он сделал шаг вперёд. — Мэйв, ты в своём уме? Этот тип опасен! О нём ходят слухи...

— Какие слухи? — встряла Лена, не отрывая от меня глаз.  
— Что он буйный? Что отец его от всех дел отстранял? Что

у него психи?

— Да все, чёрт возьми! — взорвался Джек. — Он не просто «мажор», Мэйв. Он... он какой-то ненормальный.

— Как бы выразилась Лена... — начала я, пытаюсь перевести всё в шутку, сбить накал.

— «Села ему на член», — бойко закончила Стеф, и в её голосе прозвучало одобрение.

Я кивнула.

— Можно и так сказать.

— И?! — выдохнули хором Лена и Стеф, их глаза стали круглыми, как блюдца.

Джек просто смотрел, скрестив руки на груди. В его взгляде читался немой вопрос: «Зачем?»

Я глубоко вздохнула, готовая выплеснуть это. Выговориться, чтобы самой осмыслить.

— Он оказался... любителем.

— Чего? — Джек нахмурился.

Стеф аж подпрыгнула.

— О, Боже! Нам из тебя щипцами вытаскивать?! Говори уже!

— БДСМ, — выпалила я. Слово прозвучало громко, почти неприлично, в уютной солнечной кухне.

Лена замерла на секунду, а потом медленно, с почти благоговейным уважением, произнесла:

—Ебать.

Джек побледнел.

—И? — спросил он сдавленно. — Он... он тебя не... не бил?

— Нет, — быстро ответила я. — Не так. Это было... — Я искала слова, вертя в руках кружку. — Контролируемо. Страшно. Интенсивно. У него были верёвки, наручники... Он меня привязывал. Контролировал. И... — Я замолчала, чувствуя, как жар разливается по щекам.

— И тебе понравилось, — безжалостно dokonчила Лена. Это не был вопрос.

Я посмотрела на неё, затем на Стеф, которая закусилa гу-

бу, и на Джека, чьё лицо стало каменным.

— Как бы странно это ни звучало... — начала я, глядя в свою кружку, как в гадальную чашу. — Да. Внутренне. Внутренне я была согласна на это. Внутренне мне... это понравилось.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и откровенные.

Джек взорвался.

— Хочешь сказать, тебе понравилось трахаться с маниакальным мажором, который, возможно, психопат? Который пугает тебя, шлёт непонятные подарки, а потом исчезает? Мэйв, это же классика абыюза!

— Джеки! — резко оборвала я его. Голос дрогнул. — Ты не был там. Ты не понимаешь.

— Что я не понимаю? — он развёл руками. — Объясни! Потому что я вижу свою лучшую подругу, которая всегда была умнее этого всего, и она вдруг вляпывается в историю с богатым уродом, у которого, очевидно, куча проблем!

— Он не просто «богатый урод»! — выкрикнула я, сама удивившись своей горячности. — Да, он опасен. Да, он пугает. Но когда он смотрит на меня... я не чувствую себя невидимкой. Я чувствую... себя увиденной. Всю. Со всеми тём-

ными уголками, про которые я сама не знала. И он их не боится. Он их... принимает. Более того, он их хочет.

Я замолчала, переводя дух. Сердце колотилось где-то в горле.

Лена тихо присвистнула.

— Ну, детка, похоже, ты нашла свою вторую половинку. Такую же ебанутую, как и ты сама.

— Лена! — огрызнулся Джек.

— Что? — она пожала плечами. — Я просто констатирую. Мэйв всегда была не из простых. Все эти её «вибрации», странные сны, непереносимость громкой музыки... Может, ей и нужен кто-то, кто не будет пытаться впихнуть её в розовую коробочку с бантиком.

— Он может сломать её, — угрюмо сказал Джек.

— Или она его, — парировала Лена. — Ты же её знаешь. Она не овечка.

Я смотрела на своих друзей, на этот привычный мир заботы, споров и кофе. И чувствовала, как что-то внутри отдаляется. Как будто между мной и ними опустилось толстое, зву-

конепроницаемое стекло. Они говорили об Эйдене Мортвеле, сыне магната, опасном мажоре. Они не знали, что он — нечто большее. Что он демон в прямом смысле. Что в его глазах действительно живёт огонь преисподней. Они не чувствовали того низкого гула, той древней мощи, что исходила от него и будила во мне ответный, дикий отзвук.

Они не знали о серебряной цепочке на моей лодыжке, которая иногда, как живая, согревалась у кожи.

— Я не знаю, что это, — сказала я тихо, перебивая их спор. — Я не знаю, чем это кончится. И да, Джеки, ты прав, это может быть ужасной ошибкой. Но... — Я подняла на него глаза. — Я не могу просто так это вычеркнуть. Не могу сделать вид, что ничего не было. Он вошёл, и дверь захлопнулась. Теперь надо разбираться с тем, что внутри.

Джек смотрел на меня долго-долго. Потом вздохнул, подошёл и обнял.

— Ладно, — прошептал он мне в волосы. — Ладно, Рыжая. Но если он сделает тебе хоть малейшую боль... настоящую боль... я убью его. Богатый папаша или нет.

Я прижалась к нему, вдыхая знакомый запах мыла и сигарет. Это был мой якорь. Мой Джек. Но даже в его объятиях я чувствовала холодок серебра на щиколотке и помнила жар

прикосновений Эйдена.

Они ушли, пообещав зайти вечером. Я осталась одна в тишине. Подошла к окну, откинула занавеску. Улица была залита солнцем, обыденная и спокойная.

И тогда я увидела его.

В тени напротив, прислонившись к чёрному внедорожнику, стоял Эйден. Он был в чёрной футболке и джинсах, руки в карманах. Он не махал, не звонил. Он просто смотрел. Прямо на мое окно. Как будто знал, что я здесь. Как будто ждал.

Сердце ёкнуло, замерло, а потом забилось с бешеной силой. Не со страхом. С предвкушением. С вызовом.

Я не отшатнулась. Не опустила занавеску. Я встретила с ним взглядом через стекло и расстояние. И медленно, очень медленно, коснулась пальцами следов от верёвок на своём запястье.

Он уловил движение. Уголок его рта дрогнул в едва уловимой усмешке. Потом он кивнул. Один раз. Коротко и уверенно.

Игра продолжалась. И я, к своему ужасу и восторгу, была готова в неё играть.

Я опустила занавеску, прислонилась спиной к стене. Ладонь прижала к груди, где сердце пыталось вырваться наружу.

«Ты — мой демон», — прошептала я в пустоту.

И где-то в глубине души, в самом тёмном её уголке, что-то ответило тихим, удовлетворённым рычанием.

Неделя.

Семь дней, семь ночей, каждый из которых растягивался в странный, липкий временной континуум, где реальность колебалась, как мираж над асфальтом в зной.

Солнце вставало, кафе наполнялось запахом свежей выпечки и гомоном голосов, я разносила заказы, улыбалась постоянным клиентам, переругивалась с Леной на кухне. Рутинка — мой старый, проверенный щит. Я вцепилась в неё мертвой хваткой, как утопающий в соломинку. Каждое движение было отрепетированным, каждое слово — из старого, безопасного сценария. «Кофе с корицей? Конечно, миссис Эндрюс». «Пирог с вишней только что испекли». «Джек,

убери свои грязные кроссовки со стола!»

Но под этим тонким слоем нормальности клочкотала тихая, безумная паника.

Каждое утро начиналось одинаково. Я просыпалась от кошмаров, в которых не было сюжета, только ощущения: холод металла, запах крови и дождя, и чьи-то глаза цвета мокрого камня, следящие за мной из темноты. Я вскакивала, обливаясь холодным потом, и первым делом смотрела на лодыжку. Серебряная цепочка была там всегда. Холодная, идеальная, не снимающаяся. Иногда, перед рассветом, она чуть теплела, словно кто-то держал её в ладони.

Потом был порог. Каждое утро, выходя из квартиры, я замирала, сердце заходясь в груди. И каждый раз она лежала там. Аккуратная, матовая чёрная коробочка, размером с ладонь. Никаких почтовых марок, никаких записок. Просто лежала, как чёрная дыра в привычной реальности моего коврика.

Я их не открывала сразу. Относила внутрь, ставила на кухонный стол, и пока варила кофе, они лежали и смотрели на меня. Молчаливые, зловещие и невероятно дорогие на ощупь.

В понедельник — одна крупная, идеально круглая жемчужина цвета лунного света. Во вторник — две, чуть мельче, с едва уловимым розовым отливом. В среду — три чёрных, таинственных и глубоких, как ночное небо без звёзд. Он собирал для меня ожерелье. Жемчужина за жемчужиной. День за днём. Это был не подарок. Это был отсчёт. Медленное, методичное плетение невидимой сети вокруг меня.

Я складывала их в старую шкатулку из-под маминых серёг. Они лежали там на бархате, холодные и мертвенные. Красивые и абсолютно чужеродные.

А потом я включала телевизор или открывала новостную ленту на телефоне. И мир снаружи начинал кричать в унисон с моим внутренним ужасом.

«Третья за неделю: в Лондоне пропала студентка Королевской академии музыки...»

«Родные бьют тревогу: талантливый молодой скрипач не вышел на связь...»

«Полиция ищет свидетелей исчезновения начинающей художницы из Кэмдена...»

Молодые. Одарённые. Пропадали без следа. Ни требований выкупа, ни следов насилия в квартирах. Просто растворялись в сыром лондонском воздухе. В эфире висело слово,

которое дикторы не произносили, но которое читалось между строк: серийный.

И каждый раз, когда я слышала о новом исчезновении, леденящий холод заползал мне под кожу. Это не было обычной человеческой тревогой. Это было что-то глубже, древнее. Как будто мой внутренний камертон, та самая странная «вибрация», что отзывалась на Эйдена, теперь улавливал и это — низкий, диссонирующий гул страдания, разносящийся по городу. Гул, в котором была та же нота отчаяния и насилия, что я почувствовала тогда, в ангаре. Только там она была сфокусированной, направленной на меня. А здесь — рассеянной, пожирающей всех подряд.

Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к голосам клиентов в кафе. Ищу в них фальшь, напряжение, слишком натянутую веселость. Я вздрагивала от каждого неожиданного звука за спиной. Как-то раз ко мне подошёл новый поставщик, симпатичный парень с улыбкой до ушей, чтобы обсудить поставку кофе. И когда он протянул руку для рукопожатия, я отпрянула, как от огня. В его глазах не было ничего зловещего, только лёгкое недоумение. Но мне почудилось... пустота. Та же пустота, что сквозила в асфальтовых глазах моего похитителя из леса в моих кошмарах.

— Ты сходишь с ума, Келлан, — говорила я себе, заламывая

руки. Но сумасшествие было бы милостью. Оно было бы объяснением. Нет, я была в трезвом, ужасающем уме. И мир вокруг медленно, но верно превращался в отражение той тьмы, которую я носила внутри.

Джек, Лена и Стеф старались меня отвлечь. Устраивали вечера кино, тащили в пабы, болтали о пустяках. Но я видела, как они переглядываются, когда я замолкаю посреди фразы, уставившись в пространство. Видела, как Джек хмурится, замечая, что я нервно тереблю цепочку на щиколотке.

— Мэйв, может, тебе к кому сходить? Поговорить? — осторожно предложила как-то Лена, когда мы остались вдвоём, закрывая кафе.

— К кому? К психологу? — я фальшиво рассмеялась, вытирая стойку. — Сказать что? «Доктор, мне снится, что демон вручает мне жемчуг, а по городу рыщет маньяк?» Меня мгновенно упекут.

— Не шути, — строго сказала Лена. — Ты вся на нервах. И эти твои... коробочки. Это ненормально. Надо в полицию.

— Сказать что? — я повторила, уже без смеха. — «Мне анонимный поклонник дарит драгоценности?» Они только покрутят у виска. Или, что хуже, начнут копать. А копать,

Лен, я чувствую, нельзя.

Она посмотрела на меня долгим, пронизательным взглядом. Лена всегда видела больше, чем показывала.

— Это из-за него, да? Из-за Мортвеля. Он как-то связан с этим... с этим страхом твоим.

Я не ответила. Просто продолжила вытирать уже сияющую стойку.

— Он тебя запугал, — тихо сказала она. — Или... или ты сама себя запугала тем, что почувствовала с ним. И теперь тебе везде мерещатся монстры.

«Если б ты только знала, — горько подумала я. — Если б ты только знала, что монстры самые настоящие. И один из них уже поставил на мне свою метку».

В ту ночь я не спала. Сидела у окна в гостиной, завернувшись в плед, и смотрела на пустынную улицу. Дождь стучал по стеклу, тот самый вечный, лондонский дождь, что стирает границы. Я думала о пропавших. О девушке-скрипачке. О художнице. Их талант был их голосом. Их способом кричать миру. Кто-то заставил их замолчать. Навсегда.

И снова это чувство — смутное, инстинктивное знание.

Это не был обычный маньяк. В этом был ритуал. В этом была жажда. Та самая, что светилась в глазах Эйдена, когда он требовал: «Спой для меня».

Я вздрогнула, почувствовав знакомое тепло на лодыжке. Цепочка снова нагревалась. Я посмотрела вниз. В темноте комнаты она слабо светилась тусклым серебристым светом, будто фосфоресцируя. Руны на ней, казалось, шевельнулись, поплыли перед глазами.

И тогда я поняла. Это не просто метка. Это канал. Какая-то связь между нами. Он чувствовал мой страх. Мою тревогу. И... отзывался.

Внезапный, дикий гнев закипел во мне. Гнев на него, на эту игру, на моё собственное бессилие. Я вскочила, сорвала с ноги тапок и изо всех сил швырнула его в стену. Глухой удар. Тишина.

— Хватит! — прошипела я в темноту, не зная, обращаюсь ли я к нему, к маньяку, ко всему этому кошмару. — Оставь меня в покое!

Наутро коробочка на пороге была чуть больше. Я подняла её. Она была тяжелее. Сердце упало куда-то в пятки. Я занесла её внутрь, поставила на стол. Долго смотрела. Потом,

с дрожащими руками, открыла.

Внутри, на чёрном бархате, лежало не просто несколько жемчужин. Лежало почти готовое ожерелье. Исключительной работы, тонкая серебряная нить, на которую были нанизаны все присланные ранее жемчужины. Они переливались всеми оттенками — белым, розовым, чёрным, складываясь в сложный, гипнотический узор. И застёжка... Застёжка была в виде двух маленьких, изящных демонических крылышек.

Рядом с ним лежала крошечная, свёрнутая в трубочку карточка. На ней одним чётким, знакомым почерком было написано:

«Скоро будет завершено».

Я отшатнулась от стола, как от ядовитой змеи. Воздух перестал поступать в лёгкие. «Завершено». Что? Ожерелье? Или... я?

Мой телефон завибрировал на столе, заставив меня вздрогнуть. Незнакомый номер. Сообщение.

«Нравится прогресс? Жемчуг лишь обрамление. Истинная красота — в сердцевине. Скоро увидишь.»

Я задышалась. Пальцы заоченели, не слушались. Я снова посмотрела на новостной заголовок, застывший на экране телефона под сообщением: «Четвёртая жертва? Пропала поэтесса из Сохо...»

Молодая. Одарённая. Поэтесса. Голос.

Прогресс. Истинная красота в сердцевине.

У меня вдруг всё сложилось в чудовищную, отвратительную картину. Жемчуг... обрамление. Ожерелье почти готово. Четыре жемчужины за неделю. Четыре пропавших голоса.

«Нет, — застонала я про себя. — Нет, нет, нет».

Это не мог быть он. Эйден. Он был жесток, он был опасен, он был одержим мной. Но то, что происходило в городе... это было настолько другое. Холодное, методичное, лишённое той личной, пожирающей страсти, что исходила от него. Это была бойня. Конвейер.

Но... что, если это его мир? Мир, в котором он живёт? Что, если эти исчезновения — часть чего-то большего, чего-то, во что вовлечён и он?

Цепочка на лодыжке жгла кожу. Я схватила телефон и, не думая, набрала тот самый номер, с которого пришло сообщение.

Вызов пошёл. Один гудок. Два. На третьем — соединение.

Тишина. Только лёгкое, едва уловимое дыхание на том конце.

— Кто ты? — выдохнула я, голос срываясь до шёпота. — Что ты делаешь?

Пауза. Потом — голос. Низкий, бархатный, спокойный. Не Эйден. Совсем другой. Но от этого не стало легче.

— Я собираю красоту, — произнёс он. И положил трубку.

Я стояла посреди кухни, сжав в руке телефон, глядя на сверкающее жемчужное ожерелье и на чёрный заголовок на экране. И чувствовала, как граница между моим личным кошмаром и кошмаром, охватившим весь город, окончательно рушится.

Дождь за окном усилился. Словно сам Лондон плакал кровавыми слезами. А что-то древнее, привлечённое этой песнью страха и смерти, открывало глаза. И смотрело прямо

на меня.

Дождь стих, сменившись плотной, мокрой тишиной, которая давила на уши тяжелее любого шума. Я не ложилась. Не могла. Тело было измотано до дрожи, но мозг, раскалённый до бела, продолжал метаться по кругу одного и того же кошмара наяву. Жемчуг. Пропавшие. «Собираю красоту». Голос в трубке. Холодный, методичный, лишённый безумия Эйдена. Это было хуже. Безумие хотя бы можно понять. А эта... эта ледяная расчётливость не оставляла щелей для надежды.

Я сидела на полу в гостиной, прислонившись к дивану, и смотрела на ожерелье, лежащее на кофейном столе. При свете настольной лампы жемчужины переливались ядовитым, мертвенным блеском. Крылатая застёжка казалась насмешкой. Я снова и снова прокручивала в голове тот короткий разговор. «Собираю красоту». Что это значит? Что он собирает? Голоса? Таланты? Души?

И самое ужасное — ощущение, что где-то на задворках сознания я знала ответ. Знакомила его. Он отдавался эхом в той самой части меня, что была сиреной, что реагировала на песню, на вибрацию, на скрытую гармонию мира. И эта часть сейчас кричала в панике, билась о стены, как птица в клетке.

Я схватилась за голову, пытаюсь заглушить внутренний вой. Цепочка на щиколотке была ледяной. Эйден не давал о себе знать. Ни звонка, ни сообщения, ни его тяжёлого, властного присутствия за окном. Как будто он знал, что сейчас я принадлежу другому страху. И отступал, позволяя ему делать свою работу.

Именно в эту гнетущую тишину и вползли они. Шаги.

Сначала я не поверила своим ушам. Подумала, что это стучит кровь в висках. Но нет. Чёткий, металлический звук. Негромкий, но отчётливый в ночной тиши. Скрип... шаг... пауза... скрип... шаг.

Они поднимались по чугунной винтовой лестнице, что вела с заднего двора прямо к моей двери. Той самой лестнице, по которой когда-то поднимался Эйден.

Но это был не он.

Я знала это с первой же секунды. Походка Эйдена была тяжёлой, уверенной, властной. Он не скрывал своего присутствия. Он заявлял о нём. Эти же шаги были... осторожными. Изучающими. Почти крадущимися. Но в них не было трусости. Была хищная, холодная выдержка. Как у кошки, подбиравшейся к мышиной норе.

Я замерла, перестав дышать. Сердце заколотилось так, что, казалось, его стук услышат на улице. Я медленно, очень медленно поползла по полу, к окну, которое выходило на крошечный балкон и лестницу. Оно было закрыто на замок и зашторено плотными шторами. Я приникла к щели между тканью и стеной.

Снаружи царила крошечная тьма. Фонарь во дворе давно перегорел. Я ничего не видела. Только слышала.

Шаги остановились прямо перед моей дверью. Не на площадке, а на последней ступеньке, будто человек прислушивался. Я почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки. Он был здесь. В двух метрах от меня, за тонкой деревянной дверью.

Прошла минута. Две. Тишина была настолько густой, что в ушах начал звенеть собственный страх. Что он делает? Слушает мое дыхание? Чувствует мой ужас? Нюхает его?

И тогда я почувствовала это. Не звук. Не запах. Вибрацию. Тот самый низкий, диссонирующий гул, что преследовал меня всю неделю. Тот самый, что исходил от новостей о пропавших. Он был здесь. Прямо за дверью. Концентрированный, плотный, как физическая стена. От него затошнило.

В горле встал ком. Это была не просто злая воля. Это была... пустота. Абсолютная, всепоглощающая пустота, жаждавшая наполниться чем-то чужим, ярким, живым. Красотой. Голосом.

Мои сиреньи инстинкты, обычно глухие и спящие, взвыли в панике. Беги. Спрячься. Молчи. Это был охотник. А я — добыча. Но не просто добыча. Я была чем-то... смежным. Чем-то, что могло его привлечь особенно сильно. Моя внутренняя песня, заглушённая и искажённая, была для него как свет маяка для корабля, сбившегося с курса в тумане.

Я прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать. Глаза застилали слёзы ужаса. Закрыто. Окно закрыто. Дверь закрыта. Но что это значило для такого? Эйден проникал без усилий. Что, если и этот сможет?

Шаги снова зазвучали. Но не вверх, к двери. Вниз. Он спускался. Медленно, не спеша. Скрип... шаг... пауза. Как будто он просто проверял. Оценивал обстановку. Пометил территорию.

Я не двигалась, пока последний звук не затих в глубине двора. Потом ещё полчаса сидела, прижавшись спиной к стене под окном, дрожа мелкой, неконтролируемой дрожью. Цепочка на лодыжке всё это время была ледяной. Мёртвой.

Никакого ответа. Никакой защиты. Только холодное серебро, впившееся в кожу.

Когда силы вернулись, я поползла к двери. Не вставая на ноги. Проверила замок. Щеколда была задвинута, цепочка висела на своём месте. Я приложила ладонь к дереву. Оно было холодным и... обычным. Никакой остаточной энергии, никакого ощущения прикосновения по ту сторону.

Но на пороге, в щели между дверью и косяком, торчал крошечный, почти невидимый предмет. Я протянула дрожащие пальцы и вытащила его.

Это был высушенный, сморщенный лепесток тёмно-красной розы. Почти чёрный. От него пахло не цветами, а сырой землёй, прелыми листьями и чем-то медным, знакомым. Кровью.

Он оставил визитку.

В тот момент во мне что-то надломилось. Тихий, рациональный страх сменился ледяной, беззвучной яростью. Меня преследовали. На мне ставили метки. Мной играли, как вещью. Сначала Эйден со своей маниакальной одержимостью. Теперь этот... этот коллекционер «красоты». А я сидела тут, дрожала и позволяла.

Нет.

Я поднялась на ноги. Дрожь утихла, сменившись твёрдой, негнущейся решимостью. Я прошла на кухню, взяла самую тяжёлую сковороду и поставила её рядом с кроватью. Потом взяла нож — не кухонный, а небольшой, но острый охотничий складник, подарок Джека на восемнадцатилетие «для самообороны». Он лежал в ящике с забытыми вещами. Теперь лёг мне в ладонь, холодный и утешительно реальный.

Я вернулась в гостиную, подошла к столу и взяла в руки ожерелье. Жемчужины были гладкими, обманчиво нежными.

«Собираю красоту», — эхом прозвучал в голове голос.

— Хочешь мою красоту? — прошептала я в тишину, сжимая холодное серебро в кулаке так, что жемчужины впились в кожу. — Приди и возьми. Но будь готов заплатить.

Я не знала, кто этот охотник. Не знала, как с ним бороться. Но я знала одно: я больше не буду просто жертвой. Если моя природа, моя «песня» привлекала этих тварей, значит, пришло время её использовать. Не для спасения. Для войны.

Я сунула высушенный лепесток в карман джинсов, вместе

со складным ножом. Ожерелье швырнула обратно в чёрную коробку и захлопнула крышку. Потом подошла к окну, распахнула штору и посмотрела в чёрное, беззвёздное небо.

— Я вижу тебя, — сказала я тихо, но чётко. Не знала, обращаюсь ли к коллекционеру, к Эйдену или ко всей этой проснувшейся тьме. — И я больше не боюсь.

Это была ложь. Я боялась до самой глубины души. Но теперь этот страх был не парализующим, а острым, как лезвие. Он точил мою волю.

Я легла в кровать, не раздеваясь, засунув нож под подушку, сковороду положив рядом на тумбочку. Спать я не собиралась. Я ждала. Слушала. И планировала.

А за окном, в сырой лондонской ночи, тени шевелились чуть живее, чем обычно. И древнее зло, привлечённое всплеском страха и первой искрой гнева, улыбнулось во тьме. Игра становилась интереснее.

## Глава 15. Эйден

Неделя.

Дни, которые ощущались как растянутая пытка. Не та, что я устраиваю другим — быструю, техничную, очищающую. Нет. Это была медленная, изощренная ломка изнутри.

Утро ворвалось в лофт не лучами солнца, а серым, просачивающимся светом, который лишь подчеркивал тени. Я провел ночь без сна, сидя у окна, наблюдая, как ночь медленно сдает позиции. Виски не помог. Мысли, как назойливые насекомые, кружились вокруг одного центра — ее.

Сирена. Это объясняло многое. Ее магнетизм, который я списывал на обычную человеческую харизму. Те странные вибрации при прикосновении — не моя фантазия, а резонанс двух разных, но мощных сверхъестественных энергий. Ее бесстрашие — не глупость, а врожденная сила, еще не пробужденная до конца, но уже дававшая о себе знать в инстинктах.

И ее тетка, Розалинда Хадсон. «Ведьма», — прозвучало в моей памяти из досье, которое я когда-то бегло просматривал, проверяя ее окружение. Значит, Мэйв не просто си-

рота-сирена. Она под защитой. Обучаема, возможно. Или, что более вероятно, ее силу подавляли, скрывали, чтобы убедить. От таких, как я.

Горькая ирония скривила мои губы. Я, надзиратель за шапопаями-демонами, сам вляпался в историю с полукровкой, чья истинная природа могла бы заставить вздрогнуть даже некоторых Князей. Голос, способный разорвать души... И я хотел заполучить его обладательницу.

Я достал телефон. Нашел ее номер. Не тот, с которого я слал анонимные сообщения, а настоящий, который добыл еще неделю назад. Набрал сообщение. Короткое. Прямое. Игра в кошки-мышки закончилась в ангаре. Теперь начиналось что-то другое.

«Мой лофт. Сегодня. 20:00. Придешь — получишь ответы. Не придешь — я найду тебя сам. Выбирай, рыбка. — Э.»

Я отправил. Не ждал мгновенного ответа. Просто положил телефон на стол и снова посмотрел в окно.

Охота продолжалась. Но правила изменились. Я больше не был просто охотником. Я был и добычей, и территорией, и призом одновременно. И черт побери, это было единственное, что за долгие годы заставило мою кровь петь не от яро-

сти или боли, а от предвкушения.

Пусть попробует взять верх. Я был готов сыграть даже на этом поле. Лишь бы игра не заканчивалась.

Телефон лежал на стеклянной поверхности стола, черный, немой, как кусок льда. Я уставился в него, ожидая вспышки экрана, вибрации, чего угодно. Внутри всё было напряжено до предела, каждая мышца готова была к действию, к реакции. Послание было вызовом, границей, которую я провёл. Зайдёт она за неё или нет.

И вот — вибрация. Короткая, резкая. Не уведомление, а смс.

Экран загорелся. Имя: «Рыбка».

Я коснулся его, и сообщение развернулось.

«Да пошел ты нахрен козлиная морда»

Я замер. Не от ярости. Нет. Сначала — ощущение, будто мне нанесли идеально рассчитанный удар ниже пояса, от которого в висках застучала кровь, а в груди что-то дико и радостно взревело. Так. Вот так. Не трусливое молчание, не истерика. Грязная, отборная, уличная ругань. Как будто

она плюнула мне прямо в лицо через экран. Это было честнее всех её прошлых страхов и вызовов. Это был её голос, её настоящий, без прикрас, без игры в жертву. Мой рохля сам собой растянулся в медленной, непроизвольной ухмылке, оскале чистейшего наслаждения.

Мои пальцы уже летели над клавиатурой, отвечая на импульс, на вызов. Мыслей не было, только инстинкт, желание ткнуть её носом в ту самую грань, что нас связала.

«А совсем недавно ты стонала подо мной» Отправил. И тут же, не давая передышки, вторым сообщением: «Не впечатлило?»

Я почти физически ощущал её по ту сторону — как она покраснеет, как сожмёт кулаки, как её глаза загорятся той самой яростной, живой силой, которую я почуял в ангаре. Я ждал. Ждал её реакции, её следующего выпада. Это был наш танец теперь — обмен ударами, каждый из которых был и раной, и лаской.

Ответ пришёл почти мгновенно. Она не заставила себя ждать.

«На троечку»

Простое сообщение. Три слова.

И всё внутри меня... взорвалось тихим, сокрушительным фейерверком. Я рассмеялся. Громко, хрипло, не скрывая. Звук был непривычным даже для моих собственных ушей. Не саркастический смешок, а настоящий, грубый хохот, который вырвался из самой глубины, где пряталось всё моё чёрствое нутро.

На троечку.

Боже всемогущий. Она не просто огрызнулась. Она оценила. Хладнокровно, снисходительно, как скучающий преподаватель. После всего, что было. После цепей, после боли, после того, как она чуть не разодрала мне спину в клочья, а я чуть не сломал её. После того, как она признала меня своим демоном. Она ставила мне троечку.

Ярости не было. Было восхищение. Чистое, неприкрытое, хищное восхищение. Эта девчонка была сделана из крепчайшей стали и дикого, неукротимого огня. Она не ломалась. Она адаптировалась. Она переводила наши тёмные, кровавые игры на свой язык и била меня же моим же оружием — сарказмом, вызовом, полным пренебрежением к моей «демонической» мощи.

Я сел в кресло, всё ещё не в силах сдержать ухмылку, и уставился на эти три слова. На троечку. Значит, есть куда расти. Значит, в следующий раз нужно постараться лучше. Чтобы было на «четыре». А потом, может быть, и на «пять с плюсом».

Мой первоначальный план — встреча в кафе, разговор, давление — мгновенно перестал казаться достаточно острым. Слишком предсказуемо. Слишком... скучно для того, кто ставит «троечки» за ночь в аду.

Нужно было что-то другое. Что-то, что заставило бы её понять, что игра только начинается, и что «троечка» — это лишь начало длинного, очень сложного экзамена. Экзамена, на котором экзаменатором был я. И судя по всему, она была готова быть самой прилежной, самой дерзкой студенткой.

Я медленно набрал новый ответ, уже без намёка на улыбку, с полной концентрацией. Каждое слово должно было быть весомым, как удар молота.

«Троечка — это только начало, рыбка. Учебный план только утверждается. И первое практическое занятие — сегодня, в 20:00. Придешь — узнаешь, что значит настоящая «неудовлетворительно». Или как её исправить до «отлично». Выбор, как всегда, за тобой. Только учти: прогулы я не люб-

лю. И наказываю за них строго.»

Отправил. И откинулся в кресле, убрав телефон.

Теперь ждать предстояло дольше. Но ожидание уже не было тягостным. Оно было наполнено сладким, опасным предвкушением. Я снова взглянул в серое небо за окном. Лондон был прежним — мокрым, древним, полным скрытых токов. Но теперь в нём было нечто новое. Яркое, рыжее, неистовое. И оно злилось на меня. И оно вызывало меня на бой.

И чёрт возьми, я никогда не чувствовал себя более живым.

Я смотрел на экран, ожидая её ответа, ощущая тот же странный подъём, что и перед гонкой, когда знаешь, что соперник стоит того. Лёгкий трепет в кончиках пальцев, холодный огонь в груди.

Вибрация.

Рыбка: «О, какой трогательный педагогический порыв. Уже и учебный план составил? Надеюсь, в нём есть пункт «не быть невыносимым засранцем». Хотя, судя по вводной лекции, это у тебя в разделе «дополнительные таланты». 20:00? Посмотрю по настроению. Если не найду ничего поинтерес-

нее. Например, покраску ногтей или наблюдение за тем, как сохнет краска. Шансы 50/50, козлиная морда.»

Я перечитал сообщение дважды. Сначала — просто впитывая каждое слово, каждый отточенный сарказм. Потом — уже анализируя. Она не сказала «нет». Она не проигнорировала. Она ответила. Щедро приправив ответ ядом, но ответила. Это был ключевой момент.

«Посмотрю по настроению». Это значило, что она обдумывает. «Шансы 50/50» — это вызов, приглашение к торгу, к игре на её условиях. Она пыталась вернуть себе контроль, пусть даже на уровне риторики. Перевести наш диалог из плоскости угроз и приказов в плоскость её каприза.

И это... чертовски восхитительно.

Мой демон внутри, тот самый тёмный, собственнический зверь, заурчал от удовольствия. Она не сбегала. Она не молила. Она играла. Острым, опасным языком, как фехтовальщик отточенной шпагой. Каждое её слово было попыткой проткнуть мою броню, найти слабинку, задеть. И в этом был её характер. Её дух. Тот самый, что заставил меня вцепиться в неё с самого начала.

Углы моих губ снова поползли вверх. Не в широкую ух-

мылку, а в сдержанную, хищную усмешку. Так, рыбка. Так. Продолжай. Покажи мне, на что ты ещё способна.

Я поднял палец, чтобы ответить что-то резкое, ещё больше подначить, но остановился. Нет. Слишком просто. Она ждала продолжения нашей перепалки. Ждала, что я буду давать, угрожать, пытаться сломить её сарказм своей грубой силой.

Но что, если сыграть иначе? Что, если принять её правила, чтобы затем перевернуть саму игру?

Я стёр начатый ответ. И написал новый. Спокойный. Почти деловой. Лишённый эмоций, которые она, очевидно, пыталась во мне выпечить.

Эйден: «Пункт «терпеть невыносимых засранцев» у тебя в программе стоит первым. Со скидкой на природное обаяние. Краска, конечно, занятие достойное. Но в 20:01 я начинаю скучать. А когда скучаю — занимаюсь самообразованием. Например, изучаю акустические свойства пустых квартир над кафе. Или вкус твоего страха, когда он свежий. Твои 50/50 я превращу в 100/0 в свою пользу. Не сомневайся. Жду.»

Отправил.

Суть была не в угрозе. Угроза была очевидна. Суть была в тоне. В том, что я не поддался на её провокацию, не стал сползать до уровня перебранки. Я просто констатировал факты. Холодные, неумолимые, как закон гравитации. Ты можешь не прийти. Но тогда игра перейдёт на твою территорию. И правила станут ещё жёстче.

Я положил телефон экраном вниз и подошёл к окну. День клонился к вечеру, серые тучи сгущались, обещая новый дождь. В 20:00. У неё было время. Время нервничать, злиться, бояться. Или время собраться с духом и принять решение.

Какой путь выберет она? Придёт, чтобы посмотреть мне в глаза и бросить новый вызов? Или заставит меня идти за ней, превращая нашу игру в настоящую охоту?

Оба варианта пылали в моём сознании, как два разных огня. Оба были по-своему сладки.

Я повернулся от окна и направился к стойке с виски. Время до 20:00 нужно было чем-то занять. Подготовиться. Продумать ходы. Ведь каким бы ни был её следующий шаг — я должен был быть готов ко всему.

И самое главное — я должен был быть готов к тому, что эта «рыбка» могла преподнести сюрприз. Самый неожиданный. Самый опасный. Потому что иначе игра не стоила бы и грамма того адреналина, что уже стучал в моих жилах.

Телефон снова ожил в моей ладони. Эта чертова рыбка не давала и минуты передышки, каждый ее удар — точный, ядовитый, на грани. И каждый раз, когда экран вспыхивал ее именем, внутри меня взвизывалась та самая дикая струна — смесь ярости, одержимости и чертовски неприличного восхищения.

Ее новое сообщение было коротким, обманчиво простым, как лезвие бритвы.

Рыбка: «Мне уже стоит бежать?»

Вопрос. Не утверждение. Не крик. Вопрос. В нем была шаткая грань между вызовом и искренним страхом, между игрой и животным инстинктом. Она зондировала почву. Хотела понять глубину моего безумия, границы дозволенного в этой извращенной пьесе. Возможно, даже искала хоть какую-то лазейку, слабинку в моей решимости.

Я чувствовал, как моя сущность, демоническая и человеческая одновременно, натягивается, как тетива. Нужно было

ответить так, чтобы и не отпугнуть окончательно, и не дать иллюзии безопасности. Чтобы эта грань оставалась острой, как бритва, под самыми ее босыми ногами.

Эйден: «Смотря куда»

Отправил. Пусть думает. Пусть представляет себе все возможные направления для бегства — все тесные переулки, темные подъезды, пустые квартиры — и понимает, что каждое из них может оказаться тупиком. Что я уже продумал их все.

Ответ пришел почти мгновенно. Язвительный, грубый, отчаянно храбрый.

Рыбка: «Ну уж точно не к тебе на член, мне одного раза хватило спасибо»

Воздух с шипом вырвался у меня из легких — не смех, а нечто более хриплое, первобытное. Она снова ударила ниже пояса, в самую очевидную точку, пытаясь сбить спесь, унижить, превратить нашу тьму в пошлую шутку. Она пыталась обесценить то, что произошло в ангаре. Превратить это в «один раз», в ошибку, в нечто забытое.

О, нет, рыбка. Так быстро ты от этого не отмахнешься.

Жаркая волна — гневная, собственническая, похотливая — прокатилась по мне. Мои пальцы уже выбивали ответ, образ такой же грубый, наглядный, лишаящий ее возможности отшутиться.

Эйден: «А зря. Представь как ты прыгаешь на мне и тут же изменишь свое мнение»

Я намеренно сделал картинку откровенной, почти вульгарной. Лишил ее возможности прятаться за сарказм. Я призвал в воображение саму ее — рыжую, яростную, двигающуюся — и себя под ней. Это была не угроза. Это было напоминание. О том, что ее тело уже знало мое. И отзывалось. Несмотря на весь ее гнев и страх. Это был вызов другого рода — не к бегству, а к повторению. К признанию того, что даже в той боли, в том унижении, была порочная, неистовая искра, которую она не могла отрицать.

Несколько секунд тишины. Я почти физически ощущал, как она там, по ту сторону экрана, краснеет от ярости, сжимает телефон так, что трещит стекло, ищет слова, достаточно острые, чтобы ранить в ответ.

И они пришли.

Рыбка: «Ублюдок конченный»

Просто. Без изысков. Истина, вырвавшаяся из самой глубины, когда сарказм и язвительность уже не могли сдерживать накопившуюся ненависть, отвращение и, черт побери, вовлеченность. Она назвала меня тем, кем я и был. И в этом было больше интимности, чем во всех наших предыдущих перепалках. Это была капитуляция перед фактом моей сути. Признание того, что я — урод, чудовище, и она это видит.

Удовольствие, которое разлилось по мне в ответ, было темным, густым, как деготь. Да. Именно так. Видь меня. Называй меня своими самыми грязными словами. Только не притворяйся, что я — кто-то другой.

Я ответил, не задумываясь, с ледяной, полной самоосознания искренностью.

Эйден: «Приму за комплимент»

Отправил. И опустил телефон.

В комнате повисла тишина, звонкая после этой короткой, взрывной перестрелки. Я стоял, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца. Она не сказала, придет или нет. Она лишь назвала меня ублюдком. И для меня в данный мо-

мент это было важнее любого «да» или «нет».

Потому что это означало, что я в ее голове. Не как призрак, а как живое, осязаемое, ненавистное присутствие. Я занял там пространство. И теперь, что бы она ни решила — бежать, прятаться или прийти — она будет делать это, думая обо мне. С моим именем на губах. С моим образом перед глазами.

Я медленно провел рукой по лицу, смахивая несуществующую усталость. До 20:00 оставалось несколько часов. И теперь я знал наверняка: она будет решать до последнего. Будут метаться страх и любопытство, ненависть и то порочное влечение, которое она так отчаянно пыталась отрицать.

А я буду ждать. Как паук в центре паутины, чувствующий малейшую вибрацию. Готовый к любому ее движению. Потому что эта игра, эта ядовитая, жестокая связь между нами, была единственным, что за последние годы заставило меня чувствовать себя по-настоящему живым. Даже если эта жизнь пахла кровью, болью и словами «ублюдок конченный».

Я направился к душе. Нужно было смыть с себя напряжение ожидания и подготовиться. Встретить ее или отправить на поиски — в любом случае, мне требовалась идеальная ясность ума и полный контроль. Контроль над собой. А че-

рез себя — и над ней.

Игра продолжалась. И ставки только росли.

Струи ледяной воды били по коже, смывая остаточное напряжение, но не затрагивая ту глубинную, тлеющую внутри энергию. Она горела теперь ровным, неукротимым пламенем. Каждый её саркастический выпад, каждое оскорбление были как порция масла в этот огонь. «Ублюдок конченный». Да. Именно. И это «конченное» что-то в ней будило так, как не будили столетия размеренного демонического существования.

Я вытерся грубым полотенцем, кожу покалывало. В зеркале на меня смотрело отражение — знакомые черты, глаза цвета мокрого асфальта, в которых теперь горел отблеск того самого внутреннего огня. Я видел в них не просто наследника Мортвеля, не надзирателя за шалопаями. Я видел охотника, нашедшего добычу, которая кусается. И это зрелище мне нравилось.

Оделся небрежно, но с расчётом: чёрные джинсы, простая тёмная футболка, кожаная куртка. Не для показухи. Для движения. Для действия. В 20:00 мне нужно было быть готовым ко всему.

Телефон лежал на тумбе, немой свидетель нашей перепалки. Я взял его, ещё раз пробежался глазами по диалогу. Она не подтвердила явку. Но и не отказалась начисто. Её последнее сообщение висело в воздухе тяжёлым, неразрешённым аккордом. Она пыталась отгородиться оскорблением, выжечь моё присутствие калёным железом презрения. Но мы оба знали — раз уже началось, так просто не закончится.

Нужно было сделать следующий шаг. Не дать ей затаить-ся, переварить страх и ненависть в одиночестве. Нужно было остаться в её реальности здесь и сейчас.

Я открыл её номер. Не анонимный чат. Прямой вызов.

Гудки прозвучали всего два раза.

— Что? — её голос в трубке был сдавленным, резким, как щепка. В нём не было и тени прежней язвительности. Только голая, натянутая как струна, настороженность. И под ней — шум фоновой жизни: приглушённая музыка, звон посуды. Она на работе. В кафе.

Звук её голоса, живого, не через текст, ударил по мне с новой силой. Моё внутреннее чутьё, та самая демоническая сущность, насторожилась, уловив тончайшие обертоны.

Страх, да. Но и вызов. И усталость. И что-то ещё... упрямство, твёрдое, как гранит.

— Считай это напоминанием о расписании, — сказал я, голосом намеренно низким, ровным, без угрозы, но и без снисхождения. Просто констатация. — Часы тикают, рыбка.

На том конце короткая, резкая пауза. Я слышал, как она перехватила дыхание.

— Я не твоя рыбка, — выдавила она. Но в её тоне не было убедительности. Была попытка убедить в этом прежде всего себя.

— Ты — кто я скажу, — парировал я, не повышая тона. — Пока ты отзываешься на это имя, оно твоё. Как и серебряная цепочка на твоей ноге. Чувствуешь её?

Молчание. Затяжное. Я представил, как она инстинктивно взглянула на свою лодыжку, как кожа под металлом, должно быть, чуть покраснела, напоминая о своём присутствии.

— Ненавижу тебя, — прозвучало наконец. Шёпотом. Но в этом шёпоте была такая концентрированная, чистая сила, что по спине пробежал холодок восхищения.

— Знаю, — честно ответил я. — Это хорошее начало. Гораздо интереснее равнодушия.

— Ты сумасшедший.

— И это ты тоже знаешь. Так будешь? Или мне уже сейчас начать... самообразование? — Я позволил голосу окраситься лёгкой, опасной игривостью на последнем слове.

Послышался звук, будто она отодвинула стул, встала. Голос стал чётче, тише, будто она отошла в сторону.

— Чёрт с тобой. Ладно. Приду. Только чтобы посмотреть, какую очередную хрень ты придумал. И сказать тебе в лицо всё, что о тебе думаю.

Мой демон внутри ликовал. Тихим, зловещим торжеством. Она капитулировала. Не полностью, нет. Она пришла с условием, с вызовом на устах. Но она придёт. Добровольно. Переступит порог.

— Жду, — сказал я просто и положил трубку.

Я не улыбнулся. Напротив, моё лицо стало ещё более сосредоточенным. Первая часть плана была выполнена. Она будет здесь. Теперь нужно было подготовить сцену.

Я обошёл свой лофт взглядом. Слишком стерильно, слишком по-мажорски. Не подходило. Нужно было место, где наши истинные сути могли проявиться без прикрас, где её страх и моя власть не были бы скрыты под слоем дорогого интерьера.

Вспомнился ангар. Но нет, слишком очевидно, слишком... пройденный этап.

Мысль пришла мгновенно. Терасса на крыше. Открытое пространство, ограждённое низким парапетом, залитое сейчас тусклым светом уличных фонарей и отражающее огни ночного Лондона. Холодный ветер, запах приближающегося дождя, абсолютная отрезанность от мира в самом его сердце. И бескрайнее небо над головой — свинцовое, низкое, как потолок древнего храма.

Идеально.

Я поднялся по узкой лестнице, ведущей на крышу. Резкий порыв ветра встретил меня, шумя в ушах. Да, именно здесь. Пространство было пустым, если не считать пары складных кресел и столика, запылившихся в углу. Я отодвинул их в сторону, расчистив площадку в центре, ближе к краю. Чтобы город был свидетелем, немым и равнодушным.

Вернувшись вниз, я прихватил с собой только две вещи: тяжёлое шерстяное одеяло, тёмно-серого, почти чёрного цвета, и небольшую деревянную шкатулку с инкрустацией. Положил их у парапета.

Потом замер, прислушиваясь к тишине лофта и гулу города за окнами. До 20:00 оставался час. Час, который для неё будет тянуться как вечность, наполненный сомнениями и адреналином. А для меня — мгновением собранности, концентрации перед решающим сближением.

Я не хотел её запугивать. Не сейчас. Я хотел... понять. Узнать то, что скрывалось за её язвительностью и страхом. Ту самую искру сирены, которую тётка-ведьма так старательно прятала. Хотел посмотреть, сможет ли она выдержать не только мою ярость, но и эту странную, вынужденную близость на краю крыши, под открытым небом.

И если нет... что ж. Тогда игра действительно перейдёт на новый, более жёсткий уровень. Уровень, к которому я тоже был готов.

Я сел в одно из кресел на крыше, откинулся назад и уставился в темнеющее небо, сливаясь с наступающей ночью. Я был точкой тишины в бурлящем городе. Точкой притяжения

для одной рыжей, яростной бури по имени Мэйв. Она думала, что это конец. Милая, это только прелюдия.

Мой телефон завибрировал. Люк. — Ну что, принц? Развеял скуку? — его голос был хриплым от сигарет и смеха.

— Она назвала меня козлиной мордой, — ответил я, глядя на дорогу, залитую желтым светом фонарей.

— О, серьезно? — Люк рассмеялся. — Поздравляю, ты нашел себе пару. Когда свадьба?

Я пропустил его колкость мимо ушей. Мэйв Келлан. Сирена. Прячет свой зов под маской сарказма и дешевым газовым баллончиком. Она даже не подозревает, что она такое. Или притворяется? Нет. Ее страх был настоящим. Человеческим. Но под ним... под ним клочкотала буря.

— Она «в игре», хочет она того или нет, — ответил я, прикуривая от зажигалки в подстаканнике.

— В игре? — Люк фыркнул. — Братан, ты так говоришь, будто мы играем в покер, а не вытряхиваем душу из очередного пробудившегося. Она тебя газом в рыло брызнула. Это не «в игре», это «в полиции» пахнет. Ты что, мазохист?

Я усмехнулся, глядя на темнеющую дорогу. Его подколки были как старый свитер — неудобные, но привычные.

— Она была... яркой. Даже когда тряслась от страха. В глазах — не просто ужас. Ярость. Такая чистая, что аж искры летели.

— О, Господи, — драматично вздохнул Люк. — Принц наш влюбился. Слушай, может, вместо того чтобы её пугать и преследовать, ты просто пригласишь её на кофе? Букет цветов, коробку конфет... Нет, погоди, для тебя «романтический ужин» — это вырезка из досье и слежка у подъезда.

— Заткнись, Люк. Это не про чувства. Это про потенциал. Она не сломалась. Она огрызнулась. Таких мало.

— Потенциал залить тебе перец в глаза? О, да, очень перспективно. Ладно, ладно, не кипятись. Значит, план какой, оракул? Продолжим пугать до тех пор, пока она либо не вызовет копов, либо не вмажет тебе по голове тем самым баллончиком? Или ты уже выбрал кольца?

Я слышал, как он хрустнул чем-то на том конце провода, вероятно, чипсами.

— План — наблюдать. Она теперь знает, что её ищут. Посмотрим, что она сделает с этой информацией. Куда побегит. К кому. Как глубоко спрячет свою... бурую.

— Наблюдать, — снова фыркнул Люк. — Кодовая фраза для «я буду сидеть в машине напротив её дома и строить из себя красавчика в полумраке». Слушай, а если она просто уедет к тётё в другой город? Бросишь всё и помчишься следом, как преданный щенок?

— Она никуда не уедет, — уверенно сказал я. — У неё тут корни. Работа. И она слишком зла, чтобы сбежать. Злость — лучший якорь.

— Ну, раз ты всё про неё знаешь... — в голосе Люка звучала привычная смесь сарказма и какой-то усталой заботы. — Ладно, принц. Играй в свои кошки-мышки. Я пока закажу нам пиццу. На случай, если твоя сирена снова решит поужинать твоим сомнением. Мясную устроит?

— Устрой, — я сбросил звонок, оставив его смех висеть в тишине салона.

Злость — лучший якорь. И лучшая приманка. Мы посмотрим, Мэйв Келлан, куда тебя заведёт твоя буря.

## Глава 15. Мэйв

Черт. Черт, черт, ЧЕРТ.

Я чуть не раздавила телефон в руке после того, как он бросил трубку. Просто положил. Без прощания, без угроз, без всего. Просто «жду». Как будто мое согласие прийти было такой же неизбежностью, как восход солнца. И самое мерзкое - он был прав.

Моя грудь вздымалась от яростных, неглубоких вдохов. Я стояла в крохотной подсобке кафе, прислонившись лбом к прохладной двери холодильника, пытаюсь остыть. Но внутри все горело. Ненависть. Унижение. Страх. И эта... эта чертова фраза, которая всплывала в голове снова и снова, как навязчивый, похабный мем.

«Представь как ты прыгаешь на мне...»

Тело предательски сжалось, низ живота пронзила горячая, стыдная судорога желаний. Не просто воспоминания. А физиологический отклик на наглый, грубый образ, который он вбил мне в голову. Я зажмурилась, но картинка была только четче: его жесткие руки на моих бедрах, его взгляд снизу вверх, полный невыносимой, собственнической уверен-

ности, ритм, который он задавал... Моя кожа вспотела под униформой.

— Ублюдок конченный, - прошипела я в пустоту, пытаюсь сжечь этим ядом и его образ, и свою слабость. Но слова потеряли свою силу, едва слетев с губ. Они были просто констатацией факта, который меня не останавливал. А возбуждал.

Это было хуже всего. Осознание, что мое отвращение к нему - живое, острое, реальное - каким-то чудовищным образом переплелось с чем-то другим. С любопытством? Нет, слишком мягко. С притяжением? Слишком романтично. Это было темное, магнитное притяжение к краю пропасти. К тому, кто смотрел на мою внутреннюю тьму не с осуждением или страхом, а с узнаванием. С вызовом.

И этот серебряный браслет на лодыжке... Я скользнула взглядом вниз. Тонкая цепочка, холодная и невесомая, казалось, жгла кожу. Метка. Маячок. Напоминание о том, что я теперь - территория, на которую заявил права хищник. Я дёрнула за неё, но застёжка была безупречной, без малейшего зазора. Не снять, не порвать обычными силами. Он знал, что делал.

— Мэйв! Ты где? Стол пятый заказывает! - голос Элисы вырвал меня из мрачных раздумий.

Я сделала глубокий, дрожащий вдох, распрямилась и посмотрела на своё отражение в блестящей дверце холодильника. Растрёпанные рыжие пряди, слишком широко раскрытые глаза, в которых плескалась паника и ярость. Я выглядела как загнанный зверь.

— Соберись, дура, - прошептала я себе, резко проведя руками по лицу. - Он всего лишь парень. Очень богатый, очень наглый и, возможно, психически нестабильный парень. Но всего лишь парень.

Ложь звучала настолько громко, что, казалось, её должно быть слышно на кухне. Он был не «всего лишь» парнем. В ангаре... там было что-то ещё. Что-то древнее, холодное и безумно сильное, что сквозило в его прикосновениях, в его абсолютной, бездонной уверенности. Он называл меня сиреной. Я до сих пор не знала, что это значит, но звучало это как диагноз. И он, похоже, в нём не сомневался.

Я вышла в зал, стараясь, чтобы лицо было каменной маской. Обслужила столик, улыбнулась каким-то знакомым, отбрила пару безобидных шуток Мартина. Всё как обычно. Но внутри всё было иначе. Каждая минута приближала к 20:00. Каждая секунда тикала в такт моему учащённому сердцебиению.

Я ловила на себе взгляд тёти Розы из-за стойки. Её тёмные, пронизательные глаза изучали меня. Она что-то чувствовала. Всегда чувствовала. Я отвернулась, делая вид, что протираю уже сияющий чистотой столик.

В 19:30 я сорвала фартук и почти побежала наверх, в свою квартиру. Мне нужно было переодеться. Во что? Не в платье, чёрт побери. Это будет выглядеть так, будто я наряжаюсь для него. Джинсы, толстовка. Да. Просто и понятно. Это не свидание. Это... вылазка на вражескую территорию с целью разведки. И сказать ему всё в лицо.

Я стояла перед зеркалом в просторной футболке и рваных джинсах, глядя на своё отражение. «Рыжая бестия», - как-то назвал меня Джек. Сейчас бестия выглядела напуганной и злой. Я нанесла немного туши, просто чтобы глаза не казались такими потерянными, и резко зачесала волосы в высокий, небрежный хвост. Пусть видит, что мне плевать.

В 19:55 я уже стояла у подъезда его дома - претенциозного современного здания со стеклянным фасадом. Сердце колотилось где-то в горле. Руки были ледяными. Я почти развернулась и побежала. Просто послала бы его к чёрту и попыталась забыть.

Но тут мой взгляд упал на тонкую серебряную полоску на лодыжке. Она мерцала в свете фонаря. Напоминание. Он найдет. Он уже сказал. И тогда... тогда всё будет по-другому. Хуже.

Я выдохнула облачко пара в холодный воздух и резко толкнула тяжёлую дверь.

Консьерж, элегантный мужчина в униформе, лишь кивнул, когда я назвала фамилию. «Пентхаус. Лифт справа». Он даже не спросил имя. Значит, его предупредили. Ощущение, что я всего лишь ожидаемый пакет, стало ещё сильнее.

Лифт мчался вверх бесшумно и стремительно. Я смотрела, как мелькают цифры, и пыталась придумать первую фразу. Что-то убийственно язвительное. Что-то, что срежет его спесь с самого начала.

Двери открылись прямо в лофт. Огромное, почти пустое пространство в индустриальном стиле, залитое приглушённым светом. И тишина. Гулкая, давящая.

Никого.

Я сделала шаг внутрь, оглядываясь.

- Эй? - мой голос прозвучал неуверенно, глупо.

Тогда я заметила: одна из массивных металлических дверей в глубине была приоткрыта. Из неё тянуло холодным, влажным воздухом. И вела наверх узкая, тёмная лестница.

На крышу. Конечно. Ему мало было ангара. Ему нужно было под самое небо.

Я сглотнула, сжала пальцы в кулаки, почувствовав, как ногти впиваются в ладони, и пошла наверх. Каждая ступенька отдавалась глухим стуком в висках.

Ветер встретил меня наверху, резкий и пронизывающий, заиграл прядями, выбившимися из хвоста. И тогда я его увидела.

Он стоял у самого парапета, спиной ко мне, силуэтом на фоне ночного, туманного сияния Лондона. Высокий, широкоплечий, неподвижный, как часть городского пейзажа. На нём была только тёмная футболка, несмотря на холод. Рядом, на низкой стене, лежало сложенное одеяло и какая-то маленькая шкатулка.

Он не обернулся. Просто знал, что я здесь.

Я замерла на краю крыши, у выхода. Ветер свистел в ушах,

заставляя глаза слезиться.

- Ну что, явилась, - сказала я, и голос, к моему ужасу, дрогнул. - Говори, что хотел. Я слушаю. Ровно пять минут.

Он медленно, очень медленно повернулся. Его лицо было в тени, но я чувствовала его взгляд. Тяжёлый, всевидящий, как прикосновение.

- Пять минут? - его голос был низким, спокойным, едва различимым на ветру. - Маловато, рыбка. Ты же пришла не для разговора.

Он сделал шаг в мою сторону. Инстинктивно я отступила назад, к лестнице. Ловушка. Это была ловушка.

- Я пришла сказать тебе, что ты конченный урод, и чтобы ты отвязался, - выпалила я, стараясь, чтобы слова звучали твёрдо.

Он остановился в паре метров от меня. Теперь свет с улицы падал ему на лицо. Глаза цвета мокрого асфальта. Без улыбки. Без злобы. Только та самая, невыносимая концентрация. На мне.

- Ты уже сказала. По телефону. Но вот ты здесь. Значит, эти слова - не всё, что у тебя есть для меня. - Он снова сделал шаг. На этот раз я не отступила. Гордость не позволила. - Значит, есть что-то ещё.

Он был так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло, смешанное с холодом ночного воздуха. Запах кожи, дорогого мыла и чего-то ещё... тёмного, как дым после пожара.

- Ничего нет, - прошептала я, но это было очевидной ложью. Всё моё тело кричало обратное. Напряглось, ожидая его прикосновения, его ярости, его... всего.

Он наклонил голову, изучая моё лицо.

- Лжёшь. Ты дрожишь. Но не от страха. Не только от него. - Его рука медленно поднялась. Я застыла, не в силах пошевелиться. Его пальцы едва коснулись моей щеки, провели по линии скулы. Прикосновение было шокирующе нежным. - Ты помнишь. Каждый момент. Каждый мой вздох. Так же, как и я.

Его слова разбили мою защиту в щепки. Они были правдой. Проклятой, постыдной правдой.

- Замолчи, - выдавила я, и голос сорвался.

- Зачем? - он прошептал, и его губы оказались в сантиметрах от моих. Его дыхание было тёплым на моём лице. - Если это правда. Если то, что было между нами, было настоящим. Не игрой мажора и официантки. А чем-то... древним. Ты чувствовала это. Я видел это в твоих глазах. В твоём теле. В том, как ты ответила мне укусом.

Я не могла дышать. Горло сжалось. Его слова проникали внутрь, находили отклик в той самой тёмной, спящей части меня, которую тётя Роза всегда учила скрывать.

- Я не знаю, о чём ты, - пробормотала я, отводя взгляд.

Но он поймал мой подбородок пальцами, мягко, но неотвратно заставив смотреть на себя.

- Знаешь. Ты - сирена, Мэйв. И я - твой демон. Мы обречены тянуться друг к другу. Как пламя и порох. Можно пытаться бежать. Но рано или поздно... будет взрыв.

И тогда он поцеловал меня.

Это не был поцелуй в ангаре - грубый, захватнический, полный ярости. Это был медленный, глубокий, исследующий поцелуй. Поцелуй, который требовал не подчинения, а признания. Признания этой безумной, опасной связи между нами. Его губы были тёплыми, уверенными. Его язык скользнул по моей, и по всему моему телу пробежала волна огня, сметая остатки страха и гнева. Я застонала в его уста, и это был звук капитуляции. Мои руки сами поднялись, впились в ткань его футболки на плечах, не отталкивая, а держась, как утопающий.

Когда он наконец отпустил мои губы, я была бездыханна.

Голова кружилась. Он смотрел на меня, и в его глазах горело не торжество, а что-то вроде... голода. Но не только физического. Голода по чему-то, что было во мне.

- Вот видишь, - прошептал он, проводя большим пальцем по моей нижней губе. - Даже твоя ненависть поёт для меня.

И я поняла, что он абсолютно прав. Я пришла сюда не для того, чтобы кричать. Я пришла, потому что не могла не прийти. Потому что его притяжение было сильнее любого страха. Потому что в его тьме я видела отражение своей собственной.

И это было самым страшным признанием из всех.

Слово «поёт» стало последней каплей. Оно прозвучало так снисходительно, так уверенно, как будто он уже держал дирижёрскую палочку над всем моим существованием. И этот поцелуй... этот чёртов, выворачивающий душу наизнанку поцелуй, который заставил мои колени подрагивать, а разум - туманиться.

Я не думала. Сработал чистейший инстинкт, смесь ярости, унижения и отчаянной попытки вернуть себе хоть крупицу контроля. Рука сама взметнулась - короткий, резкий замах - и обрушилась на его щеку.

Звук получился звонкий, хлёсткий, почти нереальный в гулкой тишине крыши. Ладонь загорелась огнём.

Он даже голову не отклонил. Просто замер. Его глаза, секунду назад полные того странного, пожирающего голода, стали абсолютно пустыми. Плоскими, как поверхность ледяного озера. И в этой пустоте было страшнее, чем в любой ярости.

Время остановилось. Ветер выл, но я его не слышала. Слышала только бешеный стук собственного сердца в ушах.

И потом он двинулся.

Не быстро. Не со звериным рёвом. Словно текучая, неотвратимая тень. Его руки сомкнулись на моих бёдрах - железные обручи - и он провернул меня в воздухе с такой чудовищной, нечеловеческой лёгкостью, что у меня перехватило дух. Спина с глухим ударом врезалась в холодную, шершавую стену парашюта. Лёгкие сжались, вытолкнув из груди хриплый выдох.

Он вжал меня в камень всем весом своего тела, не оставляя ни сантиметра для движения. Его бёдра жёстко прижались к моим, его грудь - к моей, лицо - в сантиметре от моего. Его дыхание, ровное и спокойное, било мне в губы.

- Повтори, - сказал он. Голос был тихим, почти ласковым. Но в нём дребезжала стальная струна, готовая лопнуть. - Я очень хочу посмотреть, что ты будешь делать дальше.

Вся моя бравада, весь сарказм испарились, сожжённые ледяным пламенем его взгляда. Во рту пересохло. Я пыталась дышать, но его вес не давал грудной клетке расправиться. Я пыталась вырваться, дёрнув руками, зажатыми между нашими телами, но это было бесполезно. Он был не просто сильнее. Он был твёрже, непоколебимее, как сама скала.

И снова, предательски, сквозь панику и ярость, пробралось другое чувство. Острое, запретное, унижительное. Возбуждение. От его абсолютной силы. От этой демонстрации власти, которая была так откровенна, так честна в своей жестокости. От осознания, что я действительно тронула того самого демона под маской, и теперь он показал мне клыки.

- Отстань, - хрипло прошептала я, и это прозвучало как мольба.

Он медленно покачал головой. Один из его больших пальцев провёл по моей щеке, по тому месту, где, должно быть, горел след от моей же ладони.

- Ты сама пришла, рыбка. Ты ударила первая. - Его голос

стал ещё тише, интимным, как поцелуй в темноте. - Ты развязала эту игру. А теперь... видишь правила? Я не играю в поддавки. И не позволяю, чтобы меня били.

Он наклонился ближе. Его губы почти коснулись моего уха, и я содрогнулась.

- Ты можешь ненавидеть меня. Можешь бояться. Можешь пытаться драться. - Его язык коснулся мочки моего уха, влажный и горячий, заставив всё моё тело дёрнуться. - Но ты не можешь уйти. Потому что тебе интересно. Потому что ты чувствуешь то же, что и я. И удар пощёчины... - он отодвинулся, чтобы снова посмотреть мне в глаза, и в его взгляде плясали холодные искры, - ...это просто ещё один способ прикоснуться ко мне. Не так ли?

Он был прав. Чёрт его побери, он снова был прав. Я ударила его, потому что не знала другого способа выразить этот вихрь чувств - ненависть, влечение, страх, признание. Потому что хотела оставить на нём след. Так же, как он оставил следы на мне.

Слёзы жжениями выступили на глазах, но я не позволила им скатиться. Я впилась в него взглядом, полным всей накопленной ярости.

- Ненавижу тебя, - снова выдохнула я, и на этот раз это прозвучало как клятва. Как зарок.

Угол его рта дрогнул, изображая что-то вроде улыбки.

- Знаю, - повторил он своё заклинание. И затем добавил, уже серьёзно: - Но это моё. Твоя ненависть принадлежит мне. Как и всё остальное.

И прежде чем я успела что-то ответить, его губы снова нашли мои. На этот раз поцелуй не был ни исследованием, ни требованием. Он был завоеванием. Грубым, безжалостным, всепоглощающим. Он пил из меня воздух, стон, самую волю к сопротивлению. Одна его рука отпустила моё бедро и вцепилась мне в волосы у затылка, откидывая голову назад, открывая горло. Его зубы коснулись моей кожи, и я закричала - коротко, глухо - в его рот.

И, к собственному ужасу, моё тело ответило. Оно выгнулось навстречу его груди, ноги инстинктивно обвились вокруг его бёдер, ища опоры. Я больше не боролась с ним. Я боролась с собой. И проигрывала.

Он оторвался от моих губ, его дыхание сбилось. Глаза пылали тем самым первобытным огнём, который я видела в ангаре. Но теперь в них было что-то ещё... удовлетворение. Как будто он только что получил подтверждение своей правоты.

- Видишь? - прошептал он, и его голос был хриплым от желания. - Даже стена не может удержать тебя от меня.

Он отступил на шаг, ослабив хватку, но не отпуская совсем. Его взгляд скользнул по моему лицу, опустился на шею, на грудь, поднимавшуюся и опускавшуюся в судорожных рывках.

- Сегодня не будет цепей, рыбка, - сказал он, и в его тоне снова появились нотки той опасной, игривой интонации. - Сегодня... будет небо над головой и город под ногами. И только ты, я и то, что ты так отчаянно пытаешься скрыть.

Он наклонился, подхватил меня на руки так легко, как будто я ничего не весила, и понёс к тому самому одеялу, лежавшему у парапета. Я не сопротивлялась. Всё сопротивление было выжжено из меня. Осталось только дрожащее предвкушение и горькое, сладкое признание поражения в этой первой, крошечной битве.

Но война, я знала, только начиналась.

Он отнёс меня не как невесту на порог, а как трофей - уверенно, без суеты. И бросил не на одеяло, а рядом с ним. Я грузно приземлилась на холодный, шершавый бетон, зацепившись локтем, и боль резко пронзила всю руку. Хорошо. Боль была реальной, она возвращала в тело, в момент, отвлекала от того водоворота унижения и порочного возбуждения, что закручивался внутри.

Я откатилась от него, подтянув к себе колени, пытаюсь создать хоть какую-то иллюзию защиты. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди и упадёт к его ногам - ещё один подарок.

Он стоял надо мной, смотря сверху вниз, и в его позе не было спешки. Он был хищником, уверенным, что добыча не уйдёт. Ветер трепал его тёмные волосы, делая его похожим на какого-то древнего духа бури, сошедшего с небес, чтобы мучить смертных.

- Чего испугалась? - спросил он. Голос был почти задумчивым. - Не того же, что было в ангаре. Ты ведь уже знаешь, на что я способен. Испугалась чего-то другого?

Я сглотнула ком в горле, пытаюсь найти голос.

- Испугалась того, что ты кончил крышу неостеклённой, - выпалила я, и моя собственная глупая дерзость заставила меня внутренне ёкнуться.

Но он не рассердился. На его лице промелькнула тень чего-то, отдалённо напоминающего улыбку.

- Высоты? Или просто открытого пространства? Возможности закричать так, чтобы тебя наконец услышали?

Его слова попали в точку. Именно это и пугало. Не его руки, не его поцелуи. А это - бескрайнее, пустое небо над головой, море огней внизу и полное отсутствие стен. Здесь не было угла, куда можно было бы забиться. Не было укрытия. Только он, я и пропасть. Физическая и... другая.

- Я не буду кричать, - пробормотала я, отводя взгляд.

- Потому что знаешь, что никто не услышит? Или потому что не хочешь, чтобы слышали? - Он присел на корточки передо мной, балансируя на носках. Его глаза были на одном уровне с моими. В них не было насмешки сейчас. Был интерес. Холодный, аналитический интерес учёного к редкому, опасному образцу. - Твоя тётя... Розалинда. Она ведьма. Она научила тебя скрывать. Запирать то, что у тебя внутри, под замок. Но замки, рыбка, созданы для того, чтобы их взламывать. Или чтобы ключ подбирали.

От одного упоминания тёти Розы по спине пробежали ледяные мурашки. Он знал. Конечно, знал. Он всё вычислил, всё выяснил. Я была для него открытой книгой, в то время как он оставался загадочным, тёмным пятном.

- Оставь её в покое, - сказала я, и в голосе прозвучала настоящая, неигровая тревога.

- Это зависит от тебя, - отрезал он. - От того, насколько

ты готова быть честной. Со мной. И с собой.

Он протянул руку к той самой маленькой деревянной шкатулке, что лежала на парапете. Открыл её. Внутри, на чёрном бархате, лежал не жемчуг. Это был кулон. Камень тёмно-синего, почти чёрного цвета, отливавший глубоким бархатным блеском. Что-то вроде сапфира, но... живое. Казалось, он впитывал в себя свет фонарей и пульсировал изнутри едва уловимым, тёмным свечением.

- Это обсидиан, - сказал он, забирая кулон из шкатулки. Цепочка была такой же тонкой, серебряной, как браслет на моей ноге. - Но не простой. Он был закалён в лаве у самых врат одного определённого Круга. Он... приглушает вибрации. Скрывает их от тех, кто умеет слушать.

Он смотрел на меня, ожидая реакции. Я смотрела на камень, и у меня похолодело внутри. «Приглушает вибрации». То, что он называл моей «сиреной». То, что тётя Роза называла «наследием», которое нужно «усмирять».

- Зачем? - прошептала я.

- Потому что, пока ты светишься, как маяк для всего потустороннего отребья в этом городе, тебя сложно назвать своей, - ответил он с убийственной прямоотой. - Это не подарок,

рыбка. Это ошейник получше. Чтобы другие хищники знали, что добыча помечена. И чтобы сама добыча... помнила, под чьей защитой она находится.

Он наклонился ближе, и я не отпрянула. Цепочка блеснула в свете. Он занёс руки, чтобы надеть её мне на шею.

- Нет, - вырвалось у меня. Слабый, но твёрдый протест. Я отодвинулась, прижавшись спиной к парапету. - Я не надену это. Я не твоя... собачка, чтобы носить твои метки.

Его руки замерли в воздухе. В его глазах что-то поменялось. Ледяной интерес сменился чем-то более тёмным, более нетерпеливым.

- Ты уже носишь одну, - тихо напомнил он, кивнув на мою лодыжку. - И пришла сюда сама. После всего. Ты уже моя, Мэйв. Всё, что сейчас происходит - это просто... оформление прав собственности. Ты можешь делать это легко. Или трудно. Но результат будет один.

Он снова двинулся ко мне. На этот раз не спеша, давая мне время осознать каждый его шаг. Я вжалась в камень, чувствуя, как гранит холодит спину даже через тонкую ткань футболки.

- Не трогай меня, - сказала я, но это уже было мольбой.

- Ложь, - прошептал он, уже в сантиметре от меня. Его руки упёрлись в парапет по бокам от моей головы, заточив меня в клетке из собственного тела. - Ты хочешь, чтобы я тебя трогал. Так же отчаянно, как хочешь, чтобы я остановился. В этом вся твоя прелесть. В этом разрыве.

И он поцеловал меня снова. Не властно, а... убедительно. Его губы скользили по моим, язык касался, обещал, дразнил. Одна его рука соскользнула с парапета и легла на мою талию, большой палец прочертил линию под ребрами, вызывая мурашки. Я замерла, парализованная противоречием: хотела оттолкнуть и вцепиться одновременно.

Когда его губы сместились к моей челюсти, затем к шее, оставляя горячие, влажные следы, я закинула голову назад, упираясь в холодный камень. Глаза сами закрылись. Его зубы легонько сжали кожу у основания горла - не больно, но с угрозой, с намёком. И это было невыносимо... и чертовски возбуждающе.

- Надень его, - прошептал он прямо в кожу, и его голос вибрировал у меня в костях. - Надень, и я покажу тебе, каково это - принадлежать. По-настоящему.

Одна его рука ушла, и я слышала лёгкий звон цепи. Хо-

лодок металла коснулся ключицы. Он накидывал кулон.

Инстинкт кричал «сопротивляйся!». Но тело, преданное собственными реакциями, дрожало от ожидания. От желания узнать, что же значит это «по-настоящему». Ярость и страх сливались в один коктейль, от которого кружилась голова и слабели колени.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня, держа в пальцах застёжку кулона у моей шеи сзади. Его взгляд был вопросом и приказом одновременно.

И в тот момент, ненавидя себя больше, чем когда-либо, я дала едва заметный, почти незаметный кивок. Капитуляция. Признание. Согласие на новое звено в цепи.

Щелчок застёжки прозвучал громче, чем шум города внизу. Камень лег холодной тяжестью между ключицами. И тут же... я почувствовала. словно глухую, тяжёлую завесу опустили на что-то внутри меня. Не на эмоции, не на мысли. На что-то более глубокое, фундаментальное. На ту самую «вибрацию», которую я едва начала осознавать. Теперь она притихла, заглушённая. И от этой тишины внутри стало одновременно спокойнее... и безумно одиноко.

Удовлетворение, тёмное и глубокое, отразилось в его гла-

зах.

- Хорошая девочка, - прошептал он, и эти слова обожгли сильнее любого пощечины.

А потом его губы снова нашли мои, и на этот раз в его поцелуе не было ничего, кроме голода. Голода победителя. И я, нося его метку на шее, ответила ему тем же - поцелуем, полным ненависти, отчаяния и порочного, всепоглощающего согласия.

Его поцелуй был окончательным приговором и приглашением одновременно. Когда он оторвался, отступив на шаг, в его глазах полыхала такая уверенная победа, что мне захотелось снова ударить его. Но рука не поднялась. Она обвисла плетью, предательски дрожа.

«Встань», - сказал он, не командующим тоном, а просто, как констатацию следующего неизбежного шага.

Я поднялась. Ноги были ватными, но держали. Холодный камень кулона покачивался на груди, бился в такт бешеному пульсу. Он стоял неподвижно, наблюдая, как я пытаюсь обрести равновесие. Нас разделяло пару метров открытого бетона крыши.

Инстинкт выживания, наконец, пробился сквозь туман в

голове. Отойди. Просто увеличь дистанцию. Я сделала шаг назад. Затем ещё один. Он не двигался с места, лишь повернул голову, следя за мной взглядом хищной птицы. Ветер пронизывал тонкую ткань футболки, заставляя ёжиться. Я отступала к единственной твёрдой, видимой границе в этом пустом пространстве - к низкому стеклянному парапету, за которым зияла бездна ночного города.

Спина уперлась в прохладное, твёрдое стекло. Дальше отступать было некуда. Только вниз. Мысль была настолько чёткой и леденящей, что дыхание перехватило. Я замерла, прижав ладони к гладкой поверхности за спиной, как будто могла в неё влипнуть, стать частью этой хлипкой преграды между мной и падением.

И тогда он пошёл.

Неспешно. Шаг за шагом, отмеряя расстояние, которое я сама создала. Его силуэт рос, заслоняя огни города, затем тусклое небо. Он приближался, и с каждым его шагом стекло за моей спиной казалось всё тоньше, всё более ненадёжным. Я вжалась в него сильнее, пытаюсь просочиться сквозь него, сбежать.

Он остановился вплотную. Наши тела не касались, но я чувствовала исходящее от него тепло, слышала его ровное

дыхание. Он поднял руку, и я невольно сжалась, ожидая удара, захвата. Но он лишь положил ладонь на стекло рядом с моей головой, замыкая меня в ещё более тесную ловушку.

- Испугалась высоты? - спросил он тихо, его губы оказались в сантиметре от моего уха. - Или того, что я могу открыть эту дверь в никуда?

Я не ответила. Голос застрял в горле, сдавленный страхом и чем-то ещё... ожиданием.

Его свободная рука скользнула ко мне. Не к лицу, не к шее. К низу моего свитера. Пальцы нащупали край ткани, зацепились за него. Я замерла, глаза расширились.

- Дыши, рыбка, - прошептал он, и в его голосе прозвучала почти что насмешка. - Это всего лишь одежда.

Резким, сильным движением он потянул свитер вверх. Я инстинктивно вскинула руки, чтобы не дать ему, но было поздно. Ткань, грубая и тёплая, скользнула по голове, по рукам, оголив торс холодному ветру и его взгляду. Он швырнул свитер куда-то в темноту за собой.

Я осталась стоять перед ним, прижатая к стеклу, в одном простом чёрном лифчике и джинсах. Кожа покрылась му-

рашками, сосочки затвердели от холода и... от его внимания. Его взгляд был физическим прикосновением. Он медленно, детально осматривал каждую открытую пядь кожи - рёбра, впадину живота, линию застёжки лифчика. В этом взгляде не было пошлого восхищения. Была оценка. Констатация факта. Моё.

- Вот так лучше, - произнёс он, и его рука, всё ещё лежавшая на стекле, опустилась, схватив меня за предплечье. Сила в его пальцах была неумолимой. Он провернул меня, как марионетку, оторвав от стеклянной опоры.

На миг я увидела мелькание огней внизу, головокружительную пустоту. Сердце упало в пятки. Но прежде чем страх успел оформиться в крик, он притянул меня к себе, развернув спиной к своей груди. Его руки обхватили меня с двух сторон, одна - всё так же держа за руку, другая - легла плоской ладонью на мой голый живот, прижимая спиной к нему.

Я оказалась в его ловушке ещё надёжнее. Стекло и пропасть - передо мной. Его тело, твёрдое и неотвратимое - сзади. Бежать было некуда. Даже если бы я захотела.

Его губы коснулись кожи у меня за ухом, горячие на фоне ледящего ветра.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.